

БОЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Группа БРИК
в глобально-управленческой стратегии
англосаксонского Запада

А.ИСАКОВ, А.ОЛЕЙНИК

Н.АГАМИРОВ

Оппозиция и власть

Дети – граждане мира

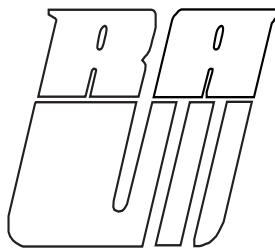
А.САВИЦКИЙ

А.ОРЛОВ

**“Чёрная дыра”
российской экономики**

**Тerrorизм в Испании:
международный аспект**

**Кризис в области контроля
над обычными вооружениями**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ - OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Оппозиция и власть	6
А.Исаков, А.Олейник	
В статье на значительном фактическом материале анализируются вопросы правомерности существования в государстве оппозиции и ее взаимоотношения с существующей властью.	
Зачем и какой нужен закон о национальной безопасности?	17
В.Трофимов	
В связи с разработкой проекта федерального закона “О национальной безопасности” автор теоретически обосновывает и формулирует конкретные предложения, направленные на существенное улучшение его качества, на установление действенного правового механизма защиты и развития населения страны.	
Группа БРИК в глобально-управленческой стратегии англосаксонского Запада	25
В.Павленко	

В статье посвященной анализу основных аспектов развития БРИК, автор вопреки сложившемуся взгляду рассматривает ее в качестве элемента глобально-управленческой

стратегии англосаксонского “глобального центра”, ключевая роль в которой отведена Китая.

Подвергая критике современную концепцию «многополярного мира», автор показывает, что перспективы реальной «многополярности» связываются с переходом к военно-политической и идеологической консолидации в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Кризис в области контроля над обычными вооружениями

47

В.Гончаров

Статья посвящена актуальной проблеме обеспечения европейской безопасности – восстановлению жизнеспособности Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ).

ДОВСЕ является основным и пока единственным механизмом контроля над обычными вооружениями на пространстве ОБСЕ. Однако в связи с кардинальным изменением военно-политической обстановки в Европе в 90-е годы и нежеланием стран Запада учесть российские озабоченности Российской Федерации была вынуждена приостановить действие Договора. Тем не менее, диалог в области контроля над обычными вооружениями не закончен и сегодня усилия России направлены на поиск развязок по восстановлению жизнеспособности ДОВСЕ.

Глобальный кризис и отношения США и Европы

59

В.Котляр

Автор анализирует дискуссию, разгоревшуюся в последние месяцы в американском и европейском экспертном сообществе, о влиянии современного финансово-экономического кризиса на отношения между США и их европейскими союзниками. Оставаясь одной из крупнейших держав, США начинают уделять гораздо больше внимания своим отношениям с ведущими азиатскими странами, причем трансатлантические отношения, сохраняя приоритет для США, уже не будут служить основой для их внешней политики. В Европе даже в странах Центральной и Восточной Европы проявляется тенденция к несколько более независимой внешней политике. Однако сегодня не следует говорить о фундаментальной “перестройке” европейской внешней политики, в том числе по отношению к России, а скорее речь идет о замедлении ее особенно негативных тенденций.

Терроризм в Испании: международный аспект

65

А.Орлов

В статье рассматривается международный аспект деятельности ЭТА (Организация “Страна Басков и свобода”) и ее политических и общественных филиалов. Создание международного фронта ее поддержки является одним из ключевых элементов стратегии ЭТА по “интернационализации” баскского конфликта.

“Черная дыра” российской экономики или куда движется АвтоВАЗ

74

А.Савицкий

Опираясь на анализ антикризисной политики крупнейших государств мира в области автомобилестроения, автор раскрывает глубинные причины проблемного состояния отечественного автомобильного рынка.

Он констатирует, что меры российского правительства по защите национального автопрома, главным образом АвтоВАЗ, не достигли своей цели и требуется отказ от политики патернализма. Единственное правильное решение заключается не в "адресной" поддержке отдельных крупных компаний, а проведение долговременного курса на поддержку и расширение платежеспособного спроса населения, преимущественное инвестирование в инновационное производство.

Корпоративное лоббирование как антирисковая деятельность

Д.Белов

82

Статья посвящена проблемам, связанным с ролью лоббистской деятельности во взаимодействии крупных корпораций с государственными органами. Выявлено, что в процессе этого взаимодействия у компаний возникают определенные риски, которые необходимо минимизировать. Лоббирование является одним из способов управления возникающими рисками, призванным минимизировать потенциальные потери и максимально увеличить возможную прибыль.

Геополитические интересы США в Закавказье

А.Магомедов

89

Анализируя внешнюю политику США на кавказском направлении, автор показывает, что ее следует рассматривать через призму общей стратегии США на постсоветском пространстве, цель которой, в конечном счете свести к минимуму политическое влияние России в этом регионе, а также замедлить интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Дети – граждане мира

А.Агамиров

94

В статье, исходя из актуальности вопроса о гражданстве детей и соблюдении их прав, зафиксированных в таких документах, как Конвенция о правах ребенка (1989 г.), автор стремится показать особый путь эволюции отношения взрослых к детям, раскрыть специфику международной правовой системы защиты детей, а также выявить новые возможности детской дипломатии, являющейся одним из наиболее динамично развивающихся видов народной дипломатии.

Участие Финляндии во Второй мировой войне

Е.Сенявская

101

Статья посвящена участию Финляндии в войне против СССР в 1941–1944 гг. на стороне фашистской Германии, освещению этих событий в финской и советской пропаганде того времени, а также современным попыткам финской политической и интеллектуальной элиты переписать историю Второй мировой войны.

Кластеры в экономике: основы кластерной политики государства

Е.Куценко

112

Автор рассматривает основные направления кластерной политики государства. В материале настоящего номера раскрываются следующие вопросы: сочетание эволюци-

онных и конструктивных тенденций при формировании кластеров, содержание кластерной политики государства, отличие кластерной и промышленной политик, место и роль государства в процессе активизации и развития кластеров.

О “здоровом теле и духе” государства

121

Э.Касаев

Основываясь на монографии профессоров С.Я.Курица и В.П.Воробьевы “Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права”, автор высказывает собственные мысли о возможном механизме решения многих правовых и управлеченческих проблем, с которыми сегодня сталкиваются государства.

Анализируя различные, схожие для многих стран и обществ “патологии”, автор все же акцентирует особое внимание на индивидуальных “болезнях” России.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ХМЫРОВ Ю.Н.; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве России, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП НИКИЭТ им. Н.А.Доллежаля, доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г.Л. – руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП России, академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Оппозиция и власть

Анатолий Исаков
Андрей Олейник

На всех этапах существования любого государства противоборство оппозиции и власти составляло основное содержание его внутренней политики. Особенно важно понимание этого вопроса в период глобализации, которая, как показывают события сегодняшнего дня, переживает глубокий социально-экономический кризис и стоит на грани новых потрясений.

Попытаемся разобраться в этом вопросе и сделать определенные выводы, столь необходимые для стабилизации внутренней и внешней политики России.

Немного истории

Исторический опыт показывает, что государственная власть всегда стремилась сохранить свое политическое господство и решительно подавляло малейшие проявления оппозиционной деятельности других политических группировок. Так было в древней Греции и Риме, так обстояло дело в средневековых государствах, отличающихся особой жестокостью по отношению к своим политическим противникам. Эту тенденцию подхватил капитализм, который, однако, не стал играть с огнем, а допустил возможность существования определенных оппозицион-

ных сил, но под контролем государства. Так в Европе, США и других странах возникли оппозиционные партии – консерваторы и лейбористы, республиканцы и демократы, правые и левые и т.д.

Сейчас в мире можно наблюдать такую картину. Есть государства, где вообще нет какой-либо оппозиции. Существуют страны, где официально признается наличие оппозиции, но она здесь не представляет угрозы господствующей социально-экономической формации, а лишь борется за частичное изменение сложившегося положе-

ИСАКОВ Анатолий Исаевич – доктор военных наук, профессор.

ОЛЕЙНИК Андрей Витальевич – кандидат юридических наук, доцент.

Ключевые слова: оппозиция; власть; государственная власть; политические партии; многопартийность; экстремистская деятельность; террористическая деятельность.

ния. Наконец, есть государства, которые, декларируя наличие оппозиции, на деле устанавливают такой режим, при котором существование оппозиции никоим образом не может поколебать устои власти.

Существенные перемены можно обнаружить в регулятивной подсистеме, которая включает в себя совокупность политических и правовых принципов и норм, составляющих политico-правовую основу функционирования общества. Согласно Конституции 1977 г., ядром политической системы советского общества являлась коммунистическая партия, выступавшая в качестве организующей и направляющей силы. Политическое развитие нашей страны определялось, как известно, не только Основным Законом и иными законодательными актами, но и программой правящей партии, документами ее партийных съездов, конференций и пленумов. Принцип демократического централизма, на котором организационно строилась партия, признавался исходным государственным принципом. Конституцией страны не предусматривалось разделения властей на самостоятельные ветви; наоборот, в основе деятельности Советов как органов государственной власти была заложена идея единства законодательной и исполнительной власти.

В настоящее время политico-правовые принципы и нормы, лежащие в основе функционирования политической системы российского общества, ориентированы на международные демократические стандарты.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашает Россию демократическим федеративным правовым социальным государством с республиканской формой правления, а единственным источником власти – ее многонациональный народ. Органы

государственной власти России осуществляют свою деятельность на основе принципа разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых относительно самостоятельна. В нашей стране конституционно признается и гарантируется система местного самоуправления, утверждается идеологическое и политическое многообразие, обеспечивается многопартийность.

Однако не все вопросы политico-правового регулирования общественной жизни получили в настоящее время свое решение.

Так, сохраняют свою актуальность проблемы законодательного обеспечения принципа разделения властей, продолжается поиск оптимальной структуры так называемой “президентской вертикали”, не до конца отработаны правовые вопросы, касающиеся деятельности судебных органов страны и т.д.

Например, в Конституции Российской Федерации запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Содержащаяся в ст. 13 Конституции формула о цели объединения, наличие которой делает его неконституционным, свидетельствует о предупредительном характере института недопущения создания и деятельности общественного объединения в Российской Федерации. Запрет возможен, если имеется реальная угроза конституционному строю государства. Основанием для запрета являются не отдельные нарушения конституционных норм. Тако-

вые, если для этого есть основания, влекут установленную уголовным, гражданским, административным законодательством ответственность физических лиц. Словом, речь идет о наличии таких целей объединения, осуществление которых лишало бы его “идентичности” с конституционным строем государства. Причем упомянутую “идентичность” нельзя истолковывать как ограничение плюралистической демократии, свободы политической деятельности, в том числе по реформированию самого конституционного строя в соответствии с установленными Конституцией процедурами и в предусмотренных ею формах.

Одновременно представляется, что проблема конституционности может и должна рассматриваться не только с точки зрения взаимоотношений объединения с другими участниками политического процесса, но и с точки зрения его внутренней организации, основных принципов организационного построения и функционирования. Однако в последнем случае для запрета объединения нарушение демократических принципов организации и деятельности должно носить характер принципиально антидемократической позиции, выражющейся в отказе или грубом нарушении в широких масштабах прав человека, воспрепятствовании функционированию в установленном Конституцией порядке государственных институтов, суверенности государственной власти и пр. Соответствующие оценки, влекущие за собой обязательные юридические последствия, может давать только суд. Причем антидемократическая позиция объединения должна быть подтверждена в суде совокупностью фактов, свидетельствующих о реальной угрозе существования и деятельности такого объединения конституционному строю, безопасности личности, общества и государства.

Важным фактором, благоприятствовавшим законодательному закреплению многопартийной системы, стало принятие Закона “Об общественных объединениях” (октябрь 1990 г.), который действует и в настоящее время. С марта 1991 г. началась регистрация партий и их официальная деятельность.

На политической сцене появились многочисленные политические объединения, принявшие статус политических партий. На ноябрь 1998 г. министерством юстиции было официально зарегистрировано 95 политических партий общероссийского уровня и 154 общественно-политических движения.

Но в современной России, по сути, нет оппозиции. Наряду с правящей партией “Единая Россия” у нас в стране существует еще другие партии – “Справедливая Россия”, “Либерально-демократическая партия”, “Коммунистическая партия Российской Федерации” и некоторые другие. Причем первые две партии, имеющие свои программы и уставы, определенную организационную структуру, иногда пытаются высказывать свои взгляды по ряду вопросов внутренней и внешней политики государства, иногда даже резко.

Так, например, ЛДПР и другие политические партии после последних выборов, состоявшихся 11.10.2009 г. в местные органы самоуправления, на заседании в Государственной Думе не согласились с результатами голосования и демонстративно покинули зал заседаний, объявив, что вернутся обратно только после встречи с Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым.

Но когда речь заходит о серьезных социально-экономических преобразованиях в стране, они уходят в сторону и поддерживают курс “Единой России”. Это партии одного блока – блока власти.

Исключение составляет, пожалуй, КПРФ.

Как известно, КПРФ действует с 1993 г. как преемница Коммунистической партии РСФСР (была образована в рамках КПСС в 1990 г.), деятельность которой была приостановлена Указом Президента РСФСР в августе 1991 г., а в ноябре того же года ее деятельность была запрещена.

После вердикта Конституционного суда РФ от 30 ноября 1992 г. “по делу КПСС и КП РСФСР” (было заявлено о соответствии Конституции РФ деятельности партийных организаций КП РСФСР на территории России), коммунисты получили право на легальную деятельность в рамках Конституции РФ и смогли завершить организационное оформление Компартии России. В результате ряда учредительных съездов на смену КП РСФСР в 1993 г. пришла КПРФ, которая вскоре заявила о себе как о влиятельной политической организации России и стала основной оппозиционной силой в нашем обществе.

Правда восстановление КПРФ было оценено как начало деятельности еще одной парламентской партии.

В этих условиях ряды сторонников КПРФ расширились, что выражалось на успехе партии на парламентских выборах в 1995 г. В 1996 г. “демократы” лишь ценой неимоверных усилий (фальсификация, шантаж, клевета, использование черных схем PR-технологий посредством СМИ, политико-административного ресурса) удержали пост президента страны. Правда, и КПРФ в этих условиях не проявила свои лучшие качества в борьбе за власть, самоуспокоилась, рассчитывая, что победа вот-вот будет у нее в руках

Но в политике полагаться на случайное стечние обстоятельств не принято (существует афоризм: “Если мы не занимаемся политикой, то политика

займется нами”), что сказалось на очередных выборах в парламент в 1999 г., хотя фракция коммунистов в Государственной Думе существенно окрепла. Это был период широкой низовой поддержки партии, который позволил ей быть на равных с властью. В обществе нарастало ощущение, что настроения значительной части населения должно вылиться в победу явного большинства народа над властвующим меньшинством через механизм выборов.

Но пока массы жили надеждой на скорое отстранение Ельцинистов от власти, общенародная собственность растиаскивалась вновь возникшими олигархами, которые, кстати говоря, привели Ельцина к власти, но на определенных своих условиях (так называемая “семибанкирщина”). И это определило, в конечном счете, дальнейший ход событий. К 2000 г., то есть к моменту прихода к власти В.В.Путина, советский уклад жизни уже был разрушен. На волне подскочивших нефтедолларовых доходов резко сократились расходы на оборону, расширились возможности новых руководителей России сказать свое слово во внутренней и внешней политике. Похвалы в адрес власти о наступлении “экономического роста” звучали все громче.

В этих условиях у части сторонников КПРФ ощущение возможности быстрой победы ушло. Коммунисты стали готовиться к изнурительной позиционной борьбе – идей, программ, принципов, в которой тонут все усилия реального завоевания власти. Энтузиазм добровольцев снизился, а многие из них переключились на длительную борьбу за физическое выживание.

Отсроченная победа стала серьезным испытанием, как для самой партии, так и для ее сторонников. Появились признаки разногласий внутри КПРФ, отход от курса партии части

“красных губернаторов”, руководителей некоторых региональных организаций и части рядовых членов партии. Возникла группа Семигина–Потапова, пытавшаяся расшатать КПРФ. Но это серьезное испытание коммунисты сумели, в конце концов, преодолеть.

В настоящее время КПРФ, насчитывающая в своих рядах 151 тыс. членов партии, объединенных в 83 региональных организаций, имеет в Государственной Думе и местных органах власти своих представителей, и находится в оппозиции существующему руководству страной. Она использует все возможности для пропаганды своей идеологии, критики политики своих сторонников, в том числе из числа людей среднего поколения и молодежи. Но в целом КПРФ находится сейчас в таком положении, что она еще далека от того, чтобы бороться за власть с блоками проправительственных партий во главе с “Единой Россией”. У нее нет для этого достаточной численности, дееспособного возраста, “теневого кабинета” и реальной возможности повести за собой большинство населения страны, несмотря на некоторое повышение своих шансов в связи с обострением обстановки, вызванной экономическим кризисом и систематическими затруднениями нынешнего руководства в сокращении безработицы, улучшением положения на Северном Кавказе и предотвращением многочисленных чрезвычайных ситуаций.

Получается, что в современной России полноценной оппозиции не сущес-

твует (точнее существует, но “карманная”). Это существенно облегчает осуществление внутренней и внешней политики руководством страны. Но данное обстоятельство вовсе не означает, что власти должны спокойно взирать на сложившуюся обстановку в государстве и не предвидеть возможного ее усложнения в связи с активизацией оппозиционных сил. Ее задача должна состоять в том, чтобы не только удержать и укрепить свои позиции, но и максимально ослабить влияние оппозиции, в частности КПРФ, которая в обозримом будущем может составить для нее реальную угрозу. Одним из возможных направлений реализации данной задачи может быть формальное признание властью правомерности деятельности оппозиции, но при двух обязательных условиях: во-первых, оппозиция должна быть ограничена в своих возможностях и, во-вторых, она не должна рассчитывать на поддержку со стороны различных неформальных организаций, многие из которых склоняются к экстремистской деятельности.

С этой целью руководство страны должно пристально отслеживать любые шаги оппозиции, включая доведение до нее представлений министерства юстиции России, а также ограничивать ее выступления в СМИ, в организации митингов, пикетов и демонстраций. Нельзя также не реагировать на различного рода политически невыдержаные высказывания представителей оппозиции.

Нужна ли оппозиция в России?

Возникает вопрос: обязательно ли наличие оппозиции в системе власти в России и в каком виде она в ней может существовать?

Казалось бы, ответ очевиден – нужна. Ведь оппозиция неотъемле-

мый атрибут любой демократической власти, что в борьбе мнений, как известно, рождается истина. Этого положения сейчас придерживается подавляющее большинство стран мира, которые видят в этом источник даль-

нейшего развития и совершенствования общества.

Так обстоит дело в США, странах Европы, ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки.

В известной мере это относится и к России.

Государства мира видят в наличии оппозиции не только выражение волеизъявления народа через деятельность определенных политических партий, но и возможность сохранить статус-кво в его общественно-экономическом устройстве.

С другой стороны, наличие оппозиции заставляет правящие партии более решительно проводить свою политику и добиваться определенных результатов во внутренней и внешней политике. Иначе их не поймут избиратели и на следующих выборах или еще до них откажут им в доверии. Поэтому здесь имеют место и частные подачки избирателям, и постоянное рекламирование их прав, и раздувание национальной исключительности и т.д. Иными словами, приходя к власти, та или иная политическая группировка старается всякими правдами и неправдами как можно дольше сохранить свое политическое господство.

И еще одно обстоятельство. Наличие оппозиции в системе власти, по мнению мировых политиков, официально иллюстрирует истинную демократию, закрепленную к тому же в конституциях государств. Такое положение якобы подтверждает возможность каждого гражданина свободно выражать свои взгляды на политическое устройство общества.

Но есть ряд стран (Китай, Куба, КНДР, Вьетнам, Венесуэла и некоторые другие), где наличие оппозиции считается излишним и более того – преступным, поскольку в этих государствах власть принадлежит всему народу и нет необходимости иметь ка-

кие-то политические силы, интересы которых должны идти вразрез подавляющему большинству населения страны. Кстати, этих же взглядов придерживалось руководство СССР, которое не допускало наличие в стране оппозиции, зачастую прибегая к практике репрессий.

Но было бы наивно полагать, что в подобного рода странах вообще не допускается свобода мысли, творчества, волеизъявления на выборах, существования демократических организаций.

Это, конечно не так.

Но там свобода не совместима со вседозволенностью, а деятельность демократических институтов с экстремизмом.

Иными словами, в авторитарных государствах существование оппозиции допускается, но лишь в пределах, не представляющих угрозы существующему строю. Так, кстати, было в Советском Союзе, где это положение было закреплено в основных нормативно-правовых актах государства, хотя на практике это выглядело по-другому. Всякое посягательство на устои существующего общественно-экономического строя решительно пресекались. На это были веские основания.

В условиях современного демократического государства в России условия для деятельности оппозиции существенно изменились. Она получила возможность свободно высказывать свое мнение, участвовать в выборах, массовых мероприятиях и т.д. Но оппозиция может не довольствоваться этими благоприятными возможностями. Более того, она при всяком удобном случае будет стремиться объединяться с определенной частью общественных и религиозных организаций, которые вынашивают явные антидемократические настроения. Поэтому учитывая потенциальную опасность такого рода организаций, которые могут претендовать на власть, руководство страны пред-

приняло ряд мер по борьбе с ними, ограничив их деятельность рядом федеральных законов, например, “О противодействии экстремистской деятельности” и “О противодействии терроризму”.

Так, в федеральном законе “О противодействии экстремистской деятельности” прямо указывается, что в России не допускается деятельность общественных и религиозных организаций, СМИ и физических лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, а также пропаганда и публичные призывы к осуществлению указанных действий.

В этих целях противодействие экстремистской деятельности предусматривает принятие профилактических мер (воспитательных и пропагандистских), а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных организаций и физических лиц.

Федеральный закон “О противодействии терроризму”, раскрывая содержание террористической деятельности, предусматривает ряд мер правового, оперативного и силового характера, направленных на решительную борьбу с проявлениями терроризма с участием федеральных органов исполнительной власти, в том числе правоохранительных органов и вооруженных сил, а также местных органов самоуправления.

Особое внимание в указанном законе уделяется выявлению и пресечению террористических акций, вплоть до проведения контртеррористических операций с введением особого правового режима (режима контртеррористической операции).

Теперь попытаемся ответить на вторую часть вопроса.

Действительно, организационные формы существования оппозиции могут быть, как показывает исторический опыт, различными. Наиболее распространенной из них является наличие в го-

сударстве, кроме существующих властных структур, различных политических организаций (партий), которые преследуют свои цели – улучшение условий жизни и труда жителей страны или слом существующего общественно-экономического строя, а потом уже существенное повышение уровня благосостояния подавляющего большинства населения. Особую роль в процессе создания и развития партийных систем играет действующее в данном обществе законодательство, регулирующее правовые основы и порядок формирования и деятельности партийно-политических сил. При этом следует обратить внимание на сущность избирательной системы, от которой во многом зависит конкретный тип партийной системы, существующий в стране.

Так, наиболее широко распространены мажоритарная (голосование за конкретного кандидата, победа которого определяется по большинству голосов) и пропорциональная (голосование по партийным спискам) системы представительства, а также смешанная система, которые дают принципиально разные результаты при расстановке партийных сил в представительных органах.

Известно, что в результате голосования по мажоритарной системе, как правило, складывается широкое представительство в органах власти различных политическим партий, в том числе тех, которые имеют незначительное влияние на избирателей (например, лишь на местном уровне, в отдельных избирательных округах). Проведение выборов по партийным спискам, напротив, дает преимущество крупным партиям, имеющим общенациональную поддержку, что ограничивает круг политических объединений, представленных в структурах власти. Кроме того, на практическое влияние полити-

ческих партий могут существенно влиять избирательные ограничения (цензы) для определенных категорий населения в тех странах, где они существуют.

Традиционно сильное влияние на граждан оказывают европейские политические партии, в которых состоит значительная часть взрослого населения.

Так, в ФРГ членами политических партий являются 4,5% лиц, имеющих избирательное право, в Швейцарии – 8,5%, в Италии и Нидерландах – по 9,5%, в Бельгии – 10%, Швеции – 15% и в Австрии 23%.

Для сравнения можно отметить, что в 2005 г. в политических партиях в России состояло лишь 5,5% от числа взрослых граждан.

В соответствии с наиболее распространенной методикой все партийные системы рассматриваются как *конкурентные* и *неконкурентные* (однопартийные).

Конкурентные партийные системы в свою очередь делятся на многопартийные, двухпартийные и многопартийные с доминирующей (господствующей) партией. Степень конкурентности при этом убывает по мере перечисления видов представленных партийных систем.

Многопартийная система (интегральная многопартийность) характеризуется значительным количеством политических партий, имеющих общенациональное значение и играющих самостоятельную роль в политической жизни (например, во Франции, Италии).

Как правило, в условиях многопартийности ни одна из представленных в парламенте партий не в состоянии самостоятельно создать правительство, а поэтому исполнительная власть формируется на коалиционной, межпар-

тийной основе. Многопартийность означает, что в обществе посредством многочисленных политических партий представлены интересы самых различных слоев населения (широкое представительство на основе дифференциации), однако она не в состоянии эффективно агрегировать эти интересы и разрозненные требования, а также гармонизировать их.

В своей недавней статье “*Россия, вперед!*” Президент Российской Федерации Д.А.Медведев подчеркнул, что в России “лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти”. Видимо, он имел в виду политические партии, придерживающиеся одной идеологии.

А как быть, например, с КПРФ, которая исповедует совершенно противоположные взгляды на развитие общества?

Комментарии в ряде СМИ по этому поводу сводятся к тому, что на “несистемную оппозицию” (КПРФ – Авт.) это заявление “не распространяется и не может быть распространено”.

Таким образом, создавая широкие возможности для выражения интересов и рассредоточения власти, многопартийная система содержит в себе предпосылки возможной нестабильности органов государственной власти, частой смены правительств в результате острой конкурентной борьбы политических партий. Даже относительно небольшая партия, представленная в парламенте или правительстве, можетdestabilizировать политическую ситуацию и привести коалиционное правительство к отставке. Компенсаторным механизмом в этих условиях может являться наличие стабильных и прочных союзов партий, интегрирующих многообразные политические силы и снижающих степень неопределенности в ходе политической конкуренции.

Двухпартийная система складываеться на основе взаимодействия двух крупных и наиболее влиятельных в стране политических партий.

Двухпартийность не означает отсутствия других партий, в том числе на общенациональном уровне, однако все они практически не вмешиваются в противоборство ведущих политических сил.

К оппозиции первого типа относится, например, демократы и республиканцы в США. Противоборство между ними, если его вообще можно так называть, ведется более 200 лет, но на одной и той же основе – сохранении существующей в стране общественно-экономической формации. Противоречия между этими политическими группировками сводиться лишь к тому, какая из них в тот или иной период существования общества сумеет привлечь на свою сторону большинство избирателей, провозглашая наиболее востребованные обществом лозунги в области внутренней и внешней политики.

Подобным образом обстоит дело с оппозицией в других странах мира, где уже на протяжении длительного времени сложилось противостояние противоположных, но не антагонистических политических группировок.

Но как долго будет продолжаться такое положение?

Видимо, до тех пор, пока жизнь не поставит на повестку дня смену общественных отношений. Уже нынешний финансово-экономический кризис, разивший подавляющее большинство стран мира, породил в ряде стран среди оппозиционных политических партий настроения о пересмотре взглядов на дальнейшее развитие общества и на “игру в оппозицию”.

Так, например, лидер Социально-демократической партии Германии, входящий в правительство, Франц Мюнтеферинг, за-

явил недавно: “Нынешняя форма капитализма, которая не сознает своей ответственности перед человеком и обществом, должна быть отправлена на помойку. Экзекессы распоясавшегося финансового капитала должны быть прекращены”.

Ему вторит председатель многомиллионной Федерации немецких профсоюзов Михаэль Зоммер: “Если мы, в своей стране не сумеем найти справедливого, приемлемого для людей выхода из кризиса, если из этого кризиса не будет сделаны выводы, тогда под угрозой скажется наше социальное рыночное хозяйство, да и сама наша демократия”.

Да и сами лидеры правящих партий Запада понимают неизбежность отказа от модели “бесконтрольной саморегулирующейся рыночной экономики”. Она действительно зашла в тупик, что вынужден признать даже президент США Б.Обама, неоднократно заявлявший о необходимости принципиальных перемен во внутренней и внешней политике государства.

Поэтому по мере обострения социально-экономических отношений в государствах мира, вызванных, в частности, современным кризисом, предвестником кризиса мировой капиталистической системы, следует ожидать и активизации оппозиции, которая может пойти по пути решительных социальных преобразований в ряде стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Что же ожидает в этом случае Россию?

Несмотря на внешнее спокойствие, подорванное, однако, в последнее время рядом чрезвычайных событий на Северном Кавказе, обстановка в стране становится намного сложнее и взрывоопаснее. Дело в том, что внутренние противоречия в стране накапливались многие годы. Сейчас она резко обостряется на фоне кризиса, выход из которого российские власти видят не ближе 2012 г.

Предпринятые антикризисные меры привели к тому, что в первом полугодии 2009 г. промышленное производство обвалилось более чем на 15% по сравнению с прошлым годом. Аналогичные провальные показатели с инвестициями в основной капитал. Если и дальше так пойдут дела, то падение экономики России в 2009 г. может достичь 20%. Говорить в таких условиях о выходе России из кризиса в ближайшие годы весьма проблематично.

В сложившихся условиях Россия может рассчитывать лишь на силу, способную обуздати всевластие банковского и олигархического капитала, ведущего страну в бездну, стабилизировать социально-экономическое положение в стране и обеспечить материальное и моральное возрождение нации.

Роль спасителя положения в стране могла бы взять на себя партия российских коммунистов. Но в силу рассмотренных причин она на сегодняшний день не способна этого сделать. Хотя руководители КПРФ видят в партии главный рычаг по выводу страны из современного униженного положения,

из тяжелейшего кризиса, из материальной и моральной разрухи, бедности и нищеты.

Так ли это – покажет будущее. А пока перед руководством России стоят весьма сложные и трудные задачи. Сохраняя прежний демократический путь социальных и экономических преобразований, сделать решительный поворот к стабилизации положения в стране за счет ограничения государством банковского и олигархического капитала, ликвидации коррупции и безработицы, урегулирования положения на Северном Кавказе, укрепления авторитета нашего государства на международной арене.

От того, насколько руководство страны сумеет это осуществить в ближайшее время будет зависеть его авторитет среди подавляющей части населения и народов других стран мира. Нельзя допустить разочарования общества в правильности политического курса президента и правительства, несмотря на все трудности переживаемого периода.

Выходы

1. Оппозиция в современных условиях существования мирового сообщества является объективной реальностью и неизбежным инструментом власти, тем катализатором, который побуждает ее корректировать свой курс, максимально приспособливая его к интересам общества. Роль ее в жизнедеятельности любого государства изменяется в зависимости от характера существующего в нем общественно-экономического строя.

2. В государствах капиталистической формации оппозиция и власть мирно co-существуют, так как основная оппозиция в них не преследует цели изменения существующего строя и поэтому не представляет реальной угрозы для власти и ее институтов. Она лишь контролирует деятельность политической группировки, стоящей у власти, и побуждает ее к тем или иным действиям в области внутренней и внешней политики.

3. Оппозиция в социалистических странах, где существует подлинное народовластие, закрепленное в соответствующих нормативных правовых актах государства, фактически отсутствует. В случае возникновения оппозиционных проявлений, угрожающих устоям власти, они решительно пресекаются, вплоть до принятия репрессивных мер.

4. В будущем мироустройстве, где, вероятно, будет единая общенародная собственность и власть, вряд ли будет необходимость в существовании оппозиции.

Движущей силой развития в таком обществе выступит мирное разрешение противоречий на основе критического осмысления результатов деятельности властных структур.

5. Не менее значимой является непосредственная включенность партийных функционеров (КПРФ, ЛДПР и др.) в этико-юридический процесс, предполагающий постоянное соперничество добра и зла в истории, процесс создания и знания правовых и юридических правил и процедур легитимации гражданских интересов и власти. Эта компонента партийной жизни предполагает созидание личных образцов морального поведения, условий для реализации возможностей как граждан, так и институтов и организаций государства.

6. Расстановка сил внутри партии (оппозиции) зависит не только от общих принципов ее организации, но и от существующих в ней фракций и тенденций. Всем партиям (особенно оппозиционным), даже тем, которые, на первый взгляд, кажутся совершенно монолитными, в той или иной степени присущи внутренние политические и идеологические разногласия, соперничество и даже конфликтность в отношениях между группами.

Все это предполагает появление авторитетного партийного лидера. Бывает, что фракции отделяются от партий, как это не раз происходило с выделением коммунистических фракций из социалистических партий после Октябрьской революции 1917 г. В свою очередь, коммунистические партии в свое время сдерживали фракционность только одним способом – жестким следованием принципу демократического централизма и строгой партийной дисциплине.

Подписка на 2010 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Зачем и какой нужен закон “О национальной безопасности”?

Владимир Трофимов

Насущная потребность в разработке и принятии нового федерального закона, регулирующего деятельность различных субъектов права в сфере национальной безопасности, назрела давно.

Она была вызвана тем, что, во-первых, Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 “О безопасности” не содержал правового механизма обеспечения национальной безопасности и в силу этого не смог вместе с другими инструментами обеспечения национальной безопасности избавить наш народ от неприемлемых социальных издержек, возникших в ходе “либеральных реформ”.

Во-вторых, Закон Российской Федерации “О безопасности” фактически устарел. Он вступил в силу еще до принятия Конституции Российской Федерации, которая в пункте “ж” ст. 83 уже указывала на необходимость принятия федерального закона, определяющего статус учреждаемого ею Совета Безопасности Российской Федерации.

В-третьих, положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, должны найти свое воплощение, развитие и утверждение в новом законе.

В-четвертых, страна нуждается в принятии закона, закрепляющего новое понимание национальной безопасности.

То понимание национальной безопасности, которое было первоначально сформулировано как “состояние защищенности жизненно важных интересов личности, обще-

ства и государства от внутренних и внешних угроз”¹ и затем с некоторыми изменениями перетекло в принятые позже Концепции и Стратегию национальной безопасности Россий-

ТРОФИМОВ Владимир Дмитриевич – кандидат юридических наук, советник Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, законодательное обеспечение национальной безопасности.

ской Федерации, вызывает обоснованную критику.

Так, из названной формулировки статьи вытекает, что главным объектом обеспечения безопасности являются интересы.

Однако интересы – весьма разнообразны, неодинаковы, подвижны, заменимые. Их трудно определить и легко извратить; ими можно манипулировать и прикрываться. Если закон назвал главным объектом обеспечения безопасности интересы, то тогда они согласно логике должны быть в законе обозначены перед всеми субъектами права. Попутно закон должен был урегулировать процессы выражения и выявления этих интересов (подтверждения их подлинности и официального закрепления), их реализации и мониторинга. И, главное, он должен был установить механизмы защиты этих интересов.

Но ничего из сказанного закон не установил и не урегулировал, поэтому исходное положение о безопасности осталось фикцией.

Нельзя не подвергнуть критике и употребление слова “защищенность” в формулировке понятия “безопасность”.

Дело в том, что в этом слове легко обнаруживается “силовая” составляющая обеспечения безопасности, которая в таком варианте определения может обернуться “окопной” идеологией и запаздыванием в реагировании властей на угрозы. К тому же надо знать, что существуют такие виды безопасности, которые не сводятся лишь к “защищенности”, пассивной защите от угрозы, а предполагают постоянные активные (если хотите, – атакующие) действия.

Помимо этого, имеются и такие виды безопасности, которые обеспечиваются нормальным поступательным

развитием общества, без которого невозможна защита любых интересов.

Употребление слова “состояние” в формулировке понятия “безопасность”, закрепленного в законе, также вызывает сомнение, так как закон не установил критериев, по которым можно было бы оценить это “состояние”.

Как такое понятие “национальная безопасность Российской Федерации” стало широко использоваться в нашей литературе после принятия Указа Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 “Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации”².

Однако нельзя не обратить внимания на то, сочетание слов в этом понятии является крайне неудачным, так как его можно трактовать и как безопасность нации (но в России, как известно, существует множество наций), и как безопасность Российской Федерации, то есть государства.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации (в редакции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) понятие национальной безопасности Российской Федерации раскрывается с явными методологическими изъянами.

Так, в первом абзаце преамбулы Концепции национальная безопасность Российской Федерации трактуется как обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. А во втором абзаце этой же преамбулы под ней понимается безопасность многонационального народа Российской Федерации³.

Таким образом, уже в преамбуле Концепции содержится явное противоречие в понимании того, чья безопасность и кем должна быть обеспечена.

Более того, если даже допустить, что в преамбуле дан исчерпывающий перечень субъектов, безопасность которых необходимо обеспечивать, то сразу же возникают трудно разрешимые с методологической точки зрения вопросы:

– почему представлен именно такой набор субъектов, – несопоставимых по уровню, характеру и содержанию своей деятельности?

– почему не говорится о других субъектах, упомянутых, например, в Конституции Российской Федерации, – о нациях, органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях...?

Если же иметь в виду все без исключения виды безопасности, упомянутые в законодательстве Российской Федерации, то сложность разрешения названных вопросов неизмеримо возрастет, так как при обеспечении разных видов безопасности меняются и субъекты обеспечения безопасности, и объекты обеспечения безопасности, и содержание деятельности по обеспечению безопасности. А возможны и ситуации, при которых то, что делается для безопасности одного субъекта, будет весьма опасным для другого*.

Таким образом, содержание понятия “национальная безопасность Российской Федерации”, закрепленное в настоящее время в российском законодательстве, является не только внутренне противоречивым, но и несоответствующим реалиям жизни и современным потребностям обеспечения национальной безопасности.

Однако не следует возражать против использования термина “национальная безопасность”, так как он

уже содержится во многих нормативных правовых актах, в том числе в международно-правовых актах, он вошел в юридический оборот и способен выразить самое значимое и существенное, что нуждается в обеспечении своей безопасности.

Новый закон можно смело именовать “О национальной безопасности”. При этом необходимо наполнить понятие национальной безопасности новым содержанием, которое не только отражало бы современные потребности становления независимой и самодостаточной России и превращения ее в одну из лидирующих держав в мире, но и вскрывало бы суть, основное назначение обеспечения национальной безопасности. При этом надо ответственно помнить, что от того, как новый закон определит и очертит понятие национальной безопасности, будут зависеть смысл, цели, содержание и результаты деятельности всех субъектов обеспечения национальной безопасности.

ПЕРВОЕ. Для того чтобы наполнить понятие “национальная безопасность” верным и непротиворечивым содержанием, необходимо, прежде всего, ответить на вопрос: что дороже всего на свете и нуждается в беспрекословном обеспечении своей безопасности?

Ответ на этот вопрос знает каждый человек. Во все времена и у всех народов самым дорогим была, есть и будет человеческая жизнь. Жизнь – уязвима, не имеет абсолютной безопасности, так как и мир, и жизнь в мире постоянно меняются и внутренне, и внешне. Человеческая жизнь всегда подвержена прежним и новым опасностям, поэтому

* Отмеченное противоречие не было преодолено в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 “О безопасности”, так как в ст. 1 Закона личность и государство сначала названы субъектами безопасности, а в ст. 2 – объектами безопасности.

всегда и в любом обществе будет стоять вопрос об обеспечении ее безопасности, а равно и об обеспечении безопасности всего того, – и социального, и природного, – без чего жизнь не может сохраняться и развиваться, без чего неизменно наступит смерть.

В новом федеральном законе было бы целесообразно под национальной безопасностью понимать область общественной жизни, основное назначение которой состоит в выявлении и преодолении угроз (опасностей) жизнедеятельности многонационального народа Российской Федерации, а также социальным и природным основам и условиям, в которых эта жизнедеятельность развивается.

Это мнение опирается на букву и дух законодательства Российской Федерации*.

Понятие “жизнедеятельность многонационального народа Российской Федерации” неотторжимо от понятий “жизнь (или жизнедеятельность) человека”, “жизнедеятельность объединений”, “жизнедеятельность государства”, “жизнь общества”.

Понятия “жизнедеятельность” и “безопасность” строго коррелятивны.

Право на жизнь рождает право на безопасность жизни. Другими словами, если безопасность жизни не обеспечивается, то право на жизнь выхолащивается.

На этом основании сообразно законам логики можно выстроить целостную непротиворечивую систему поня-

тий, относящихся к сфере регулирования федерального закона “О национальной безопасности”. Редакция соответствующей статьи этого закона может выглядеть следующим образом:

“В настоящем Федеральном законе используются следующие понятия:

национальная безопасность – область общественной жизни, основное назначение которой состоит в выявлении и преодолении угроз (опасностей) жизнедеятельности многонационального народа Российской Федерации, а также социальным и природным основам и условиям, в которых эта жизнедеятельность развивается.

обеспечение национальной безопасности – деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности по выявлению, предупреждению, нейтрализации и преодолению угроз (опасностей) жизнедеятельности многонационального народа Российской Федерации, возникающих в процессе ее развития, а также сохранение и приумножение социальных и природных основ и условий, в которых она осуществляется;

объект обеспечения национальной безопасности – жизнедеятельность многонационального народа Российской Федерации, а также социальные и природные основы и условия, без которых эта жизнедеятельность невозможна;

субъекты обеспечения национальной безопасности – непосредственно народ, государство (органы государственной власти и должностные лица), органы

* Термин “многонациональный народ Российской Федерации” используется в Конституции Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации признает право человека на жизнь высшей ценностью, а защиту этого права – обязанностью государства. В гл. 1 “Основы конституционного строя” закрепляются основы и условия жизни многонационального народа Российской Федерации.

Например, в ч. 1 ст. 7 говорится, что политика социального государства “направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”, в ч. 1 ст. 9 говорится, что “земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории”.

местного самоуправления, общественные объединения и граждане Российской Федерации, наделенные законодательством Российской Федерации полномочиями, правами и обязанностями по обеспечению национальной безопасности;

угрозы (опасности) национальной безопасности – социальные и природные факторы, несовместимые с жизнедеятельностью многонационального народа Российской Федерации или неприемлемые для ее развития, а также факторы, отрицательно влияющие на социальные и природные основы и условия, в которых эта жизнедеятельность осуществляется”.

ВТОРОЕ. Очень важно, чтобы обеспечение национальной безопасности было установлено будущим федеральным законом в качестве правового принципа деятельности государства⁷.

Этот принцип по своему значению неминуемо превратится в один из ведущих правовых принципов, в этой связи он должен найти свое законодательное воплощение, обеспечение и государственные гарантии не менее достойные, чем иные правовые принципы (например, принцип законности).

Редакция статьи будущего федерального закона, устанавливающего этот правовой принцип, может выглядеть следующим образом:

“В Российской Федерации запрещено все то, что подрывает национальную безопасность, и разрешено все то, что ее обеспечивает.

Обеспечение национальной безопасности осуществляется многонациональным народом Российской Федерации непосредственно, а также государством, органами местного самоуправления, общественными объединениями и гражданами Российской Федерации, наделенными законодательством Российской Федерации полномочиями,

правами и обязанностями по обеспечению национальной безопасности.

Многонациональный народ Российской Федерации оберегает свою жизнедеятельность от несовместимых с ней опасностей, сохраняет и приумножает социальные и природные основы и условия ее развития.

Обеспечение национальной безопасности – принцип деятельности государства. Во всей своей деятельности государство обязано неукоснительно соблюдать требования обеспечения национальной безопасности.

Государство в соответствии с законодательством Российской Федерации обеспечивает безопасность каждого человека и гражданина на территории Российской Федерации. Гражданам Российской Федерации, находящимся за ее пределами, государством гарантировается защита и покровительство.

Государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам и общественным объединениям, оказывающим содействие в обеспечении национальной безопасности.

Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральными законами только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения национальной безопасности.

Государственные органы и должностные лица, превысившие свои полномочия при обеспечении национальной безопасности, несут установленную законом юридическую ответственность”.

Закрепление обеспечения национальной безопасности в качестве правового принципа деятельности государства будет иметь колossalное значение в жизни нашего общества.

ТРЕТЬЕ. Пункт “ж” ст. 83 Конституции Российской Федерации гласит, что Президент Российской Федерации “формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, ста-

тус которого определяется федеральным законом”.

Таким законом вполне может стать и федеральный закон “О национальной безопасности”, если, разумеется, он будет содержать отдельную главу “Статус Совета Безопасности Российской Федерации”.

В настоящее время в п. 1 Положения о Совете Безопасности, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 июня 2004 г. № 726, говорится, что Совет Безопасности является конституционным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам стратегии развития Российской Федерации, обеспечения безопасности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

В юридической литературе сложилось мнение о Совете Безопасности как о неком “придаточном” к Президенту Российской Федерации органе. Такая же идея была закреплена и в модельном законе “О безопасности”, принятом Межпарламентским Комитетом Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан (Постановление МК от 15 октября 1999 г. № 9-9). Ч. 1 ст. 15 этого закона гласит: “совет безопасности является консультативно-совещательным органом президенте государства”.

Нам представляется, что в настоящее время роль Совета Безопасности в обеспечении национальной безопасности необходимо повысить.

Разумеется, в этом деле Совет Безопасности нельзя отделять или противопоставлять Президенту Российской Федерации.

Прежде всего, в нашей стране Конституцией Российской Федерации установлена президентская форма правления (стало быть, уровень деятельности

Совета Безопасности и Президента Российской Федерации самый высокий). Президент Российской Федерации – главное действующее лицо в Совете Безопасности, он формирует и возглавляет его, председательствует в нем, ведет его заседания, оформляет его решения указами. Поэтому, стремясь повысить роль, расширить и детализировать полномочия Совета Безопасности в качестве федерального государственного органа, закон должен непременно повысить роль, расширить и детализировать полномочия Президента Российской Федерации.

Тем не менее, надо иметь в виду, что работа Совета Безопасности складывается как работа особого конституционного коллегиального государственного органа, органа конституционного партнерства.

Решения этого органа принимаются голосованием, причем Президент Российской Федерации имеет голос, равный другим голосам постоянных членов Совета Безопасности, среди которых есть руководители тех федеральных органов государственной власти, которые не подчинены Президенту Российской Федерации. Полномочия Совета Безопасности, согласно Конституции Российской Федерации, должны быть определены федеральным законом (в настоящее время, в основном, определяются указами Президента Российской Федерации).

В этой связи новый закон должен определить Совет Безопасности как особый конституционный коллегиальный государственный орган, орган конституционного партнерства, специализирующийся в решении общих для всех проблем обеспечения национальной безопасности. Он должен урегулировать процесс формирования и деятельности Совета Безопасности, определить его функции, закрепить полно-

мочия, установить юридическую ответственность его членов за принятые решения.

К сожалению, в настоящее время заседания и оперативные совещания постоянных членов Совета Безопасности не могут обеспечить тщательный анализ складывающейся стратегической обстановки в стране и в мире. Они не позволяют увидеть систему опасностей и сформулировать необходимую нашей стране перспективную национальную стратегию, ибо Совет Безопасности не является органом (механизмом) управления стратегическими приоритетами, он не является и инструментом их коллегиального вычленения из череды повседневности.

Совет Безопасности должен стать полноценным государственным органом конституционного партнерства, координирующим всю деятельность по обеспечению национальной безопасности, решающим важнейшие ее проблемы и осуществляющим стратегическое планирование.

Совет Безопасности должен действовать как некий штаб (подобно Генеральному штабу во время войны), постоянно осуществляя мониторинг процессов развития всех сфер, в которых осуществляется жизнедеятельность многонационального народа Российской Федерации.

В этой связи в структуре Совета Безопасности должны работать коллегии, создаваемые по основным сферам жизнедеятельности народа – экономическая, политическая, правовая, научно-информационная, культурно-эстетическая. Это важно особо подчеркнуть, так как вышеупомянутые Закон Российской Федерации “О безопасности” и модельный закон “О безопасности” ориентированы были на “силовую” составляющую национальной безопасности, а это ущербная позиция, как для

страны в целом, так и для самой “силовой” составляющей.

Надо, наконец, понять, что, например, российские СМИ или министерство финансов способны нанести такой ущерб национальной безопасности, который не смогли бы нанести ей все спецслужбы мира, враждебные России.

В структуре Совета Безопасности должен работать ситуационно-аналитический центр на основе закона, собирающий и обобщающий информацию, фиксирующий появление угроз и дающий прогнозы развития ситуации. Коллегии Совета Безопасности эту информацию должны обсудить и оценить, спланировать предотвращение возникших угроз, подготовить проекты решений Совета Безопасности.

ЧЕТВЕРТОЕ. В настоящее время работа Совета Безопасности осуществляется, образно говоря, “в ручном режиме”, а надо, чтобы она осуществлялась “в автоматическом режиме”, более качественно и эффективно.

Для реализации этой идеи **необходимо принимать закон, содержащий реальный и действенный правовой механизм обеспечения национальной безопасности в стране.**

В этой связи было бы целесообразно из огромной массы опасностей, возникающих в жизнедеятельности многонационального народа Российской Федерации, вычленить самые важные. Затем изложить их в виде количественных и качественных критериев (показателей, индикаторов, пороговых значений), по которым можно каждому субъекту права четко определить возникающие угрозы, и зафиксировать их в гипотезах правовых норм.

Это необходимо сделать для того, чтобы угрозы, определенные в гипотезах, при их возникновении приобрели качества юридических фактов. Тогда

при наступлении этих юридических фактов уполномоченные органы государственной власти и их должностные лица должны безотлагательно действовать так, как указано в диспозициях этих же правовых норм, быстро и адекватно предупреждая возможные опасности, противодействуя или нейтрализуя возникшие.

Разумеется, эти же правовые нормы должны содержать и санкции, то есть указания на ту юридическую ответственность, которая должна наступать для уполномоченных органов государственной власти и их должностных лиц в случае неисполнения ими предписаний, содержащихся в диспозициях правовых норм.

В настоящее время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации содержит 7 параметров (уровней), по которым можно охарактеризовать состояние национальной безопасности. Это крайне мало.

На наш взгляд, таких критериев должно быть не меньше 100 и по ним необходимо оценивать жизнедеятельность народа во всех сферах общественной жизни. Почему сюда не включить такие угрозы (острые опасности), как: уровни производства, внедрения инноваций, потребления, бедности, культуры, правосознания, преступности, коррупции, наркомании, терроризма, “бегства капиталов и утечки мозгов за рубеж”, рождаемости и смертности (в том числе, насилийной) и т.п.?

Примечания

¹ Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 “О безопасности”, ч. 1 ст. 1.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 52. Ст. 5909.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.

⁴ Трофимов В.Д. Как построить теоретическую конструкцию законодательного обеспечения безопасности в России // Научные основы национальной безопасности. Материалы семинара. М.: Совет Федерации, 2005. С. 326.

Группа БРИК в глобально-управленческой стратегии англосаксонского Запада

Владимир Павленко

Желаемое и действительное

Саммит БРИК*, (июнь 2009 г., Екатеринбург) подтвердил несколько односторонний взгляд на эту организацию, сформировавшийся после неформальной встречи его лидеров на японском о-ве Хоккайдо (лето 2008 г.). Большинство специалистов видят в БРИК объединение развивающихся экономик, совокупный объем ВВП которых по экспертным оценкам к середине текущего столетия превысит уровень нынешних лидеров – ведущих держав Запада, входящих в “большую семерку” (*G7*).

В рамках этой логики БРИК уже начал восприниматься неким самостоятельным субъектом если не международного права, то уж, по крайней мере, глобальной расстановки сил.

На этой основе обычно выстраивается некая цепочка тезисов, с помощью которых утверждается:

- что англосаксонское ядро “глобального центра”, как его описывает один из основоположников “миросистемной” теории И. Валлерстайн¹, стремительно утрачивает лидерство – разумеется, строго по объективным причинам;
- что современный кризис является неопровергнутым доказательством этой тенденции, ибо возник в результате воющего превышения уровня потребления над уровнем производства в странах так называемого “развитого капитализма”;
- что эту разность финансовые институты Запада и ведущие государства, прежде всего США, начиная с 1971 г., с

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук.

Ключевые слова: группа БРИК, ШОС, англосаксонский “глобальный центр”, “многополярный мир”, глобально-управленческая стратегия, глобальные институты, “Группа двадцати”.

* БРИК – экономическая организация в составе Бразилии, России, Индии и Китая.

отмены золотого покрытия доллара, компенсируют исключительно за счет не обеспеченной реальным содержанием наличной денежной эмиссии, то есть, фактически, за счет разницы между одиннадцатью центами, затрачиваемыми на производство банкноты до-стоинством в 100 долларов и ее номинальной стоимостью;

– что безудержная эмиссия, в свою очередь, обусловлена односторонней монополией США на производство мировой валюты – доллара, причем в условиях, когда Бреттон-Вудские соглашения (1944 г.) уже почти 40 лет, по сути, утратили актуальность;

– что за “зеленые бумажки” в развивающихся странах скапались (и продолжают скапаться) природные и интеллектуальные ресурсы, в результате чего консервируются нищета и отсталость этих стран;

– и что сегодня, благодаря долгожданному кризису, этой “грабительской” системе приходит конец, и вместо “времени США и НАТО” наступает некое “время БРИК”.

Продукты глобально-управленческой стратегии

Обратимся к ряду важных тенденций, которые не укладываются в логику рассуждений, приведенных выше. При этом, однако, попросим читателя запастись терпением, ибо потребуется тщательное и последовательное сопоставление множества дат и фактов для выявления и доказательства их взаимосвязи.

Во-первых, сам термин “БРИК” был изобретен главным экономистом финансовой компании “*Goldman & Sachs*” Дж. О’Нилом в 2001 г.

В том же 2001 г. создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Не

Формально все в этих рассуждениях верно.

Лидерство США и Запада действительно является тупиковым для человечества с точки зрения как экономической, так и, что несравненно более важно, социокультурной, знаменуя торжество постмодернизма – подмены реальных смыслов отлакированными до блеска, но виртуальными симулярами.

Именно поэтому БРИК рассматривается альтернативой глобальному западному доминированию, якобы избавляющей человечество от превращения в пресловутую “цивилизацию новых кочевников”, как именует “Новый мировой порядок” Ж.Аттали, особо подчеркивая – вслед за Г.Уэллсом, – что “кочевники” не должны иметь ни истории, ни идентичности². Такой оппозиционный Западу субъект в незападном мире ждут давно и с радостью отыскивают признаки его появления в БРИК.

Однако не выдается ли тем самым желаемое за действительное?

будем придавать чрезмерное значение формальным различиям в составе ШОС и БРИК. Отметим более существенное: общую географию, а, стало быть, идентичность геополитических характеристик*.

Не забудем и о событиях 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, которые многие западные эксперты считают масштабной провокацией, с одной стороны, не имевшей шансов на успех без участия американских спецслужб, а, с другой – призванной развернуть внешнюю политику США в сторону реализации известного плана “Большого Ближнего Востока”.

* Единственное существенное отличие – распространение БРИК на Латинскую Америку; однако ШОС компенсирует его ростом на этом континенте китайского и российского влияния.

В дополнение вспомним еще об одном, более раннем, но не менее важном соглашении между США и КНР – “О стратегической координации”, которое было подписано на высшем уровне в 1979 г. в Вашингтоне Дж.Картером и Дэн Сяо-пином, а в 1998 г. досрочно пролонгировано до 2019 г. уже в Пекине Б.Клинтоном и Цзян Цзэ-минем.

Можно ли поручиться, что подобное совпадение столь крупных событий, буквально на глазах меняющих глобальную расстановку сил, является чистой случайностью?

Во-вторых, в середине марта 2006 г. ряд важных документов по вопросам финансовой политики и реформы де-нежного обращения был согласован и подписан между Россией и КНР. В частности, Москва и Пекин взяли на себя обязательства по скорейшему созданию механизма координации в области финансов не только в двухстороннем, но и в трехстороннем формате – с участием Индии.

Интенсивность процессов была настолько велика, что министру иностранных дел России С.В.Лаврову пришлось оправдываться перед экспертным сообществом, представленным, в основном членами Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), разъясняя активность на азиатском направлении не “разворотом” в сторону, противоположную Западу, а восстановлением традиционной “многовекторности”³.

Примечательно, что одним из партнеров Китая по переговорам по координации в сфере финансов еще с 2005 г. являлась Бразилия.

То есть, по сути, БРИК, как бы “предсказанный” экспертом “*Goldman & Sachs*”, начал создаваться именно

тогда, весной 2006 г. Причем, заблаговременно, еще в 2005 г., было объявлено о присоединении к ШОС Индии в качестве страны-наблюдателя*.

Сразу после этого, в конце марта 2006 г., на “необходимость установления стратегических отношений с Китаем, Индией и Россией” было указано МИД Великобритании.

В-третьих, в начале мая того же 2006 г. упомянутая компания “*Goldman & Sachs*” объявила о выкупе около 15-ти процентов “Промышленно-торгового банка Китая” – одного из крупнейших китайских банков, которые до этого председента были сугубо государственными. Понятно, что решение на этот счет принималось высшим эшелоном партийного, государственного и политического руководства КНР.

А через месяц – в начале июня 2006 г. – произошли еще два отнюдь не рядовых события.

Практически одновременно финансовые власти КНР заявили о начале процесса перевода своих валютных резервов в золото и другие драгоценные металлы, а министром финансов США был назначен выдвиженец все той же “*Goldman & Sachs*” Г.Поллсон. Именно он впоследствии сформулирует ту самую идеологию выхода из кризиса путем усиленной финансовой накачки национальных (американских) и международных финансовых институтов, прежде всего Международного валютного фонда (МВФ), которая с началом глобального финансового кризиса была заимствована “Группой двадцати” (*G20*).

Что из всего этого следует?

Прежде всего, очевидность того, что англосаксонский Запад, несомнен-

* Тогда же наблюдателями ШОС стали Иран, возглавляемый вождями номинально антиамериканской исламской революции, а также Афганистан, представленный проамериканским режимом Х.Карзая

но, проявил весьма заинтересованное и деятельное участие в создании не только БРИК, но и ШОС. Вопрос о взаимосвязи между этими событиями и терактами 11 сентября в США (как и о том, кто за ними стоит) формально остается открытым.

Однако именно фактическое включение в ШОС Афганистана – страны, военные действия в которой начались именно после этих терактов, указывает, что если такая взаимосвязь существует, то связующим звеном могут выступать только определенные элитные круги Запада.

Второе, на что необходимо обратить внимание: влияние англосаксонского “глобального центра” на указанные организации осуществляется в режиме “soft power”.

Так, стратегическое партнерство с БРИК, провозглашенное британским МИД, по определению носит сугубо экономический характер. А вот американская заявка на получение статуса наблюдателя в ШОС – организации, имеющей не только экономические, но и военно-политические функции, была отклонена сразу же вслед за ее поступлением.

На подоплеку подобного распределения обязанностей, позволяющую предположить, что авторство этой стратегии принадлежит не США, а Великобритании, указывает Г. Киссинджер: “Общность языка и культурного наследия в сочетании с величайшим тактом позволяли британским лидерам вводить собственные идеи в американский процесс принятия решений таким образом, что эти идеи незаметно становились частью собственно вавингтонских”⁴.

Третье: предполагаемый стратегический замысел отводит ведущую роль Китаю, который неизменно находится в центре любых двусторонних и многосторонних организационных процессов, связанных с БРИК и ШОС. Помимо БРИК и ШОС, а также “Группы

двадцати”, КНР вместе с США входит в так называемую “большую двойку” (*G2*) – формат, призванный на данном этапе сформировать вектор реализации упомянутого Соглашения “О стратегической координации”.

Отметим, что и принятой в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге Хартией ШОС КНР отведен в этой организации особый статус депозитария⁵.

Наконец, четвертое. Генеральный директор информационно-аналитического агентства при Администрации Президента России А.А.Игнатов еще в 2000 г. обнародовал сценарий, в соответствии с которым территориальная глобализация будет осуществляться в трех формах за счет:

- укрепления государств традиционного типа в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и республиках бывшего СССР;
- строительства межгосударственных союзов и объединений в Европе, Северной Америке и исламском мире;
- появления континентальных территориальных структур – Североамериканской, Южноамериканской, Европейской, Дальневосточной (Тихоокеанской) и Исламской;
- укрупнения континентальных территориальных структур до трех (Американская, Европейско-Исламская и Дальневосточная) или даже до двух (Атлантическая и Тихоокеанская)⁶ (выделено – *Авт.*).

Особо примечательной и по масштабу, и по глубине, и оригинальности аналитического проникновения в смысл протекающих глобальных процессов – является последняя посылка.

На основе вышеизложенного сделаем первый важный вывод. Как представляется, БРИК, по крайней мере в настоящее время, не является не только самостоятельным субъектом глобальной политики, но и механическим объединением участников. (Не случай-

но, он не укладывается ни в один из сформулированных Игнатовым типов территориальной глобализации).

Поэтому имеются все основания считать БРИК продуктом неких международных договоренностей, реализуемых в режиме долгосрочного стратегического планирования. То есть, частью “Большой Игры” (*“the Great Game”*) – глобальной политики, которую, по признанию того же Киссинджера, Великобритания к моменту объединения Германии (речь идет о событиях не 1990-го, а 1864–1870 годов – Авт.) проводила уже более столетия, значительно опередив США, которые включились в эту “Игру” только в XX в.⁴.

Смыслом “Большой Игры” традиционно является создание “равновесия”, то есть сталкивание между собой любых сил и коалиций (как континентальных, так и межконтинентальных) для контроля или даже управления этим противостоянием. Непредвзятый взгляд позволяет увидеть, что именно по этому сценарию в XX в. готовились и развязывались как обе мировые, так и холодная война.

Но каждая из этих войн приводила к формированию нового европейского и даже мирового порядка. Если мы говорим, что вопрос сейчас стоит о переоформлении концепции “Мирового правительства” в стратегию “Нового мирового порядка”*, то закономерен вопрос: является ли БРИК единственным продуктом этой глобально-управленческой стратегии?

Разумеется, нет. БРИК не только не единственный, но и появился, по-види-

мому, в виде результата деятельности других таких продуктов, как следствие реализации ими определенного круга задач, обусловившей переход к новому этапу – современному.

Что это за “продукты”?

Во-первых, структуры, обязанные своим появлением концепции “устойчивого развития”, сформулированной в “Декларации Рио” и “Повестке дня на XXI век” – документах, принятых в 1992 г. Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро.

Вряд ли случайно, что именно Бразилия как будущий участник БРИК приняла у себя саммит, ставший ключевым звеном в растянутой на десятилетия системе мероприятий, объединенных общим стратегическим замыслом и направленных на институциональное закрепление и практическую реализацию идей Римского клуба об увязке экологической и природоохранной проблематики с определенной идеологией и социально-политическим порядком**.

Данная стратегия выражается формулой: ЛИБЕРАЛИЗМ как идеология (в широком толковании “либерально-социалистического спектра”⁸); КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ социальная система; РЫНОК в экономике; ДЕМОКРАТИЯ и ПРАВА ЧЕЛОВЕКА (расширенные за счет включения ПРАВ МЕНЬШИНСТВ) – в политической сфере.

Смысловые положения этой стратегии воплощены в требованиях “интернационализации пользования природ-

* Концепция “Нового мирового порядка” выдвинута еще Дж.Бушем-старшим в президентском послании Конгрессу (1990 г.) и, спустя год, получила поддержку управляющего “теневого” элитного органа США – Совета по международным отношениям – СМО⁴⁷.

** Речь идет о конференции ООН по окружающей среде “Стокгольм-1972”, конференции в Рио, “Саммите тысячелетия” – юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2000 г. и Всемирном саммите по устойчивому развитию “Йоханнесбург-2002”.

ными ресурсами” и “контроля над численностью населения”.

Впервые в новейшей истории первый из этих принципов на официальном уровне прозвучал еще в августе 1941 г. в Атлантической хартии глав США и Великобритании*. Но на пути их внедрения и тогда и в послевоенное время встал сталинский СССР, руководство которого справедливо усмотрело в этом угрозу собственному суверенитету. И лишь в 70-е годы с включением в процесс создания Римского клуба определенных советских элитных групп, возглавляемых А.Н.Косыгиным и Ю.В.Андроповым**, Западу удалось вовлечь СССР в процессы, подготовившие горбачевскую “перестройку”¹¹.

Объединение идеологии с либеральным экономическим, социальным и политическим порядком, осуществленное Конференцией “Рио-92”, ставит концепцию “устойчивого развития” в центр деятельности как глобальных институтов, возвышающихся за счет признания глобальной проблематики над правительствами, так и неправительственных организаций, объединяющихся для целенаправленного подрыва государственных суверенитетов.

Практической реализацией этих глобалистских планов является проект “Декларации (Хартии) Земли”, выдвинутый в 1994 г. генеральным секретарем конференции в Рио М.Ф.Стронгом, а также М.С.Горбачевым (как президентом “Международного Зеленого креста”). Текст и “Организационная структура” “Хартии Земли”¹² были разработаны в 1997–2000 гг., на базе “Совета

Земли” и входящего в него “Секретариата Декларации Земли”, при поддержке ЮНЕСКО. А в 2000 г. данная инициатива, получив поддержку ряда влиятельных западных лидеров, была официально открыта к подписанию.

В организационном плане Инициатива “Хартии Земли” представляет собой совокупность опосредующих государства и правительства глобальных горизонтальных связей. Управляемые сетевым методом, они образуют принципиально новую политическую форму “мирового гражданства” и “глобального гражданского общества” как унифицированную идентичность, которая противопоставляется идентичности национальной, государственной и цивилизационной.

Современной российской элитой концепция “устойчивого развития” считается едва ли не фетишем. Это указывает как на неспособность (и нежелание) вникать в ее очевидную подрывную суть (отражающее общую деградацию отечественной аналитической культуры), так и на очевидную вовлеченность в реализацию этих глобалистских планов влиятельных представителей ведущих современных российских элитных групп и властных кланов.

Во-вторых, помимо концепции “устойчивого развития” и Инициативы “Хартии Земли”, существует еще один важный “продукт” стратегии глобального управления. Это Совет Европы с заложенным в его основу еще У.Черчиллем планом еврорегионализации – концепцией “еврорегионов”, которую он увязывает с “вселенским патриотизмом” европейских народов и глобалист-

* П. 4.: “Соблюдая …свои существующие обязательства, они (“президент США и премьер-министр Черчиль” – Авт.) будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны …имели бы доступ на равных основаниях …к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран”⁹.

** Деятельность этих групп анализируется С.Е.Кургиняном с позиций “параполитики” или теории элит¹⁰.

ской формулой “Соединенных Шатов Европы”¹³.

Исследования специалистов Фонда стратегической культуры (ФСК) под руководством Ю.А.Прокофьева показывают, что в этом секторе глобального управления действует сложная и разветвленная система институтов (Конгресс местных и региональных властей Европы, Ассамблея европейских регионов, Ассоциация европейских приграничных регионов и др.), руководствующихся целым комплексом разнообразных, но последовательно “бьющих в одну точку” документов.

Доминирующей тенденцией, определяющей логику развития концепции “еврорегионов”, является германоцентризм. Общие положения и организационная структура, начиная с 80-х годов, последовательно формулировались представителями Западной Германии А.Галлелотом (доклад “Региональные институты в Европе”), Мюнхенскими тезисами, принятymi конференцией премьер-министров федеральных земель ФРГ (ориентированными на строительство “Европы с федеративными структурами”), а также А. Гоппелем, фон Штауфенбергом, З. Альбером (в части, касающейся возвышения прав меньшинств).

Основные направления реализации концепции “еврорегионов”:

– децентрализация и размытие государственной власти за счет альянса транснациональных элит, европейской бюрократии и местных бюрократий наиболее развитых регионов “поверх” государственных границ;

– создание трансграничных “еврорегионов”, смыслом которых является сведение значения государственных границ (как “рубца истории”) до уровня административных в целях постепенного срастания сопредельных регионов с их последующим отчуждением от государств (конечная задача – создание “Европы регионов”);

– упомянутая поддержка этнических и национальных меньшинств с целью переплетения “Европы регионов” с “Европой племен”.

Из 160-ти “еврорегионов”, официально признанных таковыми, шесть расположены в Российской Федерации и все – на территории Северо-Западного федерального округа (Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская, Мурманская и Архангельская области, Республика Карелия). Тем самым подтверждается наличие планов включения этого стратегически важного региона в Запад (проект “Ингерманландия”) с завершением начатого еще отделением Прибалтики его обособления и отделения от остальной России. Дополняет эту картину участие ингушских и кабардинских общественных организаций в Федералистском союзе европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ), который, по имеющейся информации, финансируется бюджетом МВД ФРГ¹⁴.

На постсоветском пространстве в деятельности ФСЕНМ также участвуют представители крымских татар и венгров на Украине, а также немцы Грузии и Казахстана.

Созданный еще в 1949 г. Совет Европы с встроенными в него структурами по-настоящему “развернулся” только к середине 80-х годов, что указывает на корреляцию его деятельности не только с “созреванием” идеологии Римского клуба, но и с советской “перестройкой”. Действует он не в вакууме, а в тесной взаимосвязи как с Европейским союзом (посредством Комитета регионов ЕС – совещательного органа, деятельность которого поддерживается Европейской комиссией), так и с атлантическими структурами.

Двумя основными “каналами взаимодействия” являются:

– так называемый “Бонзейский процесс” (“Платформа за обогащение

культурного и этнического многообразия Европы”), соединяющий ФСЕНМ с Институтом Дж. Сороса, Международной группой за права меньшинств (штаб-квартира в Лондоне) и американским “Проектом по этническим отношениям” (соединяет Государственный департамент США с крупнейшими частными фондами Карнеги, Рокфеллеров, Форда, а также с главным источником финансирования Римского клуба – Германским фондом Маршалла*);

– Соглашение “Партнерство ради безопасности и благосостояния в Северной Америке”, заключенное в марте 2005 г. в Техасе между США, Канадой и Мексикой так называемое “Техасское соглашение”.

Указанные “каналы взаимодействия”, проект “Ингерманландия”, перечень участников ФСЕНМ, активное участие в реализации концепции “еврорегионов” упомянутого графа фон Штауффенберга – внука участника покушения на Гитлера (20 июля 1944 г.), наличие “осей” взаимодействия Берлин – Париж и Берлин – Лондон – Вашингтон позволяет предположить, что мы имеем дело с послевоенной модификацией германо-ангlosаксонского альянса. Своими корнями он, по-видимому, уходит в планы совместного противостояния СССР на завершающем этапе Второй мировой войны – в случае устранения Гитлера. В том числе и в те, что обсуждались весной 1945 г. на сепаратных переговорах президента Совета по международным отношениям А. У. Даллеса с личным представителем рейхсфюрера СС К. Вольфом.

В-третьих, концепции “устойчивого развития” и “еврорегионов” имеют

точку пересечения, которой является экологическое (“зеленое”) движение, представляющее важный фактор политической и общественной жизни большинства государств континентальной Европы.

Международным центром этого движения опять-таки является Германия.

С одной стороны, Партия “зеленых” в ФРГ давно уже вошла в число наиболее влиятельных, имеющих значительную парламентскую историю. Гораздо более важным представляется другой аспект – общеевропейский.

“Зеленые” ФРГ составляют не только организационную, но и идеологическую основу транснационального политического объединения “Демократическая партия народов Европы – Европейский свободный альянс”. На этой основе с первой половины 90-х годов сложилось и функционирует соответствующее объединение в Европейском парламенте: “Зеленые – Европейский свободный альянс”, представляющее собой политическое крыло ФСЕНМ (тесно связанной, напомним, с государственными структурами США и ФРГ, Римским клубом и крупными частными фондами).

Иначе говоря, с помощью концепции “устойчивого развития” концепция “еврорегионов” успешно инкорпорировалась в политическую жизнь современной Европы, превратилась в ее неотъемлемого субъекта и, посредством партийного строительства, приобрела четкие организационные формы.

Отметим, что создание в СССР самостоятельного экологического ведомства тесно связано с “перестройкой” и

* Здесь четко просматривается “смычка” государственных институтов ФРГ (упомянутого МВД) и США (Госдеп) с идеологическим звеном Западного проекта – Римским клубом, а также частными фондами.

относится к 1988 г., то есть является частью начатой именно тогда масштабной политической реформы, которая привела к распаду СССР.

“Техасское соглашение” – четвертое после Инициативы “Хартии Земли”, Совета Европы и “зеленого” движения – звено глобально-управленческой стратегии. Оно предусматривает создание нового межгосударственного объединения с единой валютной системой – Северо-Американского союза (*the North-American Union – NAU*).

В мае 2005 г., спустя два месяца после подписания Соглашения, аналитическим центром (АЦ) Совета по международным отношениям был опубликован доклад “Построение североамериканского общества”, в котором предлагалось ограничение суверенитета США в вопросах *торговой и иммиграционной политики* (выделено – Авт.).

Спустя месяц, в июне 2005 г., вице-президент АЦ СМО Р.Пастор (директор центра североамериканских исследований при Американском университете), выступая в комитете Сената США по внешней политике, предложил структуру североамериканского надгосударственного органа, аналогичного Европейской комиссии.

В СМО видят этот орган “независимой консультативной организацией”, общей численностью в 15 членов (по пять “заслуженных участников” от каждой из сторон – США, Канады и Мексики).

Именно Р.Пастору (а, следовательно, СМО) принадлежит идея введения в рамках формирующейся единой валютной системы *NAU* новой единицы “амеро”.

Имеющаяся информация пока не позволяет однозначно утверждать, что тем самым готовится глобальный дефолт по доллару, ибо теоретически

возможным вариантом остается статус “амеро” как виртуальной расчетно-денежной единицы, подобной европейскому ЭКЮ или “*SDR*” – условной валюте МВФ.

Однако нетранспарентность “Техасского соглашения”, обусловленная включением в него положения о последующем объединении *NAU* с ЕС в некий “Трансатлантический союз” (также с собственной валютой), на которую указывает проф. П.Илляр из французской Высшей школы внешней торговли (*ESCE*)¹⁵, позволяет предположить, что речь действительно идет о полном переформатировании глобального геоэкономического и geopolитического пространства уже к 2015 г., в том числе и о дефолте по доллару.

Возвращаясь к типологии А.А.Игнатова, отметим, что в отличие от концепции “еврорегионов” и *NAU*, представляющих собой “третий уровень” территориальной глобализации, Трансатлантический союз можно отнести уже к четвертому, высшему уровню.

Сроки и детали реализации заявленных планов, безусловно, могут корректироваться в зависимости и от объективных, и от субъективных обстоятельств. Стратегия же, по-видимому, неизменна. Именно с этой точки зрения можно рассматривать отказ Великобритании от интеграции в зону “евро”, который не только выводит ее за рамки “зоны риска” в случае долларового дефолта, но и позволяет ей – в рамках обеспечения вышеупомянутого “равновесия сил” между двумя частями Запада – взять на себя координацию трансатлантической интеграции, превратившись в ее “естественный” центр.

Станет ли следствием этого превращение фунта стерлингов в единую валюту предполагаемого Трансатлантического союза (что равнозначно фактическому воссозданию Британской империи)

или будет изобретено нечто иное – в сущности, вопрос второстепенный. Но подчеркнем, что параллельно с сохранением финансовой самодостаточности Лондон активно продвигает политическую интеграцию в рамках пусть не Европейской конституции, но уже ставшего реальностью Лиссабонского договора, претендуя на обе предусмотренные им в Евросоюзе наднациональные должности – президента и министра иностранных дел.

Проведенный анализ глобально-управляемой стратегии англосаксонского Запада позволяет сформулировать две важных закономерности.

Первая указывает на то, что БРИК и ШОС, по крайней мере на данном этапе, остаются лишь локальным, пусть и очень важным звеном общего замысла – пятым (“восточным”).

С одной стороны, их формирование призвано напугать как американское, так и, в особенности, европейское общественное мнение перспективой кристаллизации “альтернативного” глобального геополитического субъекта, претендующего на глобальное доминирование. И убедить его, таким образом, в необходимости трансатлантической интеграции, включающей своими составными элементами все те же “устойчивое развитие”, “еврорегионализацию”, “зеленых” и т.д.

Кроме того, поскольку французско-германская ось “старой” Европы не заинтересована в конфронтации с Россией и потому выступает против дальнейшего расширения НАТО и Европейского союза, постольку сохранение этих структур, как и их эволюция в направлении, заданном глобальными институтами, обеспечивается географическим переоформлением российско-западных противоречий, превращением их из “атлантических” в “тихоокеанские” – российско-американские. То есть, перенесением на Дальний Восток.

Но для этого региона одной так называемой “российской угрозы”, которая обычно объясняется “имперскими амбициями” Москвы в СНГ, явно недостаточно. Нужно нечто большее, например, крупные международные объединения с участием России.

Представляется, что именно по совокупности указанных причин на роль “антизападного” геополитического субъекта избран БРИК.

Включение в обновленную редакцию основополагающих государственных документов РФ – “Концепции внешней политики” и “Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года” – положений о “Евро-Атлантике” и “устойчивом развитии” позволяет предположить возможный размен национальных интересов на участие в этой “Большой Игре”.

С другой стороны, все участники БРИК (включая лидеров ШОС) входят в “Группу двадцати”, которая, как официально объявлено на саммите в Питтсбурге, принимает на себя полномочия *G8* – “большой восьмерки”. Причем их членство оформлено как бы “вторым порядком” – без номинального доступа к праву принятия ключевых решений. Следовательно, имеется в виду, что такое право должно предоставляться на некой эксклюзивной, внеинституциональной основе и не только окажется избирательным, но и может быть отозвано при несоблюдении тем или иным субъектом определенного набора предварительных условий.

В связи с этим имеет смысл более внимательно отнести и к “спящему” формату “большой двойки”, отражающему объективный рост китайского влияния в мире, и к наличию упомянутых С.В.Лавровым “политико-философских расхождений во взглядах на новое мироустройство” в российско-американских отношениях³.

Поэтому следующий вопрос, на который необходимо дать ответ в связи с

увязкой БРИК с “Группой двадцати”: что представляет собой *G20*?

Базельский клуб

Мнение автора: “двадцатка” – не что иное, как активированный в ходе управляемого кризиса “внешний круг” правящих элитных групп, управляемых “внутренним кругом” – глобальным элитным ядром, которое играет роль системообразующего инструмента (и института) в ключевом для капитализма секторе глобального управления – финансовом.

Чтобы доказать это, не получив обвинение в “конструировании реальности”, придется оперировать фактами – не общезвестными, но проверяемыми с помощью вполне открытых источников.

Итак, первое. “Двадцатка” была создана отнюдь не в 2008 г., когда состоялся ее первый саммит в Вашингтоне, а намного раньше – в декабре 1999 г., на учредительной конференции министров финансов и председателей центробанков в Берлине.

Организовала и провела эту конференцию так называемая “Группа десяти” (*G10*) – управляющее ядро Базельского клуба, сформированное созданным еще в 1930 г. Банком международных расчетов (БМР), находящемся в швейцарском Базеле.

По свидетельству американского эксперта Э.Дж.Эпштейна, “...десятка представляет собой надгосударственную корпорацию (или “мировое финансовое правительство”), выступающую основным регулятором международной финансовой системы, члены которой убеждены в необходимости сохранения независимости центральных банков от своих правительств”¹⁶.

Выполняя в этой системе функцию “центрбанка центрбанков”, БМР и

является тем самым “внутренним кругом”. В настоящее время членами Базельского клуба являются 55 государств. Но лишь 11 из них (включая всех участников *G10*) представлены в Совете директоров БМР. В их число входят:

– пять учредителей Банка, из которых четверо – Великобритания, Италия, Франция и Германия – являются участниками *G7*, а также не входящая в “семерку” Бельгия;

– Япония (еще один участник *G7* по одним данным участвовала в учреждении БМР, а по другим – вошла во “внутренний круг” уже после Второй мировой войны за счет подписки на акции БМР некоторых японских банков;

– США (также участник *G7* в число учредителей не входили. В отличие от большинства других участников представлены не центробанком – Федеральной резервной системой (ФРС), а одним из ее двенадцати учредителей – Федеральным резервным банком Нью-Йорка, а также рядом ведущих банков, включая “*J.P. Morgan Chase*” – объединенную финансовую империю Морганов и Рокфеллеров*;

– Канада – опять-таки как участник *G7*;

– и, наконец, представители центробанков трех стран, кооптированные в состав Совета директоров учредителями БМР. Это Нидерланды, Швеция, а также Швейцария – одиннадцатый, “сверхнормативный” участник “десятки”, получивший этот статус в качестве принимающей стороны.

* Членом Совета директоров “*J.P. Morgan Chase*” является А.Б.Чубайс.

Из приведенной информации следует, что так называемая “большая восьмерка” (*G8*) с участием в ней России – не что иное, как блеф. Ибо никакого представительства в руководящих органах БМР – ни кооптированного, ни, тем более, учредительного – Российской Федерации не имеет.

И иметь никогда не будет – на этот счет давно пора избавиться от иллюзий, поддерживающих теми, кто лично заинтересован в сохранении существующего порядка в мире и в продолжении “либеральных реформ” внутри страны.

Второе. Первичный формат “двадцатки” в ее “спящем” варианте (с 1999 по 2008 гг.) – министры финансов и председатели центробанков – также, разумеется, не случаен. Ибо взаимодействие именно этих ведомств образует смычку государственного и частного капитала составляющую сердцевину глобального финансового управления. Соответствующая связка министерства финансов США с ФРС является стержнем “Вашингтонского консенсуса”, увязывающего межгосударственные институты (МВФ, группу Всемирного банка, ВТО, ОЭСР) с частными (ведущие центробанки, включая саму ФРС и Банк Англии, а также Всемирный экономический форум и т.д.).

БМР обеспечивает контроль над частным сектором этой смычки. И через него – посредством “двадцатки” – над государственным сектором. А, стало быть, и над самим государством – и как политическим институтом, и как конкретными правительствами.

Третье. БМР в состоянии воздействовать на экономику любой страны, если она является участником Базельского клуба, то есть вывела свой центробанк из-под контроля собственного правительства, перепоручив тем самым этот контроль БМР.

Аналитик Дж.Венон отмечала, что “центрбанк центробанков” может вызвать в любой стране финансовую катастрофу всего лишь посредством “продажи ее валюты”¹⁶.

Основным инструментом финансового управления является ограничительная система мер, навязываемая БМР через центробанки посредством соответствующих соглашений, выполнение которых жестко контролируется созданным в 1974 г. Базельским комитетом по финансовому надзору. Деятельность Комитета обслуживается Секретариатом, предоставляемым в его распоряжение БМР.

В настоящее время действуют два таких соглашения – “Базель-І”, устанавливающее для банков норматив достаточности капитала, и “Базель-ІІ”, требующее переоценки банковских активов в соответствии с текущей рыночной стоимостью.

Почему принятое еще в 2004 г. соглашение “Базель-ІІ” было “активировано” только в 2007 г.?

И кто организовал глобальную информационную атаку на практику деривативов, с помощью которых американские банки “обходили” соглашение “Базель-І”?

Ответ на эти вопросы способен пролить свет на происхождение кризиса: обвал фондового рынка, вызвавший падение капитализации банковских активов ниже уровня достаточности, надежно заблокировал механизм кредитования.

В России, например, в конце 2008 г. Правительство выделяло банкам гигантские средства на поддержку реального сектора, которые не доходили до предприятий лишь потому, что, выполняя соответствующие обязательства, банки просто оставляли деньги в сейфах. Или выводили их в зарубежные филиалы.

Выход тогда попытались найти в прямом кредитовании предприятий из бюджета. Но против этой “нерыночной” меры сразу же встало, а, точнее, было кем-то

поднято и поставлено “на уши” все либеральное лобби – и во власти, и в бизнесе, и в научно-аналитическом сообществе.

При этом, как указывается рядом финансовых аналитиков, развивающиеся страны с их природными ресурсами (в особенности, Россия) вообще не нуждаются в иностранных инвестициях, из-за которых оказываются в ловушке внешней задолженности. Напротив, у правительства таких стран имеется возможность финансировать все потребности внутреннего развития при помощи собственной валюты, обеспечивая полную занятость без инфляции¹⁶.

Это убедительно подтверждается и опытом СССР, и современного Китая.

Иначе говоря, отстаиваемая либеральной экономической теорией “независимость центробанков” со всей очевидностью противоречит национальным интересам государств, обслуживая вовлеченные в систему глобального управления компрадорские верхушки правящих элитных кланов.

Российская Федерация – член Базельского клуба с 10 февраля 1996 г.

Наша страна вступила в него через неделю после завершения Всемирного экономического форума в Давосе, на котором была создана пресловутая “семибанкирщина” под проведение президенты нездорового и крайне непопулярного Б.Н.Ельцина.

Недавно входивший в нее бывший банкир А.П.Смоленский в интервью Радио “Свобода” вспомнил тогдашний девиз: “Запрем совесть в сейф до выборов”¹⁷.

Трудно более цинично и, одновременно, доходчиво объяснить стоявшую перед “семибанкирщиной” задачу, за выполнение которой страна заплатила потерей финансовой независимости.

Итак, “Группа двадцати” – это транснациональный субъект глобального управления, контролируемый частным капиталом и связанными с ним правительствами государств “большой семерки”. А БМР как ее ядро может смело претендовать на роль еще одного “продукта” глобально-управленческой стратегии. Точнее, не “еще одного”, а ключевого из институтов, обладающих хотя бы призрачной транспарентностью. Все остальное скрыто от посторонних глаз практически полностью.

В январе 2009 г. первый заместитель Председателя Правительства РФ И.И.Шувалов, выступая в Государственной Думе, прямо заявил, что кризис – не ошибки отдельных правительств, а экономическая система, созданная с умыслом – чтобы давать преференции США и некоторым другим государствам¹⁸.

Чтобы не усложнять анализ, я специально не обращаюсь:

– ни к истории БМР, связанной с созданием механизмов прихода к власти гитлеровского режима и его последующего финансирования;

– ни к неудачным попыткам упразднения этого “центробанка центробанков” Бреттон-Вудской системой (американское правительство, несмотря на все его могущество, которое обеспечивалось половиной мирового ВВП, тогда кем-то было жестко поставлено на место).

Очевидно, что само наличие этих тем достоверно указывает на политический (точнее, geopolитический) или даже исторический характер глобального финансового управления, осуществляемого транснациональной элитной группой, деятельность которой длится на протяжении, как минимум, нескольких поколений*.

* А.А.Игнатов из аналитических структур Управления делами Президента России настаивает на ее “хасидско-парамасонском” генезисе.

А. де Бенуа – руководитель Центра исследований европейской цивилизации, один из теоретиков движения французских “новых правых”, близких по своей идеологии к голлизму (в его первичном, не извращенном современностью прочтении), описывает его следующим образом. “...В демократической системе правила игры упираются в избираемых политических управляющих. А в перспективе управления ...не только избираемые политики ...исключены из игры, но и государства, ограниченные территорией и обязанные ...отставивать свои национальные интересы... – под предлогом, что их бюрок

ратический аппарат недостаточно компетентен для функционирования в рамках (*нового – Авт.*) мирового порядка.

Именно в этом контексте будут возникать многосторонние негосударственные действующие лица, которые смогут сосредоточить в своих руках значительные властные ресурсы”¹⁹.

Еще конкретнее высказался Д.Рокфеллер. На заседании Трехсторонней комиссии в 1999 г. он предрек замену государственной власти правительств частной властью крупного бизнеса¹⁴.

Остается лишь добавить, что именно это сегодня, по-видимому, и происходит.

Проект “многополярный мир”

В марте текущего года после жесткой отповеди планам создания новой мировой резервной валюты, которую политические и финансовые власти США дали в канун лондонского саммита “Группы двадцати”, появилось ощущение, что в противоречие вступили две группы американской элиты, которые А.А. Зиновьев удачно назвал “национальным государством” и “глобальным сверхобществом”²⁰.

Более зримые и четкие очертания потенциальный раскол приобрел уже в мае на проведенной в Афинах Бильдербергской конференции. Ее участники не пришли к консенсусу, что именно предстоит пережить мировой экономике: короткую и обвальную рецессию или продолжительную стагнацию. Большинство участников склонялись к первому варианту, но имелись опасения, что обвал выйдет из-под контроля.

На самом деле не договорились они, по-видимому, еще в конце апреля на ежегодном пленарном заседании Трехсторонней комиссии в Токио, когда упоминание о путях выхода из кризиса было вычеркнуто из итогового коммюнике – единственного открытого документа этого форума.

Между указанными событиями американские члены этих структур внезапно собрались в “Рокфеллер-Центре” на Манхэттене, где провели однодневное сепаратное совещание.

В очередности разворачивавшихся событий автор видит ответ на закономерный вопрос: почему президент, минфин и ФРС США совместно отставали доллар, если речь идет о возникновении разногласий, по сути, между правительством США и Федеральной резервной системой?

Причина этого – в неясности ситуации перед лондонским саммитом. Отвечать на российско-китайскую инициативу по новой мировой резервной валюте и политическим, и финансовым властям США приходилось, не дожидаясь ежегодных заседаний Трехсторонней комиссии и Бильдербергского клуба.

Российский экономист и политолог М.Л.Хазин в ряде статей показал, как с началом осени 2009 г. эти противоречия между национальной и глобальной частями американской элиты начали переходить в фазу реального, причем, обостряющегося противостояния. Сделано это было на примере

двух взаимосвязанных судебных исков, поданных:

– информационным холдингом “Блумберг” к Федеральной резервной системе – за кризисное “дешевое” кредитование банков с заведомо низкой ликвидностью;

– и Федеральным судом США к банку “*Morgan Stanley*” и мировым рейтинговым агентствам “*Moody’s*” и “*Standart & Poor’s*” – за махинации с рейтингами, которые обеспечивали доступ к этим кредитам²¹.

В ответ власти США получили “щелчок по носу” от ЮНКТАД – Конференции ООН по торговле и развитию. Ее эксперты подготовили доклад, в выводах которого фигурировало признание “неэффективности сложившейся в мире валютной системы”, которая “тормозит развитие мировой экономики и является одной из основных причин финансового и экономического кризиса”²².

Стало понятно, что элиты США как “национального государства” проигрывает американское “дерби” эlite обосновавшегося на территории страны “глобального сверхобщества”.

Оценивая решения, принятые саммитом “Группы двадцати” в Питтсбурге, можно констатировать, что в них четко просматривается фирменный почерк БМР, а также то, что они подрывают американскую банковскую систему.

Так, Дж.Кертон – профессор университета Торонто, директор международной исследовательской группы “двадцатки” по мониторингу результатов ее работы заявляет, что “США следует сократить потребительские расходы и создать стимулы для большей финансовой бережливости”²³.

Это – звонок. Точнее, даже два звонка:

– властям США: как только неподконтрольная им ФРС перестанет печа-

тать доллары, экономика страны под тяжестью внутреннего и внешнего долга просто рухнет (возможно, это будет и сигналом к созданию *NAU*);

– гражданам США: высокий уровень жизни прошедших десятилетий – следствие потребления не по средствам, а оно было возможно только в качестве компенсации за беспроблемное пребывание на территории страны глобальных финансовых институтов. Впредь такого не будет и необходимо “затянуть пояса”.

Американские власти проектам этих решений сопротивлялись как могли. Но после того, как они были поддержаны Советом по международным отношениям, объединяющим апологетов “глобального сверхобщества” внутри самих США²⁴, Белый дом вынужден был дать им “зеленый свет”.

Судьба США как государства в свете этого, разумеется, важный, но отдельный вопрос. Помимо варианта с созданием *NAU*, существует прогноз декана одного из факультетов Дипломатической академии МИД России И.Н.Панарина (и не только его), предсказывающий скорый распад США и даже новую войну между “белым” Севером и все более “цветным” Югом²⁵.

В то же время все упомянутые внутриэлитные американские противоречия могут быть разрешены и иначе. Например, с помощью переноса из США пресловутого “глобального центра”. Поэтому для нас сегодня существенно важнее, что именно представляет собой широко разрекламированный проект “многополярного мира”?

Иначе говоря, что произойдет с “глобальным центром”:

– трансформируется ли он в совокупность континентальных центров – со своими евро, амеро, динаром, сукре и т.д.?

– или все же сохранится – тогда где он окажется, и каким будет?

Вновь обращаясь для ответа на этот вопрос к решениям саммита в Питтсбурге, отметим следующее:

Во-первых, в рамках “Группы двадцати” создается Совет финансовой стабильности (в латинской транскрипции – *FSB*), основной задачей которого является “координация на международном уровне работы ... по созданию эффективной надзорной и регуляторной политики в мировом финансовом секторе”²⁵.

Во-вторых, к концу 2012 г. вводится единый стандарт финансовой отчетности – в соответствии с соглашением “Базель-II”. Это означает, что уровень капитализации – важнейший показатель капиталистической экономики – будут зависеть не от экономической политики правительства. И даже не от качества менеджмента банков, компаний и предприятий. А от Банка международных расчетов.

Соглашение “Базель-III” тоже, думается, не за горами.

В-третьих, торговля вторичными финансовыми долговыми расписками (теми самыми деривативами) к концу 2012 г. переносится только на традиционные биржи или электронные площадки – чтобы банки больше не имели возможности обходить соглашение “Базель-I”. (Получается, что плохи не деривативы, а то, что их эмиссия не подконтрольна БМР).

Итак, никакого реального “многополярного мира” не планируется. Это такой же блеф, как и “большая восьмерка” с участием России.

И “глобальный центр” никуда не денется. Он просто претерпит опреде-

ленную трансформацию. Причем, достаточно сложную – трехходовую.

В “Заключении” к “Великой шахматной доске” Зб.Бжезинский пишет: “...Цель политики США должна состоять из двух частей: закрепления собственного господствующего положения, по крайней мере, на одно поколение..., и создания geopolитической структуры, способной смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами”²⁶.

Вспомним, что это написано в 1992 г. Цикл смены поколений – примерно 20 лет. Суммируем и получаем что-то около того же 2012 г.

Какую же “геополитическую структуру” предлагает Бжезинский?

После завершения господства США создается “трансевразийская система безопасности”. А в долгосрочной перспективе – “мировой центр совместной политической ответственности”²⁶.

То есть, стратегический “маршрут” следующий. От американского доминирования – к виртуальной “многополярности”. А от нее назад – к единому глобальному центру. Уже наднациональному.

Идеологическое обеспечение этой трансформации четко прописано в статье М.Н.Ходорковского. Виртуальная “многополярность” увязывается с “новым социализмом”, за которым, приблизительно к 2015–2020 гг., следует “ neo-neo-либеральная ” реставрация²⁷, которую (в виде вышеупомянутой “цивилизации новых кочевников”) предрекал Ж.Аттали.

Круг замкнулся. По крайней мере, в теории.

ШОС как альтернатива “проекту БРИК”?

И так, с одной стороны, как уже отмечалось, все участники БРИК входят в “двадцатку”, не имея при этом представительства в руководстве Банка международных расчетов.

С другой стороны, Китай, Россия и Индия являются членами или наблюдателями ШОС, то есть, по сути, представляют в “двадцатке” эту организацию, которая, в отличие от БРИК яв-

ляется отнюдь не только экономическим, но и военно-политическим объединением. Согласно Хартии ШОС, первым направлением сотрудничества является “поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе”⁵.

Означает ли это, что существует альтернативный сценарий, в соответствии с которым БРИК надеяется функцией полпреда ШОС в “Группе двадцати” для стратегического “сдерживания” экспансии БМР?

Давайте признаем, что, как минимум, этого нельзя исключить.

Между тем, все проделанное в рамках рассматриваемой глобально-управленческой стратегии указывает на имеющееся у глобальной элиты стремление временно перенести “глобальный центр” в Китай.

Сделано уже очень многое.

Во-первых, обеспечен беспрецедентный рост цены на золото, около шести лет назад составлявшей около 250 долл. США за тройскую унцию, а сегодня уже превысившей отметку в 1 тыс. долл.

Отметим, что цена на золото устанавливается узким кругом финансовых игроков (американский “City-Bank”, ряд других глобальных банков) на основании “биржевых заявок”, происхождение которых известно только хозяевам “площадки” – компаниям “N.M.Rothschild & Sons”. То есть, не биржевым, а, следовательно, нерыночным способом.

Какую оценку в этой ситуации можно дать недавнему решению Министерства финансов России о продаже нескольких тысяч тонн золота из запасов Гохрана, особенно на фоне продолжающегося с 2006 г. перевода Китаем валютных резервов в золото, – отдельный вопрос.

Во-вторых, в рамках БРИК и ШОС выдвинута совместная российско-ки-

тайская инициатива о замене доллара в качестве мировой резервной валюты “SDR” МВФ, а также о расширении “корзины” образующих его валют (которая сейчас представлена долларом, евро, фунтом стерлингов и иеной) за счет юана, рубля и золота. Во второй половине октября 2009 г. влиятельная и информированная лондонская газета “Independent” сообщила о тайных переговорах, якобы ведущихся по этому вопросу рядом государств-участников “двадцатки”.

Понятно, что это ускорит управляемый рост цены на золото. И именно оно, а не бумажные валюты, становится (а, точнее, возвращает себе право именоваться) “единой мерой стоимости”. Это похоже на полную, окончательную и безоговорочную капитуляцию всех сохраняющихся еще атавизмов Бреттон-Вудской системы.

В-третьих, на лондонском саммите “Группы двадцати” принято решение о поддержке выпуска “SDR”, позволяющее повысить уровень глобальной ликвидности на 250 млрд. долл. Это указывает на общее происхождение первого и второго пунктов рассматриваемой нами логической “цепочки”.

Наконец, *в-четвертых*, обращает внимание недавнее обращение ряда центробанков государств Европейского союза не к кому-нибудь, а именно к КНР с просьбой провести намеченные уже на декабрь 2009 г. переговоры об оказании поддержки в снижении курса евро к доллару, то есть о повышении конкурентоспособности европейских производителей по отношению к американским. Получается, что именно Китай становится арбитром между США и Европой.

Разумеется, перенос “глобального центра” – операция рискованная, и она не может не иметь жестко фиксированных временных рамок: не навсегда, а лишь на период, связанный с создани-

ем “трансевразийской системы безопасности” (по Бжезинскому) и кристаллизацию в его рамках “нового социализма”, о котором, помимо Ходорковского, недавно заговорил и Дж.Сорос, возвестивший миру о “победе китайского пути”.

“Полная свобода передвижения капиталов ...доказала свою несостоительность и должна быть прекращена, – указывает Сорос. – ...Мировым рынкам необходимо глобальное управление”²⁸.

Однако при этом он постулирует и последующий “новый либеральный” и одновременно глобалистский реванш: “Регуляция мировых рынков ...слишком погрязла корнями в национальных суверенитетах”²⁸.

Но если принять версию об управляемом переносе “глобального центра” в Китай, то получается, что переход к “Новому мировому порядку”, составляющий основу стратегии “Группы двадцати” (то есть, Банка международных расчетов), ставится в зависимость, пусть и относительно краткосрочную, от Пекина. А единственной “страховкой” от неконтролируемого поведения руководства КНР – участника ШОС, ось которой образует ее союз с Российской Федерацией, в этом случае становится виртуально оппонирующая субъектность БРИК. (Или еще и “зависимая” от Запада часть российской элиты?!).

На мой взгляд, – это “слабое звено” рассматриваемой нами глобально-управленческой стратегии.

И это – та самая “точка бифуркации” глобального кризиса, в которой незападные цивилизации (а участники БРИК не просто принадлежат к разным цивилизациям, но и в большинстве своем эти цивилизации образуют) могут, создав альянс, общими усилиями переломить нынешний управляемый ход глобального развития. Создать предпосылки не виртуальной, а

реальной многополярности, отодвинув от мирового “кормила власти” задержавшуюся около него верхушку западной цивилизации.

Известная формула С.П.Хантингтона “The West and the Rest” получает в этом случае обратное прочтение – “The Rest vs. the West”.

И тогда, возможно, именно сейчас вырисовывается некий новый формат реализации “проекта БРИК” – уже в виде по-настоящему альтернативного “проекта ШОС”.

Имеются ли признаки возможности подобного разворота событий?

Во-первых, Совместное заявление лидеров стран БРИК²⁹, в котором отмечаются ряд важных моментов.

Прежде всего, готовность к совместным действиям на саммитах “Группы двадцати”. По мнению автора, это как раз и позволяет рассматривать БРИК как плацдарм ШОС в “двадцатке”.

Обращает также внимание стремление авторов Совместного заявления к совмещению национальных и международных регулирующих институтов. Имеются все основания считать этот принцип определенным вызовом стратегии, осуществляющей Банком международных расчетов.

Отметим предложение повысить статус Индии и Бразилии в Совете Безопасности ООН. На наш взгляд, это – лучшая гарантия от невыгодного нашей стране пересмотра структуры Совбеза, ибо подобный вариант не предусматривается ни одним из существующих сценариев его реформирования. И сторонников у него, скорее всего, не появится.

Наконец, очевидна корреляция Совместного заявления лидеров БРИК с Екатеринбургской декларацией глав государств – членов ШОС: не только по букве, но и по духу²⁹. Возможно, это признак готовности двинуться наперекор первоначальному сценарию.

Во-вторых, обращает внимание статья Н.А.Назарбаева “Пятый путь”, опубликованная в канун Питтсбургского саммита “двадцатки”, то есть претендующая на роль программного манифеста³⁰.

Чей это манифест?

Разумеется, ШОС. Ибо речь в статье идет о возможностях и путях введения в рамках этой организации единой валюты.

Подтверждением предложенного вывода может служить свидетельство помощника Президента РФ А.В.Дворковича о соответствующем поручении, полученном экспертами от глав государств-членов ШОС³¹.

Отметим, что еще год назад президент Казахстана говорил лишь о единой расчетной денежной единице в масштабах СНГ.

Нет сомнений, что найдутся желающие представить эти коррективы ущемлением национальных интересов России.

В-третьих, начиная с 2004 г., с выдвижения Ташкентской инициативы ШОС, отмечается перманентное расширение спектра связей этой организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), например, с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В-четвертых, важным, причем, уже с сугубо военно-политической, а не экономической точки зрения является заявление министра иностранных дел

РФ С.В.Лаврова о необходимости для России, Индии и Китая выработать “коллективную стратегию” по Афганистану, а также о взаимодействии в этом вопросе с США, Ираном и другими заинтересованными странами³².

Тем самым, по сути, обозначаются перспективы формирования участниками и наблюдателями ШОС самостоятельной политики на данном направлении, что не может не ущемлять интересов США и НАТО, которые и без того сталкиваются в Афганистане с серьезными и постоянно растущими проблемами.

В этом же ряду все более тесную экономическую и военно-политическую интеграцию ШОС осуществляет с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), системообразующая роль в которых принадлежит России.

Так какова вероятность практической реализации данного, по-настоящему альтернативного варианта “много极性”?

Не исключено, что ответ на этот вопрос следует искать в сфере не объективного, а субъективного. И зависит он от того, насколько готовы (или не готовы) к такому развитию событий китайская и российская элиты? Особенно российская. Ибо имеется достаточно оснований для того, чтобы ставить ее субъектность под сомнение.

Краткие выводы

1. Вся история западной цивилизации – это борьба за мировое господство, проектная (сначала католическая, затем секулярная) экспансия, которая не прекращалась никогда. Финансовый капитализм, предсказанный в свое время К.Каутским в виде “ультраимпериализма” – перенесение политики картелей на международные отношения³³, – есть продолжение этой экспансии в новых условиях, сложившихся после завершения холодной войны.

Сегодняшний ее этап характеризуется формированием глобально-управленческой стратегии – целостной, единой и одновременно дифференцированной по целям и средствам, разбитой на определенные этапы.

2. Адекватный ответ на подобный вызов может быть только глобальным и “ответно-встречным” – объединением ведущих незападных цивилизаций. Основой такого объединения – сделаем философское отступление от сугубо политологического анализа – автору видится преодоление заложенного капитализмом противоречия между духовно-религиозной традицией и социально-политической инновацией, связанной с Модерном.

Очевидно, что это противоречие вымыщенное. При доминировании Модерна традиция, как справедливо указывает ряд авторов, причем традиционалистского направления, может быть сохранена лишь фрагментарно, в качестве совокупности символов, отражающих преемственность времен³⁴. Из этого следует, что апология инновации, осуществляемая секуляризованным Западом, преследует цель, отличную от борьбы с традицией. А именно: замаскировать этой якобы “борьбой” собственные постмодернистские и одновременно пост- и контртрадиционалистские установки, реализация которых, по сути, прымком ведет человечество в постисторию, описанную Ж.Аттали и Г.Уэллсом.

С точки зрения теории политической науки, соединение традиции с инновацией является взаимной интеграцией цивилизационного и классового подходов. Обоснование подобного синтеза осуществлено причем, на наш взгляд, весьма успешно в рамках современного неомарксистского прочтения концепции общественно-экономических формаций, которое его авторы именуют глобально-формационным подходом³⁵.

На практике БРИК как механическое объединение, созданное в целях поэтапной реализации ангlosаксонской модели мирового господства, могло бы – при желании его участников, прежде всего Китая и России, – отойти от безответственно-го социально-политического экспериментирования, утвердив с помощью военно-политической и идеологической интеграции в рамках ШОС собственную полноценную международно-правовую субъектность. От перспектив этого напрямую зависит не только конкретная модель выхода человечества из кризиса, но и уникальная возможность впредь таких рукотворных кризисов не допускать.

И.В.Сталин в июле 1941 г. охарактеризовал этот выбор следующим образом: “Быть народам Советского Союза свободными, или – впасть в порабощение”³⁶. По сути – а не по форме – нынешние исторические условия мало, чем отличаются от тех, в которых это было сказано.

3. России необходимо намного активнее, чем сегодня, противостоять “Большой Игре”, которая явно рассчитана на завершение дезинтеграции и расчленения постсоветского пространства.

Непременными условиями успеха в этом противостоянии являются:

- интеграция единого геополитического и экономического пространства, ясно и четко артикулируемый отказ от пагубной идеи “броса национальных окраин”, осуществленной при демонтаже СССР;

- модернизация, которая в России может быть успешной не в “ненасильственном” (как утверждает Президент России Д.А.Медведев), а лишь в сугубо мобилизационном формате.

Реализация этих условий взаимосвязана в целом ряде пунктов, в частности, в вопросе восстановления потенциала Сибири и Дальнего Востока, без которого, как справедливо указывал еще в 2006 г. С.В.Лавров, невозможно полноценное врастание нашей страны в интеграционные процессы в Азии. Добавим, что с этим

связано устранение упоминавшейся главой российского внешнеполитического ведомства угрозы “интернационализации внутреннего развития России” под предлогом “многостороннего инвестиционного освоения” ее природных ресурсов³.

Все это опять-таки упирается в модернизацию, основа успеха которой, как многократно доказано отечественной историей, является наличие идеи – мечты, идеала. Именно идеал, апеллирующий к духу народа, к его исторической субъектности (а не к желудку потребителя-индивида), обладает необходимым для этого мобилизующим потенциалом.

Примечания

- ¹ Валлерстайн И. Мироисистемный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Ред. Розов Н.С. Новосибирск, 1998, Вып. 1-й. С. 105–123.
- ² Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия // http://www.patriotica.ru/enemy/attali_porog_.html; Уэллс Г. Яд, именуемый историей. Собр. соч. В 15-ти томах. М., 1964. Т. 15. С. 407.
- ³ Лавров С.В. Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. Март – апрель.
- ⁴ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 198, 164, 733.
- ⁵ Хартия ШОС. Ст. 25, 1 // <http://shos2009welcome.ru/shos/document/text/>.
- ⁶ Игнатов А.А. Стратегия “глобализационного лидерства” для России. Первоочередные непрямые стратегические действия по обеспечению национальной безопасности // <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=85&makecomment=1>.
- ⁷ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишерз, 2003. С. 52–53.
- ⁸ Политология. Энциклопедический словарь. М.: изд. МКУ, 1993. С. 154.
- ⁹ Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах / Ред. Семигин Г.Ю. М.: Мысль. Т. V. С. 332.
- ¹⁰ Кургнян С.Е. Кризис и другие // Завтра. 2009. № 42. Октябрь.
- ¹¹ Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Ред. Гвишиани Д.М. М., URSS, 1997. С. 33–34; Саттон Э. Как Орден организует войны и революции. М., 1995. С. 24–25.
- ¹² Хартия Земли (текст) // <http://www.earthcharter.ru/zchart.htm>; Организационная структура Хартии Земли // <http://www.earthcharter.ru/zorg.htm>.
- ¹³ Черчилль У. Трагедия Европы (19 сентября 1946 г.) // Мировой кризис. Сб. М.: ЭКСМО, 2004. С. 761–766.
- ¹⁴ Четверикова О. Бельгия, Испания, далее везде: механизмы перекрошки карты Европы // <http://fondsk.ru/article.php?id=1143>.
- ¹⁵ Иллэр П. Разрушение европейских наций. Евро-Атлантический союз и мировое государство // <http://www.apn.ru/publications/article21896.htm>.
- ¹⁶ Цит. по: Браун Э. Базельская башня: тайный план введения мировой валюты. Что такое Банк международных расчетов // <http://bondsk.ru/print/php?id=2226>.
- ¹⁷ <http://www.svobodanews.ru/Forum/21120.html>.
- ¹⁸ Цит. по: Зюганов Г.А. Политический доклад Совета СКП-КПСС XXXIV съезду Союза // <http://kprf.ru/international/72380.html?print>.
- ¹⁹ Бенуа А. де. Управление // <http://pravaya.ru/ks/17257?print=1>.
- ²⁰ Зиновьев А.А. Закулиса // Российская Федерации сегодня. 2000. № 18.

- ²¹ *Хазин М.Л.* Американская элита раскололась надвое // <http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=007018>; *Он же. Уолл-стрит призовут к ответу?* // <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=25&article=1329>.
- ²² *Хрусталев М.* ООН поставила крест на долларе // <http://fintimes.km.ru/59941>.
- ²³ *Дубинская И.* “Большая двадцатка” выработает новый курс // Эфир “Голоса Америки”. 2009. 24 сентября; 21 сентября.
- ²⁴ *Панарин И.Н.* Интервью радио Финам.FM // <http://finam.fm/archive-view/487/print/>; *Рудаков А.Б.* Безопасность России и ситуация в мире // <http://www.nastrussia.ru/>.
- ²⁵ G20 назначила ответственный орган // Коммерсант. 2009. 28 сентября.
- ²⁶ *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2002. С. 254, 235.
- ²⁷ *Ходорковский М.Н.* Левый поворот // Ведомости. 2008. 7 ноября.
- ²⁸ Дни.Ru/ Интернет-газета. 2009. 2 ноября.
- ²⁹ <http://www.kremlin.ru>, 2009, 16 июня.
- ³⁰ *Назарбаев Н.А.* Пятый путь // Известия. 2009. 22 сентября.
- ³¹ *Васильев М.* Страны ШОС ищут замену доллару // http://www.pressito.ru/EKONOMIKA/6091/?zem_contact_send_article=yes.
- ³² <http://www.dni.ru/polit/2009/10/27/178120/html>.
- ³³ *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 28. С. 243.
- ³⁴ *Елисеев А.В.* Осколки консерватизма и целостность традиции // <http://pravaya.ru/look/17394?print=1>.
- ³⁵ См. подробнее: Завалько Г.А. Понятие “революция” в философии и общественных науках. Проблемы. Идеи. Концепции. М.: URFF, 2005. С. 231–235.
- ³⁶ Правда. 1941. 3 июля.

Кризис в области контроля над обычными вооружениями

Виталий Гончаров

Прошло почти два десятилетия с тех пор, как Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) вступил в силу. За это время на европейской геополитической карте произошли кардинальные изменения, а ДОВСЕ так и не был модернизирован в соответствии с новыми реалиями из-за позиции стран НАТО. Это привело к тому, что поставленная в дискриминационное положение Россия, являющаяся одной из ключевых стран-участниц Договора, наложила мораторий на ДОВСЕ. В области контроля над обычными вооружениями образовался вакuum.

Лишь после приостановления Российской Федерацией действия Договора вопрос сошедший на нет интерес стран Запада к тому, что некогда считалось “край-угольным камнем европейской безопасности”. Тем не менее, понадобилось два года и решительные действия России по защите интересов безопасности своей страны, прежде чем Запад осознал, что риторика обвинений в лучших традициях конфронтационной идеологии и требований “вернуться в прошлое” не способна разрешить практический вопрос, имеющий важное военно-политическое значение.

Сегодня трудно с уверенностью сказать, какова будет дальнейшая судьба ДОВСЕ, поскольку успех в восстановлении жизнеспособности Договора возможен только при наличии политической воли всех участвующих в нем государств. Учитывая то, что администрация США предпринимает практические шаги по обновлению пакета договоренностей с Россией в области ядерного разоружения, можно предположить, что продвижение на “ядерном треке” повлечет за собой активизацию переговоров в области контроля над обычными вооружениями.

ГОНЧАРОВ Виталий Игоревич – атташе Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России, эксперт Делегации РФ по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями, действующий в Вене при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Ключевые слова: ДОВСЕ, план параллельных действий, фланговый вопрос, существенные боевые силы.

Замгоссекретаря США Роуз Геттемюллер в своей речи 26 марта 2009 г. перед сенатским Комитетом по международным отношениям заявила, что "содействие разрешению зашедших в тупик переговоров с Россией по ДОВСЕ станет одним из основных приоритетов моей работы!".

Если данные слова являются декларацией реальных намерений, то восстановление жизнеспособности ДОВСЕ станет вопросом детального переговорного процесса, в том числе на экспертном уровне. Еще одним показателем возможности такого варианта развития событий является то, что в научных и политических кругах стран Европы назрело понимание необходимости восстановления жизнеспособности ДОВСЕ, о чем свидетельствует то внимание, которое западные эксперты уделяют семинарам по тематике вывода Договора из кризиса.

Из истории Договора

Для того чтобы понять логику современной тупиковой ситуации вокруг ДОВСЕ и те проблемы, которые разделяют стороны в их стремлении обеспечить существование режима контроля над обычными вооружениями в Европе, следует обратиться к истории Договора, соотнеся ее с изменениями политической карты Европы, а требования сторон рассмотреть с учетом их реальных интересов.

На момент подписания ДОВСЕ был единственным механизмом обеспечения европейской безопасности. Уже в первые годы своего выполнения Договор ликвидировал неравенства и установил равновесие сил в области обычных вооружений двух военно-политических союзов на более низких уровнях, наложил количественные ограничения на размещение обычных вооружений вдоль линии соприкосновения ОВД и НАТО, ограничил возможности внезапного нападения. Предметом Договора стали пять категорий вооружений и техники (танки, боевые бронированные машины (ББМ), артиллерия, боевые самолеты и ударные вертолеты) на суходутной территории государств-участников "в Европе от Атлантики до Урала".

Важным элементом Договора стали зональные (региональные) ограничения на танки, ББМ и артиллерию с це-

лью понижения уровней вооружений в полосах соприкосновения ОВД и НАТО, предусматривалась также отдельная зона с жесткими ограничениями (так называемый "фланговый район") для ряда государств на севере и юге Европы, включая Турцию, СССР (для России – это Северокавказский военный округ и Ленинградский военный округ) и др. Договор предусматривал гибкий механизм транспарентности: инспекции на местах, уведомления и обмен информацией, что значительно повышало степень взаимного доверия.

С распадом СССР и ОВД, после приема в НАТО ряда восточноевропейских государств были нарушены предусмотренные в Договоре групповые уровни. В результате двух "волн" расширения альянса сумма максимальных уровней стран НАТО-участниц Договора превысила групповые уровни почти на 6000 танков, 10000 ББМ, более чем на 5000 артиллерийских систем, почти на 1500 боевых самолетов и на 500 с лишним ударных вертолетов.

Соотношение совокупных количеств обычных вооружений стран НАТО и крупнейшего не входящего в альянс государства в Европе – России – составляет сейчас по разным категориям от 2,5 : 1 до 4,2 : 1.

Несмотря на то, что российская сторона высказывала озабоченность рас-

ширением альянса, в НАТО не признавали, что “западная” группа государств-участников расширяется, ссылаясь на то, что вступившие в альянс младонатовцы относятся к “восточной” группе, как это прописано в ст. 2 ДОВСЕ 1990 г.*. По всей видимости, данная аргументация была весьма удобна для альянса, поскольку, с одной стороны, сохранялся инспекционный режим ДОВСЕ и НАТО получала информацию о состоянии вооруженных сил России, а с другой – сохранялась “свобода рук” в отношении принятия в состав Североатлантического блока новых членов из числа восточноевропейцев.

Помимо возникшей колossalной диспропорции и, как следствие, нарушения баланса в области обычных вооружений в Европе, возник еще целый ряд проблем.

На стадии разработки ДОВСЕ Латвия, Литва и Эстония вышли из состава Советского Союза. Государства-участники Договора признали, что страны Прибалтики не входят в район применения ДОВСЕ, а СССР, рассчитывая на демилитаризацию данных стран, обязался рассматривать всю свою ограничивающую Договором военную технику (ОДВТ) на их территориях как по-прежнему подпадающую под договорные ограничения.

Впоследствии российские войска были выведены с территории данных стран, но как показала история, надежды на нейтральный статус прибалтийских государств не оправдались. В результате образовалась “черная дыра” в области контроля над вооружениями на севере Европы, а на границах Рос-

сии оказались государства-члены НАТО, не являющиеся участниками ДОВСЕ, вооружения которых не подпадают под договорные ограничения.

При этом в отношении пограничных районов Российской Федерации, стратегическое значение которых возросло с распадом СССР, в соответствии с Договором сохранялись жесткие “фланговые ограничения”, предусматривающие пониженные уровни ОДВТ для данных территорий и ограничение возможностей по дополнительному временному развертыванию войск.

В последние годы ситуация осложнилась в связи с возникновением очагов конфликтов на постсоветском пространстве, в первую очередь на Кавказе (армяно-азербайджанский конфликт, грузино-югоосетинский конфликт), а также обострением ситуации на юге России (чеченский сепаратизм).

Для борьбы с чеченским сепаратизмом, охраны границ и защиты интересов граждан России, находящихся в зоне конфликтов, требовались более высокие уровни вооружений, чем те, которые были предусмотрены “фланговыми ограничениями”. Остро встал вопрос о возможности усиления группировки на флангах в случае необходимости. Если раньше стратегическая стабильность представляла собой равновесие двух блоков на одинаковых уровнях в районе применения Договора, то теперь диспропорция отягощалась еще и тем, что Россия оказалась в положении, когда ее уровни для наличия в пограничных нестабильных районах стали в разы ниже, чем у соседей.

* “Термин «группа Государств-участников» означает группу Государств-участников, которые подписали Варшавский Договор 1955 г., включающую Республику Болгария, Венгерскую Республику, Республику Польша, Румынию, Союз Советских Социалистических Республик и Чешскую и Словакскую Федеративную Республику, либо группу Государств-участников, которые...”.

Подписание Соглашения об адаптации

Ответом на изменившуюся геополитическую обстановку стало подписание 19 ноября 1999 г. Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

Взамен старой зонально-групповой основы вводилась система национальных (НПУ) и территориальных (ТПУ) предельных уровней обычных вооружений для каждого государства-участника с жесткими правилами их изменения. Новая система устанавливала "потолки" для размещения ОДВТ. До этого в 1997 г., в соответствии с Основополагающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, государства альянса взяли на себя обязательство не размещать "существенные боевые силы" на территории новых членов, аналогичное обязательство взяла на себя и Россия.

По адаптированному ДОВСЕ сохраняются два "фланговых подуровня" для территории России и Украины. Предусматривается еще целый ряд мер ограничительного характера, призванных содействовать стабильности и транспарентности в районе применения ДОВСЕ, а также возможность присоединения к Договору новых участников.

К принятому в Стамбуле Соглашению об адаптации был приложен пакет документов, в который вошли заявле-

ния государств, содержащие их односторонние политические обязательства.

В скором времени Российская Федерация ратифицировала Соглашение об адаптации ДОВСЕ, однако страны НАТО, ссылаясь на несоблюдение Россией "фланговых подуровней" и невыполнение ей так называемых "стамбульских обязательств", так и не приступили к ратификационным процедурам.

Сегодня государства альянса увязывают ратификацию Соглашения об адаптации с "полным выполнением" Россией "стамбульских обязательств", а точнее, с выводом российских миротворцев из Приднестровья и Гудауты (территория Абхазии), что имеет под собой сомнительную политическую почву, поскольку статус миротворцев не имеет отношения к вопросам контроля над вооружениями и ДОВСЕ. Свою часть "стамбульских обязательств", касающуюся вывода ОДВТ из Грузии и Молдавии, Россия выполнила полностью.

По всей видимости, приоритетом для альянса, и в первую очередь для США, в течение долгого времени оставалось нежелание связывать себя какими-либо ограничениями, о чем свидетельствуют планы конца 90-х, начала 2000-х годов по строительству американских военных баз на территории восточноевропейских государств.

Мораторий и первые шаги сторон навстречу

Учитывая, что в сложившейся ситуации Договор образца 1990 г. перестал выполнять цели и задачи, сформулированные в его преамбуле, а ратификация Соглашения об адаптации странами НАТО откладывалась на неопределенное время, Москвой было принято решение приостановить его действие, что вызвало волну недовольства среди стран Запада.

Российский мораторий стал ответом на прямое нарушение странами НАТО обязательств, содержащихся в преамбуле ДОВСЕ.

Основными причинами приостановления Российской действия ДОВСЕ стали:

– "во-первых, уклонение Республики Болгария, Венгерской Республики, Республики Польша, Румынии, Словакской Республики и Чешской Республики от оформления изменений в составе групп государств-

участников в связи с их присоединением к Вашингтонскому договору 1949 г.;

– во-вторых, превышение Государствами-участниками, подписавшими или присоединившимися к Вашингтонскому договору 1949 г., «групповых» ограничений ДОВСЕ в результате расширения альянса;

– в-третьих, негативное воздействие планируемого размещения обычных вооружений Соединенных Штатов Америки на территориях Республики Болгария и Румынии на соблюдение «групповых» ограничений ДОВСЕ;

– в-четвертых, невыполнение рядом Государств-участников принятого в Стамбуле (17–19 ноября 1999 г.) политического обязательства об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации;

– в-пятых, невыполнение Чешской Республикой, Венгерской Республикой, Республикой Польша и Словакской Республикой принятых в Стамбуле обязательств о корректировке территориальных предельных уровней;

– в-шестых, отрицательное воздействие не участия Латвийской Республики, Литовской Республики и Эстонской Республики в Договоре на выполнение Заключительного акта конференции Государств-участников ДОВСЕ².

С приостановлением Россией выполнения ДОВСЕ разрушилась схема западного стратегического мышления, связанная с контролем над обычными вооружениями в Европе. Более того, государства альянса перестали получать информацию о состоянии вооруженных сил России и оказались лишены возможности их контролировать с помощью инспекционного режима Договора.

Российская Федерация выдвинула четкую программу действий по восстановлению жизнеспособности режима ДОВСЕ, в основе которой лежат предложения, внесенные ей на Чрезвычайной конференции 2007 г.

Российские предложения предусматривают:

– понижение разрешенных уровней обычных вооружений стран НАТО в целях

компенсации дополнительного потенциала, приобретенного альянсом в результате расширения;

– отмену так называемых “фланговых ограничений” для территории России;

– выработку общего понимания параметров “существенных боевых сил”, которые не должны размещаться на постоянной основе на иностранных территориях, и проявление соответствующейдержанности до этого момента;

– обеспечение участия в Договоре новых членов НАТО – стран Балтии, Албании, Словении и Хорватии;

– обеспечение скорейшего вступления в силу Соглашения об адаптации ДОВСЕ, а до этого момента – его временное применение;

– начало дальнейшей модернизации адаптированного ДОВСЕ.

В качестве отправной точки для переговоров по восстановлению жизнеспособности ДОВСЕ США от имени стран НАТО предложили (август 2007 г.) так называемый “план параллельных действий”.

В соответствии с данным планом предполагалось, что некоторые страны НАТО приступают к ратификации Соглашения об адаптации, а Россия возобновляет действие старого ДОВСЕ, завершает вывоз боеприпасов из Приднестровья, дает согласие на интернационализацию миротворческой операции в Молдавии и решает вопрос с Грузией о бывшей российской военной базе Гудаута.

В плане оговаривалось, что в случае завершения российских шагов осенью 2007 г. страны НАТО будут готовы ратифицировать Соглашение об адаптации к весне 2008 г.

Не вдаваясь в детальный разбор американского проекта, стоит лишь отметить, что “план параллельных действий” предусматривал конкретные действия России в обмен на расплывчатые обещания стран Запада учесть российские озабоченности в неопределен-

ном будущем. Более того, в плане не предусматривался учет ключевых российских озабоченностей, таких как отмена фланговых ограничений и др.

Несмотря на несбалансированность проекта, Российская Федерация продолжила работу на его основе, требуя, тем не менее, насыщения “плана параллельных действий” конкретными обя-

зательствами стран НАТО и сроками их выполнения.

Непреклонная позиция России и конфликт в Закавказье (август 2008 г.) наглядно продемонстрировали странам Запада, что диалог в области контроля над вооружениями российская сторона готова вести лишь в предметной плоскости.

Восстановление жизнеспособности ДОВСЕ

В настоящий момент ситуация с ДОВСЕ обстоит следующим образом. Вся деятельность России по выполнению Договора и связанных с ним документов прекращена. Возобновление действия старого ДОВСЕ не имеет никакой “добавленной стоимости” для России и она не намерена возвращаться к его выполнению.

Интерес Российской Федерации заключается в создании в Европе единственного механизма контроля над обычными вооружениями, который бы обеспечивал стабильное и безопасное сосуществование со странами-соседями в регионе, ликвидировал бы неравенства, образовавшиеся в результате перегруппировки сил на европейском континенте.

Для стран НАТО приоритетом является сохранение предусмотренного Договором режима инспекций и обмена информацией.

Однако политические элиты ряда государств альянса все еще не готовы к реальному учету российских озабоченностей в обмен на возвращение России в инспекционный режим, поскольку желают обеспечить существование такого механизма контроля над вооружениями, который бы позволял им сдерживать возможности России по военному развертыванию, при этом сохранив за ними “свободу рук”.

Тем не менее, контроль над вооружениями предполагает равновесие или,

по крайней мере, разумный баланс интересов сторон. Для восстановления жизнеспособности ДОВСЕ необходим целый комплекс политических и юридических урегулирований – компромиссный пакет, в котором уступки обеих сторон должны быть сбалансированы.

На повестке дня стоит вопрос о гарантиях выполнения будущих договоренностей.

Российская Федерация предлагает внести изменения в адаптированный Договор еще до его ратификации, что в принципе является логичным. Страны Запада, напротив, предпочли бы вносить изменения в адаптированный ДОВСЕ после его ратификации. В случае вынесения этого вопроса за скобки Россия, в отсутствии четких юридических обязательств партнеров, рискует, что ее озабоченности в будущем так и не будут учтены. В данной связи **российская сторона настаивает на том, чтобы “перезагрузка” произошла только после полного согласования всех вопросов в рамках “пакета”**.

При достижении сторонами понимания необходимости восстановления жизнеспособности режима ДОВСЕ путем введения в действие адаптированного Договора с пакетом согласованных дополнительных мер остается разрешить два вопроса: какую форму будут иметь эти дополнительные меры и

каким образом будет сочетаться во времени прекращение российского моратория и введение в действие адаптированного ДОВСЕ?

Представляется, что страны Запада, ссылаясь на сложности ратификации, неохотно пойдут на внесение измене-

ний в адаптированный Договор до его ратификации.

Тем не менее, существует вероятность того, что страны Запада согласятся на это, поскольку они заинтересованы в возвращение России в режим инспекций и обмена информацией.

Временное применение

Однако согласование "пакета" не означает введение в действие Договора.

Поскольку уже имеется негативный опыт с Соглашением об адаптации ДОВСЕ, которое было подписано еще в 1999 г., но до сих пор так и не ратифицировано ни одной из стран Запада, **Россия выступает за временное применение адаптированного Договора в качестве гарантии его ратификации всеми странами-участницами в разумные сроки.**

С учетом того, что для ряда государств временное применение еще не ратифицированного Договора прорублематично. Россия выразила готовность рассмотреть двухступенчатую схему введения временного применения.

Первые шесть месяцев государственные участники руководствовались бы политическим обязательством действовать в соответствии с объектом и целями адаптированного ДОВСЕ, соблюдая его предельные уровни, а затем, если к этому времени Соглашение об адаптации не вступит в силу, началось бы его временное применение³. "Причем, после согласования "пакетного решения" и с учетом его содержания российская сторона могла бы рассмотреть возможность осуществления, в качестве жеста доброй воли, на двусторонней основе некоторых взаимных мер транспарентности в районе применения ДОВСЕ в период до начала временного применения или вступления в силу Соглашения об адаптации"⁴.

Присоединение к Договору новых участников

Говоря о введении в действие Договора, необходимо также уже в рамках "пакета" согласовать конкретные условия присоединения к нему европейских государств-членов Североатлантического альянса, не являющихся участниками ДОВСЕ.

На повестке дня стоит вопрос о присоединении к Договору Латвии, Литвы, Эстонии, Словении, Албании и Хорватии, а также кандидата на вступление в НАТО – Македонии. Актуальность этого вопроса заключается в том, что со вступлением в альянс этих стран ситуация в регионе кардинально изменилась, и для того, чтобы сохранился стратегический и региональный

баланс, необходимо обеспечить полноценное участие этих стран в ДОВСЕ.

В данной связи следует также отметить, что принятное в Стамбуле (1999 г.) политическое обязательство Российской Федерации о военной сдержанности в Калининградской и Псковской областях, было обусловлено сохранением существующей на тот момент обстановки. Представляется, что страны НАТО заинтересованы в его сохранении.

Сильным аргументом российской стороны в этом вопросе могло бы стать сохранение заявленного в Стамбуле обязательства Российской Федерации о сдержанности в Калининградской и Псковской областях.

Соблюдение стратегического баланса

Однако выравнивание дисбаланса на севере Европы не снимает остроту вопроса обеспечения безопасного баланса сил во всем районе применения ДОВСЕ.

Для того чтобы обеспечить долговременную жизнеспособность Договора, необходимо соблюсти ключевое правило, лежащее в основе любого режима контроля над вооружениями – отказаться от военной гегемонии. Поскольку в основе ДОВСЕ лежит простая идея – ни один военно-политический союз и ни одно государство в Европе не должно быть доминирующей в военном отношении силой – российская сторона настаивает на понижении совокупных разрешенных уровней обычных вооружений стран НАТО для компенсации дополнительного потенциала, приобретенного альянсом в результате двух волн расширения. НАТО данная позиция России не устраивает, но не потому, что понижение групповых уровней вызвало бы у стран альянса какие-либо сложности военного или экономического характера, поскольку их реальные наличия значительно ниже, а потому, что в случае присоединения к альянсу стран с высокими на-

личиями обычных вооружений (например, Украина) НАТО не смогла бы вписаться в групповые уровни.

Если политический выбор альянса будет сделан в пользу выстраивания сбалансированных отношений с Россией и восстановления жизнеспособности механизмов контроля над вооружениями в Европе, то, скорее всего, стороны смогут найти компромиссную формулу обеспечения общеевропейского баланса обычных вооружений.

При этом некоторые эксперты полагают, что стабильность можно было бы обеспечивать, основываясь не на концепции паритета, а на концепции военной достаточности. Последняя может предполагать политическое обязательство, в соответствии с которым военный потенциал государств-членов альянса не превышал бы военного потенциала России на определенный процент. При таком решении вопроса следует, однако, оговорить, что все присоединяющиеся к альянсу европейские государства должны быть или незамедлительно стать участниками ДОВСЕ.

В противном случае вся концепция теряет какой-либо смысл.

“Фланговый вопрос”

Ключевым вопросом обеспечения региональной стабильности и главной российской озабоченностью является “фланговый вопрос”.

Российская сторона рассматривает фланговые ограничения как устаревшие, неоправданные в нынешней военно-политической ситуации, дискриминационные и препятствующие борьбе с терроризмом.

В настоящее время существуют три возможных решения “флангового вопроса”:

– *Первое решение* предполагает вновь, как это было при прежних изме-

нениях по флангам, предоставление России больше гибкости в военной сфере (далее “разжатие” флангов) в обмен на большую транспарентность (увеличение числа инспекций во фланговом районе). Этот вариант учитывал бы интересы безопасности остальных фланговых государств, но отвергается Москвой, которая настаивает на том, чтобы эта проблема решалась путем полной отмены фланговых подуровней еще до вступления в силу Соглашения об адаптации или одновременно с ним, поскольку фланги яв-

ляются основной российской озабоченностью, без учета которой рассчитывать на восстановление жизнеспособности Договора не приходится.

– *Второе решение* – это полное упразднение фланговых подуровней для территории России.

Между тем, существуют опасения ряда государств, в особенности Турции, что отмена российских флангов приведет к эффекту домино и полному демонтажу флангового режима для других фланговых государств, что, в свою очередь, может способствовать началу региональной гонки вооружений и росту нестабильности.

– *Третье решение* в виде неформального предложения, озвученного бывшим начальником Генерального штаба Ю.Н.Балуевским (май 2008 г.), предполагает включение во фланговый район всего российского района применения ДОВСЕ. Согласно этому предложению, российские фланговые подуровни были бы равны общим территориальным предельным уровням Российской Федерации.

В рамках Договора Россия приобрела бы такой же статус, как, скажем, Турция, у которой вся входящая в район применения ДОВСЕ часть территории охвачена фланговым режимом. При этом фланговый режим не только сохранялся бы, но и укреплялся за счет существенного (применительно к России – примерно в два раза) расширения его территориального охвата.

Так, если сегодня Россия может принимать в “нефланговой” части своей территории “чрезвычайные временные развертывания”, то при новой схеме речь может идти только о “базовых временных развертываниях” на всей территории страны, что на 306 танков, 482 бронемашин и 280 артсистем меньше. Не прибегала бы Россия и к получению квот вооружений от “нефланговых” государств (например, Белорус-

сии или Казахстана). А главное – будет сохранена стабильность в тех частях флангового района, где есть опасность раскручивания субрегиональной гонки вооружений.

Государства альянса взяли данное предложение на проработку, однако до сих пор не получено ни заявления о приемлемости данной идеи, ни мотивированного отказа от нее.

Насколько это можно понять из дискуссий в научных кругах стран Запада, ни одно государство альянса не считает, что предоставление России большей гибкости может представлять реальную угрозу их безопасности. Так же существует понимание, что в случае принципиального согласия других фланговых государств – Турции и Норвегии, в альянсе не будет проблем с согласованием данного вопроса.

Однако стоит предположить, что в реальности проблема флангов связана с geopolитическими интересами альянса, прежде всего США и Турции, которые стремятся иметь серьезные рычаги влияния на постсоветском пространстве.

Поскольку Российская Федерация поставила вопрос о флангах в принципиальном ключе, а все стороны, тем не менее, заинтересованы в сохранении режима контроля над вооружениями, то при наличии политической воли выходом на компромисс, скорее всего, может стать третье из вышеописанных решений, возможно, дополненное политическими гарантиями, скажем, в виде дополнительных мер транспарентности.

Турция и ряд сопредельных малых государств придерживаются наиболее жестких позиций и в будущем наверняка будут требовать от России гарантий по сдержанности. Для Турции российские фланги являлись и являются сущностью существования флангового режима ДОВСЕ.

В данном вопросе Анкара видит себя в качестве державы-гаранта интересов малых фланговых государств региона. Однако данная жесткая позиция все же, скорее всего, изменится, поскольку для безопасности Турции любой компромисс,

предполагающий сохранение флангового режима в целом был бы намного лучше, нежели полный развал режима. К тому же отмена фланговых подковрений для территории России не угрожает безопасности других государств.

Субрегиональные аспекты

В рамках обсуждения “пакетного решения” западные партнеры значительное внимание уделяют субрегиональным аспектам обеспечения безопасности. Скорее всего, будущее обсуждение сконцентрируется вокруг Северного Кавказа, российско-норвежской границы и Приднестровья.

Представляется, что сложнее всего будет согласовать региональные аспекты контроля над вооружениями на Северном Кавказе. По всей видимости, ключом к снятию озабоченностей сторон ситуацией в этом регионе могло бы стать согласование разумных двусторонних мер транспарентности.

В том же, что касается российской территории, граничащей с Норвегией, то сохранение российских гарантов по сдержанности в данном регионе в каком-либо виде вполне целесообразно уравновесить аналогичными обяза-

тельствами норвежской стороны, у которой они не должны вызывать какие-либо сложности.

Вопросы контроля над вооружениями в Приднестровье представляются сегодня практически урегулированными, поскольку натовцы признали нереалистичным выдвигавшееся ими ранее требование о немедленном выводе российских военнослужащих, включая миротворцев, из Приднестровья и вывозе боеприпасов из Колбасны. Статус российских миротворцев был недавно подтвержден в рамках совместного заявления, принятого по итогам переговоров Д.А.Медведева, В.Н.Воронина и И.Н.Смирнова (18 марта 2009 г.).

В данной связи обеспечение разумной транспарентности присутствия российских миротворцев могло бы стать приемлемым решением приднестровского вопроса в контексте ДОВСЕ.

Параметры “существенных боевых сил”

Не снят с повестки дня и вопрос о параметрах “существенных боевых сил”.

То, какие цифры будут стоять за определением данного термина, имеет для сторон принципиальное значение, поскольку в рамках Основополагающего акта Россия – НАТО альянс отказался от “дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил”, аналогичное обязательство приняла на себя и Россия⁵.

В Заключительном акте Конференции в Стамбуле страны НАТО и Россия

приняли политическое обязательство, касающееся “существенных боевых сил”. Это означает, что определение значения данного термина принципиально в отношении размещения вооруженных сил в районе применения ДОВСЕ.

Российское предложение по определению термина “существенные боевые силы” было внесено в Совместной консультативной группе по ДОВСЕ 15 июля 2008 г.

Оно предполагает “совокупность войск (сил) на уровне боевой бригады (бригады боевого обеспечения), авиа-

крыла/авиаполка и вертолетного батальона/вертолетного полка или выше, либо имеющих ОДВТ, количества которых хотя бы в одной категории превышают следующие параметры: 41 боевой танк, 188 ББМ, 90 артсистем калибра более 100 мм., 24 боевых самолета, 24 ударных вертолета”⁶.

Подводя итоги, целесообразно сформулировать основные принципы переговоров по контролю над обычными вооружениями и условия выхода сторон на компромисс в сложившихся ныне условиях.

Первоосновой переговоров является политическая воля. Достижение договоренности по “пакету” станет возможным только, когда у руководства ключевых государств-участников будет понимание приоритетности обеспечения региональной и общеевропейской стабильности с помощью механизмов контроля над вооружениями.

Залогом достижения компромисса по “пакету” является обеспечение баланса интересов сторон, соблюдение ключевых озабоченностей. В современных геополитических условиях принципиальное значение имеет вопрос гарантий безопасности и стабильности.

Общеевропейскую безопасность сегодня невозможно обеспечить в рамках концепции паритета, следовательно, необходимо предусмотреть такой механизм, который был бы способен сбалансировать интересы сторон. Можно предположить, что существенное понижение потолков по новому Договору, а в идеале – их приведение в соответствие с реальным наличием обычных вооружений сыграло бы значительную роль в укреплении доверия между участниками.

В том, что касается регионального измерения безопасности, важно помнить, что контроль над вооружениями не имеет никакого отношения к урегулированию региональных конфликтов, поскольку в механизмах контроля над вооружениями действует логика обеспечения безопасности участников на паритетных или достаточных уровнях, а в разрешении конфликтов действует механизм политического урегулирования, который часто полностью расходится с концепцией равновесия, лежащей в основе ДОВСЕ. Поэтому предметом переговоров не могут быть статус конфликтных зон, мандат миротворческих сил и прочее.

Сегодня представляется необходимым обеспечить участие в ДОВСЕ всех европейских государств. Это позволит исключить “черные дыры” в режиме контроля над вооружениями, а значит, в будущем будет сведена к минимуму возможность использования не подпадающих под договорные ограничения территорий для достижения корыстных политических целей за счет концентрации там ОДВТ, что неминуемо пошатнет жизнеспособность Договора.

Также было бы целесообразно предусмотреть в Договоре механизмы, которые позволяют избежать чрезмерной концентрации ОДВТ в конкретных регионах. Такими механизмами могли бы стать определение термина “существенные боевые силы”, непревышение ТПУ над НПУ, взаимные политические обязательства о сдержанности в некоторых районах, а также механизм транспарентности.

Соединенные Штаты Америки пока не комментируют российское предложение, откладывая этот вопрос для согласования в будущем.

Однако можно предположить, что в целом российская трактовка “существенных боевых сил” вряд ли вызовет у них серьезные возражения.

И последнее, пакет мер по восстановлению жизнеспособности ДОВСЕ должен быть направлен в будущее, а не прошлое, а значит должен учитывать геополитические реалии на момент вступления в силу его адаптированного варианта и предусматривать возможность дальнейшей модернизации, в частности за счет охвата ограничениями новых категорий вооружений и техники, включая высокоточное оружие и беспилотные летательные аппараты, упрощение системы контроля и обмена информацией и др.

Примечания

¹ [www.thomasloc.gov Senate hearings/Foreign Affairs Committee/Speeches](http://www.thomasloc.gov/Senate/hearings/ForeignAffairsCommittee/Speeches)

² Выступление руководителя Делегации Российской Федерации Директора ДВБР МИД А.И.Антонова на Чрезвычайной Конференции государств-участников ДОВСЕ. Вена. 12 июня 2007 г.

³ Памятная записка “Восстановление жизнеспособности ДОВСЕ – путь вперед”. Распространена российской делегацией в СКГ 5 мая 2009 г.

⁴ Заявление Делегации Российской Федерации в СКГ 5 мая 2009 г.

⁵ Основополагающий акт Россия – НАТО, 1997 г. // <http://www.consultant-plus.ru>

⁶ Заявление Делегации Российской Федерации в Совместной консультативной группе о параметрах “существенных боевых сил”, 15 июля 2008 г.

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Глобальный кризис и отношения США и Европы

Владимир Котляр

В последние месяцы в американском и европейском экспертном сообществе развернулась весьма интересная дискуссия о воздействии современного глобально-финансово-экономического кризиса – первого такого кризиса в XXI в. – на развитие отношений между США и их европейскими союзниками. Очевидно, что этот кризис явился своего рода моментом истины для Европы, и в дискуссии отмечается целый ряд новых тенденций во внешнеполитических взглядах европейцев, причем это характерно не только для традиционно фронтирующего Парижа, но даже и для Лондона, по-прежнему сохраняющего полную лояльность Вашингтону.

Один из таких новых тезисов, прозвучавший на традиционном фестивале интеллектуалов в Уэльсе (май 2009 г.), заключался в том, что мир находится в начале одного из тех периодов истории, когда фундамент, на котором держится установившийся порядок, изменяется и появляется новое мироустройство. Этот процесс приведет к ослаблению позиций западных стран и к усилению позиций восточных, особенно Китая и Индии. И хотя США останутся одной из крупнейших держав, но по этой причине Вашингтон будет гораздо больше внимания, чем ранее, уделять своим отношениям с Восто-

ком. При этом трансатлантические отношения, сохраняя приоритет для США, уже не будут, однако, служить основой для американской внешней политики. Соответственно и Европе теперь придется искать новых союзников для решения, например, проблем экономического кризиса или вопроса о силовом урегулировании какой-либо ситуации в мире за пределами привычного евро-атлантического клуба¹.

В США, однако, отнюдь не все склонны соглашаться с этим.

На санкт-петербургском экономическом форуме (июнь 2009 г.) состоялся примечательный диспут между старшим

КОТЛЯР Владимир Семенович – доктор юридических наук, советник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: глобальный финансово-экономический кризис; сессия ШОС (Екатеринбург, июнь 2009 г.); Ф.-В.Штайнмайер; А.Мerkель; Д.А.Медведев; Э.Морен; Н.Саркози; ЦВЕ; “Восточное партнерство”.

политическим аналитиком CNN Б.Шнайдером и известным европейским политиком Дж.Кьеозой.

Американец отстаивал "право" США как "единственный мировой сверхдержавы" устраивать глобальные экономические кризисы каждые 30 лет и контролировать применение военной силы по всему миру: "Пока США что-то не сделают, ничего не произойдет. Мы видели это в Кувейте, в Косово, в Сомали".

Назав такий подход "большой иллюзией и заблуждением", Дж.Кьеоза заметил, что он может дорого стоить не только американцам, но и всем нам: "Я считаю, что президент Обама, напротив, глубже своих сотрудников и представителей американской политэлиты понимает, что ситуация в корне изменилась. Сегодня центр тяжести в сфере международных финансов уже переместился в Азию. Три крупнейших в мире банка – китайские. Кроме того, сейчас укрепляются другие страны – Бразилия, Индия. Это помимо России и Евросоюза. И США теперь не могут принимать решения, не учитывая мнения этих игроков. Я считаю, что американская империя закончилась. Император не существует, если он вынужден договариваться с подчиненным"².

Это мнение разделяют и многие другие в Европе и в США.

Известный американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии и научный сотрудник *Nation Institute* К.Хеджес и британский экономист М.Хадсон считают сессию стран ШОС в Екатеринбурге (июнь 2009 г.) "самой важной встречей на высшем уровне с начала ХХI века", поскольку ее участники – крупнейшие торговые партнеры США – сделали первый шаг по пути к замене доллара другой мировой резервной валютой. А так как только использование доллара в качестве мировой резервной валюты помогает сегодня покрывать громадный дефицит платежного баланса США, вызванный, прежде всего, избыточными американскими военными ассигнованиями, то замена доллара в этом качестве положит конец американской гегемонии в военной области³.

В Вашингтоне уже почувствовали эти изменения в настроениях европейцев. В этом отношении очень характерны вопросы, которые были заданы европейскими журналистами государственному секретарю США Х.Клинтон во время ее интервью программе "Евроньюс" в связи с ее участием во встрече с руководителями стран ЕС (весна 2009 г.). В этих вопросах акцент был сделан на отказ европейских стран пойти навстречу просьбам США по двум ключевым вопросам – о направлении дополнительных воинских контингентов в Афганистан (европейцы отделались полумерами или символическими жестами) и об оказании массированной финансовой помощи банкам (европейцы предпочли пойти по пути усиления государственного регулирования банковской деятельности).

Меняющийся характер отношений европейских союзников с США особенно заметен на примере ведущих европейских стран, прежде всего Германии и Франции, что лишний раз подтверждает, что хотя с приходом А.Меркель и Н.Саркози на смену Г.Шредеру и Ж.Шираку расхождения Берлина и Парижа с Вашингтоном стали звучать чуть более приглушенно, но они отнюдь не исчезли.

Примечательным в этом плане явилось выступление министра иностранных дел Германии Ф.-В.Штайнмайера (4 марта 2008 г.), который призвал работать над созданием "общеверопейского миропорядка, включающего наших трансатлантических союзников точно так же, как и наших восточных соседей", на основе "диалога и сотрудничества, доверия, обоюдного уважения и взаимопонимания" и при "тесном согласовании с нашими трансатлантическими партнерами".

Он поставил под сомнение решение о проведении маневров НАТО в Грузии (май

2009 г.) призвал США, при поддержке значительной части германской общественности и парламентариев, начать ядерное разоружение с прекращения складирования в Германии американских ядерных боеголовок, а канцлер А.Меркель во время обязательного, по немецким внутриполитическим канонам, визита в США (июнь 2009 г.) накануне германских выборов заявила о готовности ФРГ всячески содействовать успеху переговоров об ограничении ядерных вооружений, особенно в рамках соглашения по СНВ.

Выступая по итогам визита Д.А.Медведева в Мюнхен (июль 2009 г.), А.Меркель еще раз напомнила о том, что "Россия и ФРГ связаны стратегическим партнерством", что позволяет нам обсуждать различия в наших мнениях там, где они имеются, "но есть и большое количество схожих и общих подходов".

"Мне кажется, – сказала А.Меркель, – что в общей сложности мы на очень-очень хорошем пути в том, что касается интенсификации наших отношений, с тем, чтобы сделать их такими, какими они должны быть между Германией как самой крупной макроэкономикой ЕС и нашим соседом Россией. Мы хотим, чтобы те взаимозависимости, которые у нас существуют, превратились в ситуацию *win-win*, когда выигрывают обе стороны"⁴.

Готовность ФРГ к стратегическому сотрудничеству с Россией, в том числе и по реализации предложения президента Д.А.Медведева о создании открытой системы безопасности в Европе, подтвердил в интервью по внешне-политическим итогам 2008 г. посол ФРГ в Москве В.Ю.Шмид⁵. Это нашло отражение и на июльских (2009 г.) переговорах Д.А.Медведева в Мюнхене и Ф.-В.Штайнмайера в Москве (июнь 2009 г.), на которых обсуждались такие вопросы, как предложение президента Д.А.Медведева о заключении нового договора о евро-атлантической безопасности, отношения России с НАТО и ЕС, научно-техническое сотрудничество в разработке инновационной тех-

нологии, продвижение совместного предложения двух стран участникам ДНЯО в поддержку многосторонних подходов к ядерному топливному циклу, совместные усилия по разблокированию ситуации с ДОВСЕ, а также российская поддержка идеи ФРГ об увязке прогресса на переговорах по сокращению ядерного оружия с прогрессом на переговорах по реанимации системы контроля над обычными вооружениями.

Столь активное развитие российско-германского политического диалога вызвало беспокойство на правом политическом фланге в США. Комментируя заявление Штайнмайера во время его июньского визита в Москву о том, что "Россия является незаменимым партнером для Германии и ЕС" и что "обе стороны выигрывают от объединения наших потенциалов", американское издание "*Trumper*" и орган ветеранов ЦРУ "*Stratfor*" выразили беспокойство, что на фоне нынешних проблем в американо-германских отношениях и выдвижения Германии на передовые позиции в Европе "мощная Германия способна блокировать политические интересы США в Европе". Эти печатные органы дошли до того, что в панике сравнивают сегодняшнее развитие российско-германского сотрудничества с "пактом Молотова-Риббентропа".

Что касается Франции, то решение Н.Саркози о возвращении Франции в военные органы НАТО все больше начинает напоминать тактику "троянского коня". По мнению ряда обозревателей, на практике Франция сегодня много делает для создания альтернативы НАТО в лице новой армии ЕС, вопреки сопротивлению США и Великобритании. Устами своего министра обороны Э.Морена Франция поддержала укрепление европейской системы безопасности и независимого оборонного потенциала ЕС. Это полно-

стью отвечает провозглашенному Н.Саркози (2007 г.) курсу на строительство самостоятельной системы европейской обороны.

Позиция Франции, как и позиция Германии, создает большие проблемы для Пентагона и секретариата НАТО, занятых сейчас разработкой проекта новой стратегической концепции альянса на смену концепции 1999 г., которая предусматривала, вопреки Вашингтонскому договору 1949 г. о создании НАТО, "право" НАТО проводить военные операции повсюду в мире по собственному усмотрению, независимо от того, что по этому поводу считает Совет Безопасности ООН. Естественно, в Пентагоне и Брюсселе хотели бы перетащить в новую концепцию многие положения из старой. Но в это время на конференции в Мюнхене (февраль 2009 г.) выступил Н.Саркози и призвал Запад к безотлагательному восстановлению доверия с Россией.

"Я не верю, – сказал он, – что сегодня Россия представляет военную угрозу для ЕС и для НАТО... Я не верю, что главной опасностью для ЕС и НАТО является опасность военной агрессии со стороны России... Я не могу видеть в ней прямую угрозу для Европы или НАТО". Он призвал верить президенту Д.А.Медведеву, выслушать его разъяснения предложенной им концепции евро-атлантической безопасности и совместно обсудить ее, поскольку "создание общей зоны безопасности, после создания общей зоны экономического сотрудничества ради благосостояния наших народов, полностью отвечало бы нашим интересам".

Э.Морен в интервью "Associated Press" и программе "Евроньюс" отверг идею "глобальной НАТО", выступив за ее "европеизацию" и против тезиса о "необходимости равняться на американцев", и призвал к проведению переговоров с Россией перед любым новым расширением НАТО, в частности за счет стран СНГ. Оба этих тезиса прямо противоречат позиции

только что назначенного Б.Обамой нового посла США при НАТО И.Долдера.

Об аналогичных настроениях говорят частные выступления достаточного авторитетных СМИ, представителей других стран Европы на сессиях Парламентской ассамблеи НАТО (2007–2009 гг.), а также на конференциях в Мюнхене (февраль 2008–2009 гг.).

В этих выступлениях ставятся вопросы:

- о пределах расширения НАТО;
- о необходимости осознать риск для Европы, связанный с возможным принятием Украины и Грузии в НАТО;
- о потребности согласовывать решения, затрагивающие безопасность членов блока, в Совете НАТО, а не в ходе двусторонних переговоров США с отдельными членами блока;
- о необходимости вести равноправный диалог с Россией, считаться с ее мнением в вопросах европейской безопасности и решать вместе с ней вопросы ПРО в Европе (причем прослеживается усиление беспокойства в политических и общественных кругах Германии и Чехии в отношении размещения элементов ПРО в Европе).

Кроме того, выражаются сомнения по поводу намерений превратить НАТО в надзирателя за международной безопасностью, конкурирующего с ООН, вплоть до вопроса, "не являются ли США угрозой для Европы?".

Следует также отметить, что глобальный кризис привел к появлению признаков определенного отрезвления в странах Центральной и Восточной Европы, особенно после того, как ряд этих стран во главе с Венгрией и Польшей потребовал от "старой Европы" срочно предоставить им 190 млрд. евро для облегчения выхода из кризиса и получили отказ.

Казалось бы, что страны этого региона Европы, сделавшие ставку на

поддержку американских интересов в последние 15 лет (вспомним слова бывшего вице-президента США Д.Чейни о “новой” и “старой Европе”), могли бы рассчитывать на помощь “дяди Сэма” в этой трудной ситуации, но и тут они просчитались. Отсюда нынешние размышления о том, насколько правильной была политика конфронтации с Россией, проводимой странами этого региона, насколько обоснованными были надежды на “единую демократическую Европу” и на всемогущий свободный рынок в ЕС, который, мол, вытащит их из любых трудностей. Отсюда и их тяготение, особенно в Польше и Чехии, которые подписали в 2008 г. предварительные соглашения с США о размещении элементов третьего района ПРО США на своей территории, к несколько большей самостоятельности во внешней политике.

Так, Польша и Франция проводят консультации для сближения своих позиций касающихся политики НАТО, отношений с Россией с тем, чтобы не допустить отката к новому витку холодной войны с ней, а министр обороны Польши предлагает России обмениваться информацией о состоянии воздушного пространства вдоль восточных границ стран НАТО, полученной радарами Норвегии, Польши, Турции, с одной стороны, и России, с другой.

Что касается Чехии, то в конце 2008 г. ее правительство так и не смогло сходу получить необходимой поддержки в парламенте страны своему предложению о продлении пребывания чешских воинских контингентов в Косово и Афганистане на 2009–2011 гг.

И на этом фоне особенно иррациональной выглядит нынешняя политика давления России на Белоруссию, которая просто выталкивает Минск из орбиты союзных отношений с Москвой и активно используется Брюсселем для вовлечения ее в круг “восточных партнеров” с малопредсказуемыми, но в

любом случае негативными последствиями для российско-белорусских отношений.

Но как в США первые признаки “перестройки” отношений с Россией вызвали резкое осуждение американских политических “троглодитов” из среды неоконсерваторов, так и в странах Центральной и Восточной Европы “люди из прошлого” стремятся остановить шаги по нормализации их отношений с Россией. Это иллюстрирует опубликованное (июль 2009 г.) “открытое письмо” 22 бывших лидеров правительств и представителей либеральных кругов этих стран во главе с В.Гавелом и Л.Валенсой с требованием ужесточения политики США в отношении “ревизионистской России” для “защиты независимости” ее соседей. Внимательное изучение реакции американских неоконсерваторов и авторов письма восточных европейцев невольно наводит на мысль о попытке скоординированного давления на Б.Обаму со стороны определенных политических сил в США и Европе, чтобы вынудить его вернуться к старому, уже испробованному при обоих Бушах и Клинтоне жесткому курсу в отношении России.

Так что на перспективы развития отношений России с европейскими союзниками США нам надо смотреть трезво, без иллюзий. В целом в Европе, включая Центральную и Восточную Европу, происходят позитивные процессы переосмыслиния опыта развития отношений с Россией, но, как подчеркивают российские обозреватели, пока происходит не фундаментальная “перезагрузка” этих отношений, а скорее замедление ряда особенно негативных тенденций (размещение третьего позиционного района ПРО США в Европе, вопрос о членстве Украины и Грузии в НАТО).

Ни США, ни Европа по-прежнему не готовы обсуждать с Россией осново-

полагающие вопросы евро-атлантической безопасности, прежде всего роль и место России в системе безопасности в этом регионе, особенно при принятии решений. Эта их позиция и определяет сохраняющееся скептическое отношение к предложениям Д.А.Медведева на этот счет при всей вербальной готовности к их обсуждению.

Весьма сомнительный политический смысл лежит в основе инициативы ЕС о “Восточном партнерстве”, которая по существу предлагает странам СНГ туманную перспективу ассоциации с ЕС в обмен на их согласие отстранить Россию от влияния на развитие событий на постсоветском пространстве.

Д.А.Медведев достаточно ясно заявил на саммите Россия – ЕС (май 2009 г.), что “мы не хотели бы, чтобы «Восточное партнерство» превратилось в партнерство против России”, чтобы “это партнерство консолидировало отдельные государства, которые настроены антироссийски, с другими государствами Европы”⁶.

В неофициальных комментариях европейцы особенно и не скрывают этот подтекст “Восточного партнерства”.

Поэтому надо без излишних иллюзий и твердо – но не с такой бездумной, тупой силой, как в случае с Белоруссией, – проводить линию на отстаивание российских национальных интересов в Европе.

Главным нашим инструментом должен стать курс на скорейшее восстановление экономического потенциала страны – недаром опубликованные в июле 2009 г. результаты опроса общественного мнения в России показывают, что основной угрозой национальной безопасности России является ее экономическая отсталость.

Примечания

¹ Ashdown P. The end of Western hegemony//25.05.2009. <http://www.inosmi.ru/print/249377.html>

² Антонов И. Бывший депутат Европарламента Дж.Кьеза: “Причина кризиса – однополярный мир”//<http://www.izvestia.ru/world/article3129674/?print>. 19/06/2009/

³ Хеджес К. Соединенные Штаты на грани банкротства//<http://www.izvestia.ru/economic/article3129716/?print>. 19.06.2009/

⁴ Григорьев Е. Меркель очарована Медведевым // Независимая газета. 21.07.2009.

⁵ Шмид В.Ю. Стратегическое партнерство продолжается // Независимая газета. 25.12.2008.

⁶ Пресс-конференция президента Д.А.Медведева в Хабаровске 22 мая 2009 г.

Терроризм в Испании: международный аспект*

Александр Орлов

Международная активность ЭТА – средство компенсации внутриполитической деградации организации

В результате активной, временами просто самоотверженной борьбы ЭТА с диктаторским режимом генерала Франко в Испании организация приобрела широкую известность и даже популярность в мире, прежде всего в Европе и Латинской Америке. Однако по мере становления и развития демократического процесса в пост-франкистский период, который ЭТА отвергла, предпочтя остаться внесистемной силой, действующей за рамками правового поля Испании, социально-политическая поддержка, оказывавшаяся ей прежде как в собственной стране, так и за ее пределами, начала ослабевать.

Рубежным событием на пути морального падения ЭТА, оказавшим на испанцев даже большее воздействие, чем серия кровавых преступлений, совершенных террористами в течение 80-х годов, явилось сначала похищение, а

затем хладнокровное убийство в 1997 г. муниципального советника от Народной партии Мигеля Анхеля Бланко. Эта растянутая во времени показательная расправа ЭТА фактически над простым человеком, не игравшим сколько-нибудь заметной роли в политической жизни страны, видимо, просто переполнила чашу терпения, стала той самой “последней каплей”, знаменующей диалектический переход количества в качество.

Со столь массовой волной отторжения ЭТА не сталкивалась никогда прежде.

Практически единовременно она потеряла половину своих сторонников в Стране Басков, что бесстрастно зафиксировали результаты выборов в местные органы власти в этом регионе.

В настоящее время, по данным исследования, проведенного социологической службой “Эускобарометро”, деятельность

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – профессор МГИМО(У).

Ключевые слова: национализм, терроризм, права человека, Испания, Франция, Страна Басков, ЭТА, “Батасуна”, Национальная Аудиенция.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 10.

ЭТА полностью отвергают 64% басков, то есть без малого две трети населения Автономного сообщества Страна Басков.

До 10% сократилось число басков, разделяющих цели ЭТА, но отвергающих насилиственные методы, по-прежнему исповедуемые этой группировкой.

3% – частично отвергают действия ЭТА, критикуя ее за ошибки, и только 1% полностью поддерживает этот сепаратистско-террористический спрут.

Примечательно, что до 13% сократилось число басков, полагающих, что в прошлом насилие ЭТА было оправданным¹.

Это означает, что своей преступной деятельностью в течение 30 лет испанской демократии нынешняя ЭТА практически полностью перечеркнула “светлый образ” этой организации, созданный первым поколением борцов-антифашистов в годы франкизма.

Потерю популярности в самой Испании ЭТА пытается компенсировать активной и целенаправленной пропагандистской кампанией за границей, позиционируя себя в качестве баскской национально-освободительной организации, подвергающейся преследованиям со стороны испанского государства. При этом практически полностью воспроизводится имиджевая схема, которая сложилась в массовом сознании мировой общественности еще в период франкизма и инерция восприятия которой во многом сохраняется до сих пор.

Характерно, что давно ушедшая в прошлое эпоха франкизма настолько сильно отпечаталась в сознании людей за пределами Испании в виде некоего стереотипа, что три десятилетия испанской демократии не могут в полной мере перекрыть это восприятие. Этим умело пользуются ЭТА и ее популяризаторы и адвокаты за рубежом, стремящиеся, и небезуспешно, поставить власти Испании в положение оправдывающейся стороны, а террористов и их пособников представить в виде чуть ли не

невинных жертв политических репрессий.

Уже не первый год Испания является “объектом особого внимания” для различных международных организаций и экспертов, занимающихся вопросами соблюдения прав человека. Испанские правительство, полиция, суды, прокуратура вынуждены периодически давать объяснения по поводу своих действий в отношении террористов, чего, к примеру, в гораздо меньшей степени требуют от соседней Франции, власти которой в последнее время также энергично противодействуют деятельности ЭТА, активно использующей французскую территорию в качестве своей тыловой базы, а также места отдыха и подготовки боевиков.

Серьезное раздражение испанских властей вызывала, в частности, деятельность предыдущего специального докладчика ООН по вопросам прав человека и применению пыток голландского юриста Тео Ван Бовена, который посвящал положению в Стране за Пиренеями до 10% объема своих отчетов и докладов, примерно столько же, сколько и России. В том же духе действует и сменивший голландца на этом посту финн Мартин Шейнин, который во время своего визита в Испанию в 2008 г. уделил пристальное внимание условиям содержания в тюрьмах членов ЭТА.

Положение заключенных под стражу или отбывающих сроки наказания в пенитенциарных учреждениях членов ЭТА вызывает повышенный интерес международных правозащитных организаций по ряду причин:

– *Во-первых*, этарровцы подвергались пыткам в период франкизма, и это до сих пор не забыто;

– *Во-вторых*, в период так называемой “грязной войны”, которую вели против ЭТА в 1983–1987 гг. “Антитеррористические группы освобождения (аббревиатура на испанском языке – GAL) – нелегальная полувоенная орга-

низация, созданная испанскими властями для борьбы с ЭТА незаконными насилиственными методами, было уничтожено несколько десятков этарровцев и пострадали не связанные с террористами граждане, прежде всего активисты левых баскских националистических организаций и экологисты;

– *В-третьих*, отдельные факты истязаний членов ЭТА в тюрьмах и местах предварительного заключения фиксируются и в наши дни, хотя представители испанских властей квалифицируют их как “единичные”;

– *В-четвертых*, в соответствии с действующим испанским законодательством в отношении членов ЭТА предусмотрен специальный режим, исключающий ряд прав, которыми пользуются остальные заключенные.

В частности, члены ЭТА могут быть задержаны на срок до 13 дней без права контактов с кем-либо, последующее разбирательство осуществляется не судом общей юрисдикции, а находящимся в Мадриде специальным судебным органом – созданной в 1977 г. Национальной Аудиенцией (*Audiencia Nacional*).

Подобный специальный правовой режим для членов ЭТА является темой для серьезной полемики внутри страны между политическими партиями, причем левые и националистические организации резко критикуют отсутствие единства для всех категорий обвиняемых и заключенных при отправлении правосудия, полагая, что это противоречит нормам Конституции.

ЭТА использует указанные выше обстоятельства в своих интересах.

Открыто презирающие закон, принципы морали и гуманизма при осуществлении своих преступных деяний, члены ЭТА, а также их родственники,

друзья и сторонники проявляют исключительную щепетильность и требовательность в отношении соблюдения правовых норм тогда, когда террористы и их пособники оказываются в руках испанского правосудия.

Всевозможные акции протesta против “государственного насилия”, за свободу членов ЭТА регулярно проводятся как в Стране Басков, так и за рубежами Испании, в частности в Брюсселе, где располагаются руководящие органы Европейского союза, а также перед штаб-квартирами ООН как в Старом, так и в Новом Свете.

30 октября 2002 г. ООН вообще предоставила возможность максимальному руководителю ЭТА на тот момент Хосу Тернера и лидеру партии “Батасуна”* – “политическому” филиалу ЭТА Арнальдо Отеги провести пресс-конференцию в ооновском офисе в Женеве. Испанское правительство направило ноту протesta по этому поводу Генеральному секретарю ООН Кофи Аннану. Позже выяснилось, что “Батасуне” удалось внедрить своего сторонника в Подкомиссию по защите и продвижению прав человека ООН, причем организовано все было в лучших традициях детективного жанра.

“*Udalbiltza*” (название на баскском языке) – ассоциация муниципалитетов, руководимых представителями “Батасуны”, достигла договоренности с Международной лигой за права и освобождение народов (*Liga Internacional por los Derechos y la Liberación de los Pueblos – LIDLP*), имеющей консультативный статус при Экономическом и Социальном совете (ЭКОСОС) ООН, о том, что представитель “Батасуны”** будет аккредитован как член *LIDLP* в указанной выше Подкомиссии.

* В 2003 г. партия “Батасуна” была запрещена в Испании, продолжив, однако, действовать в де-факто полугальском режиме.

** Имеется в виду адвокат Хулен Арсуга, позже изобличенный испанским правосудием в сотрудничестве с запрещенной “Батасуной”.

Результатом подобной махинации и стала организация пресс-конференции лидеров ЭТА и "Батасуны", сам факт проведения которой в европейской штаб-квартире ООН в Женеве имел скандальный характер и не добавил авторитета всемирной организации, вольно или невольно подыгравшей испанским террористам и их псевдо политическим дублерам².

Жалобы на пытки и издевательства в испанских пенитенциарных учреждениях и в полицейских участках являются частью пропагандистской стратегии ЭТА. На этот счет для членов организации разработаны специальные инструкции, которым оказавшийся в заключении боевик должен следовать. В частности, ему предписывается после перевода из полицейского участка в Национальную Аудиенцию ("самое страшное уже позади" – учит инструкция), желательно, в письменной форме заявлять о том, что все, в чем он, возможно, признался на допросе в полиции, это – ложь и соответствующие показания получены под воздействием физического и психологического насилия. Подобные же заявления необходимо делать и публично, если для этого представится возможность.

Среди основных международных неправительственных организаций, занимающихся вопросами соблюдения прав человека, отношение к "разоблачениям" ЭТА двойкое.

С одной стороны, они не склонны преувеличивать их значение и брать на веру все то, о чем "сигнализирует" ЭТА через систему своих заступников как внутри Испании, так и за рубежом. С другой стороны, правозащитники не исключают возможности того, что в испанских тюрьмах и полицейских участках с членами ЭТА не слишком церемонятся и допускают известные перегибы.

В частности, НПО *"Human Rights Watch"*, не подтверждая фактов пыток в тюрьмах

Испании, отмечала в то же время, что властям необходимо повысить уровень гаран员ности для заключенных.

НПО "Международная амнистия" призывала главу испанского правительства Х.Л.Родригеса Сапатеро отказаться от практики лишения членов ЭТА права на контакты и обеспечить строгое и эффективное расследование заявлений о пытках и плохом обращении с заключенными со стороны персонала тюрем, исключив возможность безнаказанности последних³.

По данным ассоциации родственников узников ЭТА *"Etxera!"*, в 2008 г. было зафиксировано рекордное число членов террористической организации, находившихся в заключение, – 762 чел.

60% из них были осуждены и отбывали сроки наказания в испанских тюрьмах, 30% – были задержаны и ожидали судебного вердикта, 10% содержались под стражей за пределами Испании.

Серьезную полемику вызывает в Испании проблема, связанная с определением мест отбытия наказания заключенными-этарровцами. В 90-е годы правительство, сформированное Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), пришло к выводу о необходимости распределения членов ЭТА по тюрьмам, расположенным в разных местах страны, причем преимущественно подальше от Страны Басков и Наварры. Делалось это для того, чтобы исключить концентрацию этарровцев в одних пенитенциарных центрах и свести к минимуму возможность оказания давления на тех членов ЭТА, которые приняли решение покончить с террором.

Однако эта мера властей вызвала волну протестов в лагере баскских националистов, углядевших в ней нарушение конституционных норм.

По данным одного из опросов, проведенного в 1999 г. в Стране Басков, до 80% респондентов высказались в пользу "приближения" узников-террористов к местам их обычного проживания.

В период объявленного ЭТА “перемирия” в 1998–1999 гг. правое правительство Народной партии, дабы по-трафить террористам, перевело более сотни заключенных-этарровцев в тюрьмы на территории Страны Басков. Такое решение аргументировалось необходимостью создания благоприятных условий для того, чтобы “положить конец насилию”. Следует отметить, что все другие парламентские партии Испании, включая ИСРП, этот шаг “народников” одобрили. Протестовала только Ассоциация жертв терроризма, традиционно ориентирующаяся на Народную партию, но в этом случае не поддержавшая своего политического патрона.

Однако примирительный жест властей, вероятно, был воспринят в ЭТА как свидетельство их слабости, поскольку вскоре террористический спрут объявил о возобновлении “вооруженной борьбы”.

После возвращения ИСРП к власти (2004 г.) упор был сделан на выборочном подходе к узникам ЭТА в зависимости от их поведения – одних заключенных приближали к родным местам, других, наоборот, от них отдаляли.

Показательным в этом плане стало отношение к, пожалуй, наиболее известному из находящихся за решеткой террористов С.Арроспиде Сарасола (кличка “Санти Потрос”), исполнителю самого кровавого в истории ЭТА теракта – взрыву бомбы в подземном паркинге гипермаркета *HiperCor* в Барселоне (июнь 1987 г.).

Отказавшись от вооруженной борьбы, С.Арроспиде, срок наказания которого истечет только в 2030 г., был перемещен из Кадиса, расположенного на крайнем юге континентальной Испании, в тюрьму в Сарагосе, от которой до Страны Басков всего-то пара сотен километров по прекрасной дороге.

Необходимо отметить, что “эрозия” ЭТА через политику выборочного от-

ношения к заключенным-этарровцам приносит определенные плоды.

К примеру, большинство находящихся в тюрьмах террористов поддержали новое перемирие ЭТА, которое данная организация “выдерживала” в период с марта по конец декабря 2006 г., и осудили взрыв боевиками одного из терминалов мадридского аэропорта “Барахас”, положившего конец надеждам на мирное урегулирование проблем терроризма в Испании.

“Предательство” сотоварищей, сломленных тюрьмой, обычно вызывает раздражение и даже гнев действующего руководящего ядра ЭТА. Известны случаи физической расправы новой генерации этарровцев над бывшими однопартийцами, отрекшимися от “вооруженной борьбы”. В целом же для ЭТА характерна потеря интереса к “засвеченным” (по-испански – “*quetados*”, дословно – “сгоревшим”) членам организации, вышедшим на свободу после отбытия наказания, которые в большинстве случаев воспринимаются как “отработанный материал”.

На этом фоне весьма неординарной выглядит планировавшаяся акция по вызволению из тюрьмы в Уэльве двух членов ЭТА, один из которых готовил в 1995 г. покушение на короля Хуана Карлоса I.

План побега вполне можно использовать в качестве сюжетной линии приключенческого фильма. Организаторы предполагали задействовать две группы боевиков, одна из которых, переместившись из Франции, должна была захватить пилота вертолета и членов его семьи с тем, чтобы, шантажируя летчика, заставить его посадить машину во внутреннем дворике тюрьмы, взять на борт заключенных этарровцев и перевезти их на территорию Португалии, где вторая группа боевиков готовилась спрятать их в заранее подготовленных местах.

В июне 2009 г. план был раскрыт испанскими спецслужбами⁴.

Аналитики сошлись во мнении, что подобная дерзкая операция, тем более, если бы она увенчалась успехом, призвана была поднять моральный дух

террористического воинства, которое не может не улавливать, хотя бы на уровне интуиции, прогрессирующей деградации руководства ЭТА.

Международный фронт поддержки ЭТА: фиксия или реальность?

Xотя деятельность ЭТА вызывает растущее неприятие в мире, даже среди крайне левых организаций, традиционно воспринимающих с большим политическим пытетом лозунги борьбы за национальное освобождение, было бы преувеличением утверждать, что у нее не осталось влиятельных сторонников и заступников на международной арене.

Как это ни странно, но у ЭТА есть свое немногочисленное лобби даже в Европарламенте, члены которого пытаются убеждать коллег по этому представительному органу, что в Испании пытки и насилие в отношении этарровцев являются обычной практикой, а право граждан выражать свои идеи в пользу независимости отдельных регионов попирается властями.

Поддержку ЭТА оказывает и так называемая Сеть Герника за самоопределение (*Red Gernika por la Autodeterminación*), в основном состоящая из представителей выборных органов разных уровней Бельгии (фламандцы), Ирландии, Италии, а также Шотландии и Каталонии.

Через аффилированные неправительственные организации, главным образом созданную еще 22 года назад, *"Askapena"*, ЭТА поддерживает связи с партнерами в Латинской Америке, прежде всего в таких странах, как Венесуэла, Боливия, Колумбия, Уругвай, Аргентина и Мексика, контактирует с различными структурами в Палестине, Западной Сахаре, Ираке, Курдистане и даже, по информации ведущей испанской газеты *"Эль Паис"*, в Белоруссии².

Правда, в правдоподобность версии о белорусских связях радикальных баскских националистов верится с трудом.

Увлеченность части баскской националистической молодежи палестинским опытом борьбы выливается в появления призывов к "баскской интифаде" и бойкоту израильских товаров, которые дублируются на страницах внутрипартийного бюллетеня ЭТА *"Zutabe"*.

Позиционирование ЭТА в качестве центрального звена баскского национально-освободительного движения позволяет "политическим" ответвлениям этого спрята продолжать поддерживать отношения с североирландскими националистами из партии Шинн Фейн, лидер которой Джерри Адамс неоднократно встречался с "лицом" партии "Батасуна" Арнальдо Отеги, а также с Африканским национальным конгрессом (АНК) ЮАР.

Для проведения активной пропагандистской кампании в Южную Африку в начале 2007 г. выезжала делегация "Батасуны" во главе с одним из лидеров этой партии Бернардо Баррена. Для противодействия усилиям эмиссаров радикальных баскских националистов испанское посольство в ЮАР вынуждено было "выписывать" из Мадрида представителей Фонда за свободу (*Fundación para la Libertad*) – организации, призванной разоблачать пропаганду ЭТА и связанных с ней структур. По итогам бесед посланцев Мадрида с членами руководства АНК К.Монтланте и Д.Ситоле, у них сложилось впечатление, что южноафриканцы имеют сильно искаженное представление как о баскской проблеме, в частности, так и об испанской демократии, в целом.

"Они ничего не знали об испанском политическом транзите, не ведали, что после

смерти диктатора в стране была проведена амнистия, полагали, что в Испании не существует подлинной демократии и что баскский народ порабощен, а его язык подвергается дискриминации, не располагали элементарными сведениями о доходе на душу населения и экономическом развитии Страны Басков, думали, что "Батасуна" обладает огромным избирательным весом и не знали, что ЭТА убивает членов демократических, не националистических партий.

Они были уверены, что только испанские националисты выступают против переговоров с ЭТА. Мы поняли, что, если они и симпатизируют (тандему) "Батасуну" – ЭТА, то только потому, что их убедили в том, что борьба двух этих организаций основывается на теории освобождения третьего мира".

Подобным образом резюмировал состоявшиеся беседы Тео Уриарте, представлявший на них испанскую сторону².

Посланцы Мадрида немало были удивлены тому обстоятельству, что на их вопрос, почему в ЮАР верят в то, что Испания хочет искоренить баскский язык, последовал ответ, что об этом, помимо батасуновцев, говорили им и представители автономных властей Страны Басков, в частности, ни много, ни мало – официальный "портпароль" местного правительства Милен Аскарате*.

Это подтверждает известный факт, что баскские радикальные и умеренные националисты, расходясь в методах, преследуют созвучные стратегические цели, заключающиеся в получении права на самоопределение Страны Басков и, в более широком плане, всех земель, где исторически проживают баски на территориях двух сопредельных государств – Испании и Франции.

Будирование баскской темы на международном уровне направлено на интернационализацию несуществующего "конфликта", который националисты хотели бы постоянно поддерживать в активном состоянии, в то время как правительство Испании заинтересовано минимизировать его внешний фон.

"Международный фронт солидарности" с баскским народом, являющийся плодом усилий "Батасуны", действующей по указке ЭТА, призван быть, образно говоря, "шестой колонной" (введем такой термин по аналогии с "пятой колонной", обозначающей силы внутри страны, противостоящие правительству и действующие в интересах внешнего врага), создающей террористам и их приспешникам благоприятный политический имидж.

Такой имидж нужен ЭТА, в частности, для того, чтобы на этапах "мирного диалога" с властями прибегать к услугам экспертов из так называемых "международной посреднической индустрии", объединяющей различных специалистов по разрешению конфликтов.

В этой связи целесообразно отметить, что в период объявленного ЭТА "прекращения огня", продлившегося, как указано выше, с марта по декабрь 2006 года, посредническую миссию в целях организации диалога между террористами и властями Испании выполняли расположенный в нейтральной Швейцарии Центр гуманитарного диалога Анри Дюнана (HD Centre), а также два южноафриканских адвоката**.

* Речь идет о прежнем автономном правительстве Страны Басков, сформированном Баскской националистической партией (БНП). После региональных выборов, состоявшихся 1 марта 2009 г., автономное правительство возглавил лидер Социалистической партии Страны Басков (региональное отделение ИСРП) Патчи Лопес.

** Brian Curran и Roelf Meyer.

Активность ЭТА, “Батасуны”, различных аффилированных структур на международной арене требует от испанского правительства принятия ответных контрпропагандистских и иных мер. Их можно объединить в три основные группы.

Первая. Усилия испанских властей на официальном уровне.

Они включают подписание многосторонних и двусторонних соглашений, конвенций и других документов, направленных на борьбу с терроризмом.

Так, 9 февраля 2006 г. было принято российско-испанское Заявление о совместном противодействии терроризму, в котором стороны выразили общее понимание “приоритетности международных усилий в борьбе против терроризма”, заявили о готовности “продолжать совместную работу в духе открытости, взаимного доверия и сотрудничества в интересах углубления международного взаимодействия как на двусторонней, так и многосторонней основе, имеющего целью поступательное продвижение по пути искоренения этой угрозы”¹⁵. Главы правительства, министры иностранных и внутренних дел Испании традиционно включают тему противодействия терроризму в тексты своих выступлений, обсуждают эти вопросы на переговорах со своими зарубежными коллегами.

Целенаправленно подключаются к разъяснительной работе и испанские посольства, особенно в тех странах, где усилия “агитаторов” ЭТА особенно интенсивны. Это относится, прежде всего, к государствам Латинской Америки, в некоторых из них даже имеются маленькие “колонии” этарровцев.

Известен случай, когда испанской дипломатии пришлось “включить” все свои возможности, чтобы воспрепятствовать предоставлению гражданства Венесуэлы ряду бывших членов ЭТА.

Вторая. Использование возможностей неправительственных организаций, привлечение общественных деяте-

лей, ученых, экспертов в вопросах противодействия насилию.

Вместе с тем, это направление антитеррористической борьбы не является приоритетным и, как представляется, в принципе недооценивается испанскими властями. Объяснить это можно, вероятно, тем, что правительство Испании опасается, что, включившись в открытую полемику с ЭТА в международных институтах, к примеру, на площадках неправительственных форумов ООН или каких-то иных структур, оно только поднимет вес террористической организации, в чем ЭТА как раз и заинтересована. С другой стороны, игнорировать возможный вклад “народной дипломатии”, в частности, Ассоциации жертв терроризма, то есть тех людей, которые знают о преступлениях ЭТА не понаслышке, “в теории”, а на практике, едва ли правомерно.

Впрочем, советовать со стороны всегда легче. Думается, что антитеррористические службы в Испании способны сами верно расставить все акценты.

Третье. Взаимодействие на уровне спецслужб.

Особенно плодотворное сотрудничество установилось у испанцев с соседней Францией, которая только в последние годы на системной основе включилась в борьбу с террористами, преодолев, наконец, синдром восприятия ЭТА как более политической и только потом террористической организации.

Вместе с тем французский филиал запрещенной в Испании партии “Батасуна” действует в соседней стране вполне легально, что можно рассматривать в качестве некоего курьеза. При этом необходимо подчеркнуть, что террористической деятельностью ЭТА занимается только на территории Испании, а во Франции она готовит “боевые” операции, складирует оружие и

боеприпасы, ведет подготовку боевиков. Но террористических актов не совершает. И даже пытается установить политический диалог с французскими властями. Правда, безуспешно.

Такая линия является частью стратегической концепции ЭТА, которая воздерживается от ведения борьбы на два фронта – одновременно и против Испании, и против Франции.

Председатель правительства Испании Х.Л.Родригес Сапатеро неоднократно заявлял, что в последние годы международная поддержка ЭТА “радикально сократилась”. Тем не менее, борьба испанского государства с ЭТА на международном фронте еще далеко не выиграна. Террористическая организация и ее политические и общественные филиалы продолжают активно, а в отдельных случаях и весьма эффективно пропагандировать свои псевдоосвободительные цели, замалчивая при этом насилиственные, преступные методы их достижения.

Слабый всегда может рассчитывать на снисхождение и поддержку. Этой закономерностью человеческой сущности умело пользуется ЭТА, создавая международную волну давления на испанское правительство.

Парадоксально при этом то, что в авангарде поддерживающих ЭТА зачастую оказываются те, кто борется за соблюдение прав человека, свободу и демократию. То есть права преступников оказываются важнее прав их невинных жертв!

Испанскому правительству приходится вести борьбу с ЭТА на многих направлениях.

За полувековую историю своего существования террористическая организация доказала, что способна выживать в самых сложных условиях, мобилизуя своих сторонников как внутри Испании, так и за рубежом. Соответственно, испанским властям необходимо диверсифицировать свой антитеррористический инструментарий, задействуя дополнительные возможности, в том числе фактор общественной поддержки. Это исключительно важно для противодействия террористам на международном уровне, где у ЭТА и ее окружения пока сохраняется определенный ресурс влияния.

Примечания

¹ Equipo Euskobarymetro de la Universidad del País Vasco (ed.): “Euskobarymetro Mayo 2009”.

² Barbería, Jose Luis. Las ‘embajadas’ de ETA // El País Domingo. 01.06.2008.

³ Comunicado de Amnistía Internacional/ 11.05.2009.

⁴ El País. 14.06.2009.

⁵ Цит. по: Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании: ЭТА – “ударный отряд” баскского национализма. М.: “Русская панорама”, 2009. С. 28.

“Черная дыра” российской экономики или куда движется АвтоВАЗ

Алексей Савицкий

В условиях далеко еще не преодоленных последствий глобального финансово-го кризиса и спровоцированной им рецессии сохранение государственной помощи экономике остается необходимым элементом любой дальновидной и ответствен-ной экономической политики.

В своем совсем недавнем обращении к финансовым властям США знаменитый американский экономист, лауреат Нобелевской премии, Пол Кругман самым решительным образом призвал к продолжению политики государственной поддержки экономики, даже ценой явных бюджетных потерь¹.

Впрочем, призыв Кругмана следует расценивать скорее как предостережение от излишне поспешного перевода экономической политики государства на посткри-зисный режим, предполагающий сворачивание программ поддержки производства и потребления и экономию бюджетных средств.

Свою главную мысль он выражает в самом названии статьи: “Тратить в насто-ящем, чтобы спасти будущее”. Это не просто слоган. Здесь выражено некое виде-ние перспектив социально-экономического развития страны, определенная точка зрения, за которую автор готов отвечать и, в общем, рисковать своей научной ре-путацией.

Важно также, что данное предостережение вовсе не “голос вопиющего в пусты-не”. Развитые индустриальные державы отнюдь не спешат с “уходом государства из экономики”. Итоги недавнего саммита G-20 о том ясно свидетельствуют.

САВИЦКИЙ Алексей Георгиевич – кандидат экономических наук, член Совета по федераль-ным и региональным программам при Председателе Совета Федерации ФС России.

Ключевые слова: политика поддержки экономики, АвтоВАЗ, капитализация компании, нацио-нальная автомобильная индустрия, защита автопрома, инструменты формирования спроса, про-грамма льготного кредитования, планомерное индустриальное развитие.

У нас – тоже “спасают” и “поддерживают”. Но, видимо, в силу известного предубеждения против слишком абстрактных понятий, таких как “будущее”, или “платежеспособный спрос”, предпочитают находить более конкретные адреса спасаемых. В числе самых последних и ярких примеров – компания АвтоВАЗ. Не так давно этот гигант отечественной автоиндустрии получил от правительства в качестве беспроцентной ссуды с десятилетней рассрочкой возврата 25 млрд. руб. Сейчас же он снова обратился с просьбой о финансовой помощи, на этот раз в размере 70 млрд. руб. Эти деньги необходимы для капитализации компании и включают в себя размер выплат по текущему долгу, предполагаемые затраты на инвестпрограммы. Но помимо этой суммы АвтоВАЗу понадобится еще 12 млрд. руб. на расходы, связанные с планируемым увольнением 5 тыс. работников.

Судя по всему, правительство готово пойти на удовлетворение просьбы автомобильной компании. Часть средств должна быть получена от французской компании *Renault*, владеющей блокпакетом акций АвтоВАЗа и недвусмысленно информированной о возможности “размывания” этого пакета в случае ее отказа от предоставления помощи. Французская сторона еще рассматривает этот вопрос: она готова помочь в техническом перевооружении АвтоВАЗа и предоставить ему свои платформы для экономичных моделей, но с осторожностью относится к вопросу о прямом выделении денежных средств. И здесь руководство французского концерна можно понять: учитывая то, что сам концерн недавно получил от своего правительства 3 млрд. евро, решение выделить деньги российскому автопроизводителю вынудит искать ответ на вопрос, почему и так дефицит-

ные средства тратятся на сохранение рабочих мест в другой стране.

Так или иначе, но основная нагрузка по очередному “спасению” АвтоВАЗа ляжет на российский бюджет. Сам по себе этот факт не является чем-то исключительным в современном мире.

Практически во всех крупных промышленных странах в условиях кризиса были предприняты решительные шаги по защите национальной автомобильной индустрии. Содержание и последовательность этих шагов были в разных странах различны и определялись спецификой местного национального рынка, сложившейся структурой соответствующего потребительского спроса и рядом других факторов.

Так, в Китае снижение налогов на небольшие автомобили отечественного производства резко изменило структуру спроса в пользу китайских машин.

Что же касается Европы, то самое продуманное решение было найдено немецким правительством. Каждому, кто готов был сдать свой старый автомобиль и взамен приобрести новый, отвечающий повышенным экологическим требованиям (не ниже “Евро-4”) была обещана компенсация в размере 2,5 тыс. евро.

Результат оправдал самые лучшие ожидания.

К весне текущего года падение продаж, измерявшееся с начала кризиса десятками процентов, не только остановилось, но и сменилось 40% ростом. На каждый взятый из бюджета евро пришлось десять, добавленных покупателем новой машины. Кроме того, весьма позитивно обновился национальный автопарк, став более экономичным, экологически привлекательным и безопасным.

Введение аналогичной программы во Франции, когда правительство возмещало тысячу евро за каждую утилизируемую машину старше 10 лет, позволило переломить ситуацию на автомобильном потребительском рынке: двукратное падение продаж сменилось их ростом.

Сходная политика была принята и в ряде других западноевропейских государств, а также в Японии.

Если же говорить о Соединенных Штатах, то падение рынка здесь было беспрецедентным. "Большая детройтская тройка" оказалась на грани банкротства. И хотя администрация Буша выделила несколько десятков миллионов долларов помощи *Chrysler* и *General Motors*, то новая американская команда все-таки решилась на их банкротство.

Следом была запущена аналогичная германской программа утилизации устаревшего автопарка, получившая наименование *Cash for Clunkers* ("Деньги за рыдавны"). При выполнении ряда условий на утилизируемую машину и покупке новой и более "чистой" модели, американский покупатель мог получить скидку в размере 2,5 или 4,5 тыс. долл. (в зависимости от экологичности новой машины).

Хотя эта программа действовала все только один месяц, воспользоваться ею успели почти 700 тыс. чел. Расход бюджета составил 2,9 млрд. долл., но национальный автопром получил значительно больше.

Этот краткий очерк антикризисной политики крупнейших государств мира в области автомобилестроения необходим для лучшего уяснения смысла событий, совершившихся в то же самое время на российском автомобильном рынке.

Сравнение, к сожалению, будет не в нашу пользу.

И прежде всего, содержание антикризисных действий у нас и за рубежом разнится в одном очень важном отношении. Речь идет о недостатке системности принимаемых мер, достижимой лишь тогда, когда большая экономическая проблема воспринимается в целостном контексте всех значимых – макроэкономических, социальных и политических – факторов. Причем недостаточно просто перечислить все эти обстоятельства. Нужно связать их

в наличной статике и возможной динамике.

Масштабная экономическая проблема предстанет как некое "уравнение". Только, в отличие от математики, решение его не дается готовой формулой. Решение должно быть выдвинуто, оно поэтому есть результат политической воли, но не безрассудной и "шапкозакидательной", а осознающей себя в ограничениях, заданных всеми значимыми переменными.

И так, первым шагом по защите национального автопрома стало, как известно, повышение пошлин на ввозимые иностранные машины.

Особенно резким оно было по отношению к устаревшим зарубежным машинам. Сама по себе эта мера, конечно, не лишена очевидного экономического смысла.

Однако насколько оправданной она была именно в тот исторический момент? А именно – в условиях разразившегося кризиса, когда уже стала ясна опасность неизбежного сужения спроса.

Следует признать, что ни одной из предполагавшихся целей не удалось достичь. Главной из них было стимулирование спроса на отечественные марки. Однако ослабление рубля привело к резкому удорожанию импортных комплектующих, и цены на российские автомобили поползли вверх. В результате, несмотря на значительное удорожание иностранных моделей, не удалось должным образом включить в действие ценовой фактор. Напротив, суммарный итог принятых мер следует оценить, скорее, негативным образом: рынок автопродаж обрушился, налоговые поступления – сократились.

Причины этой неудачи – разнообразны, часть из них имеет собственно экономический характер, другие – социальной природы.

С экономической точки зрения увеличение пошлин, являясь типическим протекционистским действием, было бы оправданным при выполнении двух важных условий: растущего, или, по крайней мере, устойчивого, потребительского спроса и – выдвижения на внутренний рынок если не нового отечественного бренда, то хотя бы явно улучшенных модификаций уже имеющихся брендов. В конце 2008 г., то есть на момент начала “наступления на иномарки”, ни то, ни другое условие выполнено не было. Напротив, налицо были реалии и тенденции противоположного характера.

Так, дефицит банковской ликвидности, выведение из действия всей системы кредитования (как внешнего, так и внутреннего), неотвратимая перспектива “умеренной девальвации” рубля – все это делало вполне прогнозируемым нарастающее сжатие потребительского спроса в таком специфическом сегменте, как авторынок. Что же касается второго из названных условий, то, как вынуждено было совсем недавно признать само руководство АвтоВАЗа в презентации бизнес-плана, подготовленной для вице-премьера РФ И.Шувалова, этот крупнейший отечественный автопроизводитель выпускает автомобили “чрезвычайно низкого качества”².

Это признание следовало сделать раньше и обстоятельно, связанное с “низким качеством” продукции российского автомобилестроения, непосредственно учесть при планировании антикризисных мер. Тем более – при их осуществлении. Тогда стало бы ясным, что включить “потребительский триггер” и чуть ли не в автоматическом режиме перевести внимание российского покупателя на отечественные модели едва ли удастся. Для этого нужны какие-то дополнительные и весьма мощные стимулы.

Что же касается населения, то оно о “неполном соответствии” российского автомобиля попросту знало. Свое “экспертное мнение” массовый покупатель в данном случае смог сформировать не на основе официальных деклараций, а исходя из длительного опыта и нехитрой, доступной каждому процедуры сравнения: “наши” и – “их”.

Поставил ли кто-нибудь вопрос о мере готовности покупателя изменить карту своих покупательских предпочтений?

Между тем, это нетрудно было бы сделать, причем придав вопросу точную, математически выверенную форму. Для того существуют методики рейтингования, социологические инструменты конструирования сценариев покупательского поведения в изменившихся ценовых условиях. И если руководство Китая было уверено, что для того, чтобы китайский покупатель резко изменил свои предпочтения в пользу дешевых машин местного производства, достаточно простого снижения налогов, то для этой уверенности у властей Китая были определенные основания.

В нашем же случае таких оснований, по-видимому, не было.

Социальные (в том числе и демографические) условия у нас и в Китае – разные. Вероятно, очень разнится также мера доверия, выражаемая населением технически сложной продукции местного производства, ориентированной на потребительский сектор.

В конце концов, следовало также учесть исторический контекст.

За период “тучных” лет значительная часть трудоспособного населения привыкла к достаточно высокому уровню доходов. С другой стороны, как показывали социологические исследования, серьезность наступившего финансово-экономического кризиса далеко не сразу стала фактом широкого

общественного сознания. Люди просто психологически не были готовы изменить свои покупательские предпочтения в таком важном для них вопросе, как покупка автомобиля (будь то семейного или "имиджевого"). Поэтому те, кто намеревался купить иномарку, решили переждать и скопить денег, поездив на старой машине, но только не брать "Ладу".

К сказанному надо добавить, что меры властей не только не достигли своей цели предотвратить падение продаж отечественных машин. Приходится признать, что последующие действия власти лишь усугубили проблему, поскольку их социальным эффектом стало еще большее снижение величины социального доверия: как доверия, оказываемого экономической политике государства, так и доверия отечественному автопроизводителю.

В этом нет ничего удивительного.

Мы оставили за скобками вопрос, связанный с индустрией доставки и реализации в России машин иностранного производства.

По этой теме уже достаточно было сказано. Однако применение силы для разрешения ситуации социального недовольства, спровоцированного изменениями в экономической политике, заслуживает внимания. Дело в том, что здесь имеет место несоответствие существа проблемы и характера применяемых средств воздействия.

На стихийно формулируемый вопрос экономического и социального характера дается ответ, выраженный на языке репрессии. Это все равно, что решать математическую задачу, используя язык хореографии. Вне зависимости от действительных мотивов власти, объективно ее действия работали в сторону уменьшения социального доверия: если в качестве средства экономического принуждение используется

МОН, то значит собственно экономических аргументов у власти нет. Этот силлогизм любой в силах сформулировать, даже не изучая законов аристотелевской логики.

Продолжающееся, и даже усиливающееся, падение продаж вынудило правительство пойти на прямую финансющую помощь АвтоВАЗу. Как уже отмечалось, выделенных 25 млрд. долл. хватило ненадолго. Сейчас стоит вопрос о новой финансовой поддержке со стороны государства.

Действительно, положение компаний является очень тяжелым.

Падение продаж за 9 месяцев текущего года составило 44%.

Согласно аудиту, проведенному в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО), в первом полугодии сего года компания понесла убытки в размере 19 млрд. 643 млн. руб., и на 30 июня текущие обязательства АвтоВАЗа, включая существенную сумму задолженности, подлежащей выплате в 2009 г., превышали текущие активы на 52 млрд. руб. 830 млн. руб.³.

Однако долговое обременение АвтоВАЗа не следует связывать исключительно с кризисом, больно ударившим по всем автомобильным компаниям.

Дело в том, что момент начала кризиса он уже был крупным должником. На конец 2008 г. долги компании составляли 50 млрд. руб. (из них 47 млрд. руб. – краткосрочные)⁴.

Хроническая и растущая задолженность компании связана с высоким уровнем производственных издержек. Занимая деньги на пополнение оборотного капитала, АвтоВАЗ показывал весьма низкую эффективность его использования. Основные расходы были связаны с затратами на персонал.

В 2008 г. на зарплаты ушло около 25,3 млрд. руб. В то время на АвтоВАЗе

работали 104200 чел., за год было выпущено 801,6 тыс. автомобилей (из них продано – 728 тыс.).

В этой связи стоит сравнить: численность персонала *Mazda Motor*, выпустившей в 2008 г. 1,35 млн. машин, составляла всего лишь 39852 чел.⁴.

Обновление товарной линейки шло крайне медленно. Единственным новым продуктом, который АвтоВАЗ успел запустить до кризиса, была *Lada Kalina*.

В вышеупомянутом бизнес-плане признается, что АвтоВАЗ так и остался зависимым от монопольных поставщиков, не смог наладить систему “узловой сборки и поставки”. Документ весьма откровенно рисует картину разлада всей системы управления и маркетинга. Собственная дилерская сеть АвтоВАЗа характеризуется как “неэффективная”. Широкое восприятие марки оценивается как “неудовлетворительное”. Венцом же всех этих саморазоблачений можно счесть признание, что сбыт автомобилей был ориентирован “на возможности производства, а не на заказ потребителя”².

Последнее признание особенно любопытно. Строить сбытовую политику, исходя из “возможностей производства” возможно лишь тогда, когда есть инструменты формирования соответствующего спроса. В рамках советской социально-экономической модели, когда не только производство, но и распределение были плановыми и регулируемыми, такая возможность была. Можно было в тридорога продавать советские автомобили: иных ведь не было, да и некоторые советские марки были в дефиците.

В этой связи можно по-новому оценить государственную поддержку таких компаний как АвтоВАЗ, чья технологическая база, конструкторская идеология, а вместе с ними и культура

корпоративного управления слишком зависимы от их советского прошлого.

Субсидирование “советских монстров” – это искусственное продление жизни реликтов советской экономики в несоветских политических и идеологических условиях. Тем самым нарушается основное методологическое требование, которое следует предъявить взвешенной экономической и социальной политике – сохранение системного единства. Дело в том, что советская экономика – со всеми ее достижениями – была соотнесена с иной формой распределения общественного богатства.

В действительности, мы имеем дело с муляжом советской экономики – сохранение внешних производственных форм с вынутым социальным содержанием. Неудивительно, что оно наполняется иным содержанием – коррупционным.

Разумеется, государство не могло принять и противоположного рецепта действий – отказа от всякой помощи автогиганту, сбрасывания его как ненужного балласта.

На то есть целый ряд серьезных причин:

Во-первых, социальная: речь идет о человеческих судьбах более ста тысяч работников плюс членов их семей. Кроме того, масштабные увольнения с неясной перспективой последующего трудоустройства сопряжены с очень большими компенсационными выплатами и дальнейшей значительной нагрузкой на бюджет.

Во-вторых, макроэкономическая. Автомобильная промышленность в любой экономике – это едва ли не самая длинная цепочка создания добавленной стоимости. На деятельность автогиганта завязано большое количество вторичных производств. Поэтому всякое значительное реформирование и реструктуризация производственных

линий АвтоВАЗа, не говоря об их полном закрытии, требует продумывания вопроса о перепрофилировании их деятельности.

По-видимому, все эти очевидные соображения вынудили правительство искать другие формы поддержки компании. Сначала было объявлено о программе льготного кредитования покупок отечественных автомобилей и бесплатной доставке ВАЗов на Дальний Восток. Вторая часть этой программы не дала особо заметного эффекта. Что же касается субсидирования ставки по автокредитам, то когда ценовая планка

была поднята с 350 тыс. руб. до 600 тыс., то здесь был получен некоторый позитивный результат. Программа заработала в начале лета, и уже в июле продажи выросли на 12,4% к предыдущему месяцу. А в августе АвтоВАЗ смог снизить запасы с 85 тыс. машин до 58 тыс.

Тем не менее, программа льготного кредитования не решит всех проблем АвтоВАЗа. При сохранении сегодняшней динамики автокредитов (а оснований для ожидания ее резкой перемены нет) до конца текущего года будет продано не более 100 тыс. машин.

Подведем некоторые итоги.

По все видимости, государство пойдет на определенные шаги по поддержке АвтоВАЗа. По меньшей мере, “огорчительно” то, что выделенные весной 25 млрд. руб. в значительной степени “ушли в песок”. Сейчас стоит вопрос о представлении компанией самоокупаемой бизнес-модели как условии дальнейшей помощи.

Принятая советом директоров АвтоВАЗа стратегия развития до 2014 г. и антикризисная программа предусматривают сокращение инвестиций и приостановку работы над собственной платформой класса С. Кроме того, намечено проведение масштабных сокращений.

Будут ли эти меры эффективными в хотя бы среднесрочной перспективе?

Лица ответственные за проведение экономической политики должны ответить на вопрос: почему падение продаж автомобилей в России оказалось столь сокрушительным – 51% за восемь месяцев текущего года? Тогда как за этот же период меры, принятые правительством Германии, привели к 26-процентному росту.

Если единственный ответ – неадекватность российских автомобильных брендов, то почему стратегия развития АвтоВАЗа не формулирует в качестве приоритетной задачи создание новой модели – экономичной, экологически прогрессивной и удобной для использования в условиях российского бездорожья?

Это слишком амбициозная задача?

Сейчас нужно просто “выжить”?

На это нужно ответить: так просто выжить не удастся. Вместо “спасения” и “оздоровления” мы получим длительную стагнацию с потерей всех новых средств и с неуклонно ухудшающейся социальной средой. В действительности, названная амбициозная цель – единственный шанс спасения.

Поставленной проблеме можно придать и более общую форму. Налицо две стратегии экономического развития, влекущие за собой две расходящиеся линии социального развития, а, в конечном счете, и политического бытия страны. Одна – поддержание и расширение платежеспособного спроса населения и преимущественное инвестирование в инновационно ориентированное производство. Другая – “адресная” поддержка отдельных крупных компаний так называемое

“ручное управление”, пригодное раз или два, и в чрезвычайных ситуациях, но не годящееся для планомерного индустриального развития.

Последняя стратегия неизбежно будет сохранять ту перспективу унылого будущего страны, о котором с такой болью сказано в недавней статье-обращении Президента РФ: “примитивная сырьевая экономика, хроническая коррупция, застарелая привычка полагаться в решении проблем на государство, на заграницу”. Иными словами сырьевая экономика, коррупция и обедненная экономическая мотивация с сильным креном в сторону патернализма – это не три разные проблемы. Это три грани единого явления. Три симптома одного общественного заболевания.

Действительно, коррупция, представляя собой многофакторное социальное явление, тесно связана с экономическими анахронизмами и общей экономической отсталостью. Поставим вопрос: какой экономический контекст сильнее провоцирует коррупционные проявления – инновационный или технологически и морально устаревший? Где выше коррупциогенность среды?

Ответ – очевиден. Априори ясно, что коррупциогенность выше там, где есть устоявшиеся неформальные связи.

Эти связи, формируя целостную, хотя и “невидимую” систему, приводят в действие и непрерывно институционально поддерживают отработанные схемы для отвода денег. Эти, так сказать, “институциональные карманы” неизменно обнаруживаются там, где значительные объемы производства и, следовательно, значительные материальные ресурсы находятся в зависимости от государственной поддержки. Эта поддержка может принимать разные формы: дотационная, кредитная, налоговая преференциальность и т.д.

Здесь работает механизм, обратный по своему значению известному в экономической теории механизму “экономии от масштаба”. Масштаб производства,ложенный на патерналистскую помощь и поддержку, непременно рождает “экономию со знаком минус”, как можно назвать формирование коррупционных состояний.

Примечания

¹ Кругман П. Тратить в настоящем, чтобы спасти будущее. <http://slon.ru/articles/148949/#2>

² <http://www.polit.ru/news/2009/10/07/AvtoBAZ.html>

³ <http://top.rbc.ru/retail/12/10/2009/336469.shtml>

⁴ <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009 /10/05/215375>

Корпоративное лоббирование как антирисковая деятельность

Дмитрий Белов

С лоббированием интересов крупных корпораций чаще всего ассоциируется деятельность, направленная на максимизацию потенциальной прибыли для корпорации. Однако в изменяющихся мировых условиях корпоративное лоббирование начинает изменять свой вектор с получения дополнительной прибыли на защиту уже имеющихся ресурсов и позиций корпораций. Принимая во внимание наличие у корпораций значительных политических и экономических ресурсов, осуществляющее ими лоббирование может стать одним из наиболее эффективных средств по управлению рисками.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. внес серьезные изменения в сложившиеся практики взаимодействия крупного корпоративного бизнеса с государством во многих странах мира. Потребовав от правительств затронутых кризисом государств резко усилить свою деятельность во всех сферах государственного регулирования, он стал причиной возникновения повышенных политических рисков для корпораций, которые могут угрожать их бизнесу и, в крайнем случае, – существованию.

Часто успешность деятельности корпорации находится не только в прямой

зависимости от ее управления, но и от принятия органами власти обязательных к исполнению норм (правил), регулирующих деятельность экономических акторов (иногда вводимых с момента их опубликования и не всегда учитывающих сложившиеся договорные отношения).

Возросшая активность государства в сфере управления экономикой поставила корпоративный бизнес перед необходимостью уделять значительно большее внимание вопросам выявления, анализа и выработки рекомендаций по учету рисков, вызываемых дей-

БЕЛОВ Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: лоббирование, политические риски, корпорации, ЛПР (лицо принимающее решения), неопределенность, *GR*.

ствиями органов государственного управления.

Обычно, подобного рода риски принято называть политическими. Наступление случая политического риска означает, что из-за принятия определенного государственного решения, действия или, наоборот, бездействия государства, деятельности корпорации может быть нанесен определенный урон, выражаящийся как в материальной, так и в не материальной форме.

Дифференциация политических рисков имеет существенное практическое значение, позволяя переходить от абстрактного уровня анализа к конкретному и, тем самым, создавать предпосылки для оптимального реагирования на различные разновидности политических рисков и уменьшения потенциальных негативных последствий политических решений. Создание универсальной матрицы анализа политических рисков затруднено ввиду ограничений, связанных как с особенностями каждого конкретного случая, так и с особенностями временного измерения проблемы. Принимая это во внимание, можно было бы выделить несколько основных областей проявления политических рисков:

– **во-первых**, необходимо отметить, что политические риски являются неотъемлемой частью отношений между различными субъектами общественной жизни;

– **во-вторых**, изучение политических рисков позволяет акторам быть лучше подготовленными к проведению намеченных мероприятий из-за того, что актор будет рассматривать процесс своей деятельности не с точки зрения выполнения всех предусмотренных нормативных процедур, в идеальном случае достаточных для достижения ре-

зультата, а с точки зрения вероятности достижения результатов, возможных потерь и приобретений, вероятных отклонений от установленной цели;

– **в-третьих**, анализ политических рисков предоставляет актору возможность получить инструмент ухода от состояния неопределенности в ситуации неизбежного выбора.

Выбирая из ряда имеющихся альтернатив, а также анализируя вероятности возникновения неблагоприятных и благоприятных последствий, актор может просчитать необходимые шаги для преодоления неопределенности.

Принимая во внимание тот факт, что безрискового поведения практически не существует, а сами риски могут носить как незначительный, так и беспрецедентно высокий характер, перед структурами, ответственными за отслеживание ситуаций возникновения рисков, встает вопрос о необходимости их управлением. Управление рисками, или риск-менеджмент, занимает на сегодняшний день одну из крупнейших областей деятельности любой крупной корпорации.

В рамках корпорации деятельность по управлению рисками обычно разделена на макро- и микроуровни. Макроуровень представляет собой уровень руководителей корпорации, которые осуществляют стратегическое планирование и решают наиболее серьезные вопросы на уровне первых лиц государства.

Микроуровень обычно представлен специализированными *GR*-департаментами*, основным функциональным предназначением которых является деятельность по управлению политическими и регулятивными рисками для их минимизации, а также достижение и поддержание максимально

* *Goverment Relations (GR)* – взаимоотношения с государственными органами.

комфортных отношений между бизнесом и властными структурами.

GR-подразделения обычно нацелены на решение следующих задач:

- выявление рисков;
 - оценка существенности и потенциальных угроз, формируемых рисками;
 - определение источников рисков и сфер деятельности, которые они затрагивают;
 - предоставление рекомендаций по выбору стратегии по уменьшению вероятности наступления события риска для принятия управленческого решения;
 - развитие деятельности по управлению рисками для минимизации их последствий в случае их наступления.
- Для того чтобы минимизировать потенциальные риски, порождаемые деятельностью государственных органов, корпорации пользуются различными формами взаимодействия с государством, которые можно разделить на две группы:
- *первая* – взаимодействие на основе консолидации коллективных предпочтений за счет создания союзов, ассоциаций и прочих корпоративных объединений;
 - *вторая* – в форме лоббирования.

Лоббирование, расширительно трактуемое как всякая деятельность, направленная на оказание влияния на принятие государственных решений, является одним из самых эффективных способов достижения корпоративных интересов.

Во многих странах мира он носит формализованный и узаконенный характер и воспринимается как один из видов постоянной занятости, в то время как в других странах он имеет акцентировано негативный оттенок и обычно ассоциируется с подкупом,

оказанием давления и незаконной деятельностью.

Лоббирование в политической сфере ставит своей целью достижение преимущества по сравнению с конкурентами за счет получения политической поддержки проектам, реализуемым в сфере политики, экономики или иных сферах общественной деятельности. Высшей целью такого лоббирования является достижение такой политической поддержки, которая обеспечит реализацию проекта с минимальными экономическими, политическими, имиджевыми и прочими рисками или исключит их полностью.

Преследуя свои интересы, корпорации в основном используют три основных типа лоббирования:

- *Первый тип* – это так называемое “прямое” лоббирование.

В общем понимании это традиционный способ лоббирования интересов, который осуществляется при непосредственном контакте лоббиста с представителем государственной власти, когда ведется целенаправленная работа с представителями институтов власти для того, чтобы добиться принятия нужных лоббирующей стороне решений, причем в основном силами лоббистов-профессионалов, нанимаемых группой.

Таковыми институтами являются исполнительные (правительство, министерства и ведомства) и законодательные (Совет Федерации, Государственная Дума), реже судебные органы власти.

- *Второй тип* – это так называемое “косвенное” лоббирование, когда контакты лоббистов с лицами, принимающими решения (ЛПР) либо отсутствуют, либо контакты имеются, но они не обладают правом вносить законопроекты в парламент. Их важность для лоббиста состоит в том, что они имеют возможность оказывать эффек-

тивное влияние на законодательный процесс.

Для этого организуются разнообразные акции в виде широкомасштабных кампаний в СМИ, сбора подписей, рассылки писем, шумных действий в поддержку или против конкретных решений, зачастую безадресных, направленных на получение поддержки общественного мнения и положительного отношения тех, от кого решение зависит.

– *Третий тип* – это “внутреннее” лоббирование, когда интересы в органах власти отстаивают те, кто работает в них или имеет к ним непосредственный доступ.

Эффективность лоббирования зависит от совокупности факторов и не всегда эквивалентна вложенным ресурсам и использованным методам. Часто она предопределяется выбранной формой лоббирования и ресурсами, которыми обладает заказчик лоббистской деятельности. Чрезвычайно важной представляется и правильность выбора момента для начала лоббистской кампании.

“Сами лоббисты признают, что если начать действовать в несоответствующий момент, достижение нужного результата сопровождается значительным увеличением затрат”¹.

Для того чтобы понять каким именно образом лоббист может оказывать влияние на то или иное решение, важно рассмотреть понятие “точка доступа”.

Н.Г. Зяблюк дает следующее определение этого понятия: “любой элемент политической системы (государственный орган или его подразделение, фракция в парламенте, депутат или другое должностное лицо, партийный механизм, выборы, процедура, юрисдикция, полномочие и т.д.), который обладает качествами, делающими его способным в совокупности с другими элементами или даже самостоятельно сыграть существенную или опреде-

ляющую, а то и решающую роль в судьбе рассматриваемого законопроекта или административного акта”².

Исходя из этой трактовки, условия для лоббистской деятельности во многом зависят от наличия и количества потенциально возможных “точек доступа”. Чем выше их количество, тем больше вероятность того, что лоббистские усилия окажутся результативными. Чем сильнее разветвлена и сложнее структурирована политическая система государства, тем больше в ней не только постоянно существующих, но и потенциально возможных точек доступа. Разнообразие вариантов взаимодействия составляющих ее элементов в этом случае достаточно велико и при определенном стечении обстоятельств тот или иной вариант может дать либо новую и носящую постоянный характер, либо одномоментную точку доступа.

Наиболее эффективные точки доступа для лоббистов сконцентрированы в законодательной и исполнительной ветвях власти.

Законодательная ветвь власти выступает в качестве важнейшего поля деятельности для лоббистов. Объектами лоббистских усилий могут выступать как отдельные депутаты и их помощники, так и фракции, депутатские группы, партии. Огромное значение для лоббистов представляют заседания комитетов и комиссий, на которых рассматриваются в первоначальном виде законопроекты, постановления, резолюции и т.д. Этот низовой уровень наиболее интересен корпоративным лоббистам потому, что на нем соотношение затрат и выгод находится на максимально благоприятном для лоббиста уровне. Предметом наибольших лоббистских усилий в Думе выступают законопроекты, касающиеся вопросов собственности, налогов, лицензий, государственных заказов и т.д.

Исполнительная ветвь власти представляет собой не меньший интерес для корпоративного лоббирования, так как принимаемые на правительственном уровне решения могут иметь серьезные последствия для деятельности корпорации. Однако в отличие от законодательной ветви власти, количество точек доступа в исполнительной ветви власти значительно меньше, и контакт с большинством из них возможен только для очень крупных корпораций, несмотря на то, что сам факт лоббирования интересов заказчика предполагает, что у лobbиста присутствует довольно мощный потенциал для того, чтобы доносить нужную точку зрения до ЛПР.

Серьезную лоббистскую деятельность в федеральных органах государственной власти могут позволить себе только наиболее сильные в политическом и экономическом плане игроки.

Наличие как политических, так и экономических ресурсов обусловлено тем, что сама работа привлеченных лоббистов по продвижению интересов заказчика стоит больших денег, но часто и продвижение интересов невозможно пока не становится ясно, в чьих интересах ведется работа. Принимая за исходные данные то, что две группы интересов лоббируют одно решение, но одна из них имеет определенный политический вес, а другая – только ресурсы, то можно предположить, что чаша весов при выборе, при прочих равных условиях, склонится в пользу группы, обладающей политическим весом.

В рамках взаимодействия корпораций с государством политические риски могут носить как общесистемный уровень (например, политические риски бизнеса или внешних инвесторов, возникающие при действии или

бездействии государственных органов и определяемые существующей политической обстановкой), так и чисто прикладной уровень, относящийся к отдельной корпорации. В последнем случае под прикладным уровнем понимаются частные (субъектные) политические риски, которые могут возникнуть, например, у входящей на внешний рынок корпорации.

На прикладном уровне анализ политических рисков имеет целью прогнозирование, управление и минимизацию отрицательных последствий при их наступлении. В данном случае учитывается множество переменных и факторов, носящих как универсальный (взаимодействие с властными структурами, изменения в законодательстве и т.д.), так и частный (действия оппонентов, персоналии и их влияние в рамках принятия необходимого решения и т.д.) характер.

Лоббизм в данном случае будет выступать в роли одного из ключевых элементов риск-менеджмента, применение которого потребует высокого профессионального уровня подготовки. Можно выделить несколько стратегий лоббирования, применяемых для управления рисками:

– *Стратегия наступательного лоббирования*, – это активная, целеустремленная деятельность крупной компании, направленная на получение доминирующего положения на рынке, либо получение некоторых исключительных прав, обеспечивающих безрисковое ведение бизнеса на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Лоббирование (в зависимости от сегмента рынка) осуществляется на федеральном, региональном или муниципальном уровне в нужных органах государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная) в формах прямого и косвенного лоббирования.

ния. Этот тип лоббирования характеризуется глубоким “проникновением” во властные структуры, что практически минимизирует риски лоббистской деятельности. Случаи подобного лоббирования наблюдаются достаточно редко и присущи только наиболее крупным игрокам соответствующего сегмента рынка.

– *Стратегия риск-приемлемого лоббирования* – наиболее распространенная модель лоббирования на сегодняшний день.

Она предполагает, что компания учитывает возможные риски лоббистской деятельности и возможные контримеры конкурентов, однако считает уровень риска приемлемым. Задачей, решаемой подобного рода лоббированием, является достижение ряда преференций по отношению к другим компаниям на рынке, получение дополнительных ресурсов, обеспечивающих бизнес-преимущества в данном сегменте рынка, по отношению к другим участникам.

– *В стратегии оборонительного лоббирования* компания знает о том, что ее бизнес или некоторая его часть находятся в опасности в зависимости от возможных действий государственных органов или другого актора.

В данном случае природа лоббирования будет несколько отличаться от случаев с наступательным и риск-приемлемым лоббированием: применяя техники прямого и косвенного лоббирования, компания будет стараться найти возможные обоснования того, что отстаиваемые ею позиции максимально близки к задачам, решаемым государством, и отражают его интересы. Следует отметить, что в чистом виде эти три типа лоббирования существуют довольно редко и чаще всего порождают смешанные типы лоббирования, то есть когда лоббистские усилия имеют признаки разных типов.

Говоря о политических рисках, на минимизацию которых нацелены лоббистские усилия корпорации, стоит отметить, что здесь набор факторов, подлежащих учету, более разнообразен и менее изучен. В основном это связано с тем, что риски в сфере политического, по сравнению с другими сферами деятельности, обладают самыми высоким степенями неопределенности.

Так, например, неожиданно обновленная внутренняя инструкция Федеральной таможенной службы, согласно которой тщательной проверке подлежит каждый ввозимый мобильный телефон, фактически полностью застопорила импорт данного вида продукции. В результате чего, на Домодедовской и Шереметьевской таможнях, когда данная инструкция вступила в силу, “зависло” порядка одного миллиона телефонов.

Однако в большинстве случаев существует определенный набор критериев, исходя из которых можно прогнозировать поведение компании, стремящейся минимизировать возможные политические риски.

Так, в условиях активно участвующего в регулировании рыночной деятельности государства, порождающего серьезные политические риски, крупные компании, при наличии у них возможности прогнозировать наступление событий, порождающих риски, и ресурсов по их управлению, будут склонны чаще оценивать как “допустимую” угрозу наступления события риска. Компании, не обладающие возможностями по управлению рисками и не могущие оказать влияние на политико-экономические процессы с ними связанные, скорее будут выбирать рискнейтральную стратегию поведения.

Во многом, выбор корпорацией той или иной стратегии поведения в сфере управления рисками определяется количеством и размерами корпораций, функционирующих в рамках одной и

той же экономической площадки, наличием у них рычагов влияния на политические и экономические процессы и их близостью к политическому истеблишменту. Учет деятельности конкурентов и их возможностей по проецированию своих интересов в политико-экономическую среду также подлежат учету, так как подобного рода деятельность может стать причиной появления дополнительных рисков.

В тех случаях, когда корпорация не имеет возможности взаимодействовать с государством, потенциально она будет значительно больше подвержена риску, чем ее конкуренты, обладающие

Можно утверждать, что лоббирование это двусторонний процесс, когда взаимодействующие стороны (компании и государство) пытаются достичь взаимоприемлемых результатов. С другой стороны, чем большей степенью перераспределения располагает государство, тем большее значение начинают принимать лоббистские формы решения экономических вопросов, и тем более непрозрачными становятся отношения между властью и бизнесом. Создается потенциальная основа для развития коррупции и теневой экономики, формируются угрозы демократическому развитию страны в целом.

собственными GR-подразделениями и тратящие часть своего бюджета на процедуры, направленные на поддержание контактов с государственными структурами.

Влияние государства на деятельность экономических акторов выражается не только в виде правоустанавливающей и контрольной деятельности его законодательных и исполнительных органов, но и прямого перераспределения имущества, находящегося в ведении государства среди компаний, обладающих большими, по мнению государственных органов, возможностями по их эффективному управлению.

Примечания

¹ Milbrath L. W. The Washington Lobbyists. Rand McNally, 1963. P. 335.

² Зяблюк Н.Г. Лоббизм в США как политический институт // США: ИПК. 1995. № 1. С. 54.

Геополитические интересы США в Закавказье

Али Магомедов

Кавказский регион, как и регион Ближнего и Среднего Востока, уже с конца XIX в. интересовал США как в стратегическом, так и экономическом отношении. Первоначально речь шла о соперничестве Северо-Американских Соединенных Штатов с Великобританией и другими капиталистическими империями, имевшими заморские колонии и поделившими мир на сферы влияния. В этот период внешняя политика Вашингтона осуществлялась под "знаменем" доктрины "открытых дверей", то есть свободного доступа на принципах конкуренции на региональные рынки и отрицания договоренностей между собой колониальных империй о сферах влияния. Так, Америка попыталась потеснить Великобританию на Среднем Востоке и планировала получить доступ к начавшимся разработкам нефтяных полей на Севере Ирана.

После распада СССР США прямо обозначили свои военно-политические и экономические интересы в отношении этого региона и стали развивать

отношения с возникшими независимыми закавказскими государствами.

Растущая активность США на кавказском направлении и в бассейне Каспия создает в регионе совершенно новую международную ситуацию, которая затрагивает не только интересы Азербайджана, Армении и Грузии, государств соседних регионов, но и России.

Последствия американского присутствия зависят от целого ряда факторов регионального и глобального порядка, от внутриполитической ситуации в закавказских государствах. В то же время уже на начальном этапе своей кавказской политики США оказывают определенное воздействие на внутриполитическую и международную обстановку в регионе, нарушая сложившийся здесь исторический баланс сил.

США откровенно претендуют на роль гаранта безопасности в системе международных отношений и стремятся проводить соответствующую preventivную внешнюю политику, цель которой – способствовать предотвращению конфликтов и поддержание ста-

МАГОМЕДОВ Али Магомедович – аспирант Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: Кавказ, США, Россия, geopolitika, конфликты.

бильности на региональном и глобальном уровнях. “Американский подход” в разрешении конфликтов и создании систем безопасности далеко не бесспорен, так как в основном делает ставку на НАТО, где существует явный “перекос” – в блоке доминируют интересы все тех же США. Еще более сомнительны попытки однозначно записать ряд стран в разряд “врагов демократии”, ибо возвращает мир опять в состояние новой холодной войны.

Геополитические интересы США в Закавказье следует рассматривать через призму общей стратегии США на постсоветском пространстве.

Институт национальных стратегических исследований Университета национальной обороны США эту стратегию определяет так: “В настоящее время США намерены перенести демократические институты на территорию бывшей Советской империи. Цели – нераспространение вооружений, экономическая стабильность, прекращение этнических конфликтов, которые могут препятствовать быстрому восстановлению демократии в регионе”.

В то же время при оценке ориентиров внешней политики США нельзя не учитывать, что в научных и политических кругах Запада подвергается сомнению государственный суверенитет как самоценность в силу того, что процессы глобализации требуют более высоких уровней управления и организации.

Так, в американской политологии появился термин “неудавшееся государство”, то есть государство, которое не может самостоятельно регулировать жизнь общества, его экономические и политические отношения и, следовательно, отношения с “неудавшимися государствами” не могут строиться на основе общепризнанных норм международного права.

Другой распространенный термин, характеризующий “второсортные” стра-

ны, суверенитет которых может быть ограничен, – “квазигосударство”. Этим термином обозначаются государства, располагающие лишь формальными атрибутами государственности, но не реальными возможностями осуществлять свою государственность. Поскольку квазигосударства существуют в значительной мере искусственно, лишь благодаря благоприятному для них международному климату (гарантии безопасности, экономическая помощь, формальное членство в международных организациях и т.д.), то международное окружение вправе предъявлять к ним особые требования, в том числе и регулировать их внутренние дела. Иными словами, международное сообщество в лице тех или иных многосторонних организаций (ООН, ОАГ, ОАЕ) определяет пределы реального суверенитета квазигосударств.

Потенциально понятия “неудавшиеся государства” и “квазигосударства” могут быть использованы для утверждения в международном праве двух параллельных понятий государственного суверенитета – одного для “полноценных” государств Запада с устойчивыми политическими и экономическими структурами и другого для “неудавшихся государств” и “квазигосударств”. Если в отношении первой группы государств вопрос о вмешательстве извне ставиться не должен, то по отношению к неудавшимся и квазигосударствам такое вмешательство может быть признано законным.

Какие же критерии “законности” такого вмешательства? Обычно выдвигаются следующие условия:

- угроза интернационализации внутреннего конфликта, возможность вовлечения в него соседних государств и ревизии границ;
- массовая гибель гражданского населения, потоки беженцев из зоны конфликта;

- угроза голода, эпидемий, крупномасштабных экологических катастроф;
- угроза демократическим нормам и правам человека на данной территории;
- угроза распространения ядерного оружия или других типов оружия масового уничтожения;
- угроза терроризма, исходящего от данного государства или с его территории;
- необходимость гарантировать права национальных меньшинств;
- необходимость ограничить торговлю оружием

Часто к этому списку добавляют необходимость обеспечить доступ к жизненно важным для мировой (читай американской) экономики источникам сырья и энергии. Не трудно предсказать, что в ряде конфликтных районов на территории бывшего СССР, в том числе и на Кавказе, одно или несколько вышеперечисленных условий будут присутствовать практически постоянно, что означает легитимацию международного вмешательства в любой момент и в любой форме. Это обстоятельство заставляет более реалистично оценить приоритеты внешней политики США на постсоветском пространстве, подчеркнув их ориентированность на реализацию, прежде всего, собственных национальных интересов.

Первоначально по отношению к государствам Закавказья наблюдалось сдержанное внимание Вашингтона.

Концентрация на сравнительно небольшом пространстве двух полномасштабных войн (абхазской и карабахской), тлеющего грузино-южноосетинского, на-пряженных армяно-азербайджанских и лезгино-азербайджанских отношений, а также и близость Чечни делала Закавказье совершенно непривлекательным местом приложения американских капиталов и, напротив, вызывала стремление по возможности

дистанцироваться от происходящих здесь событий с момента провозглашения независимости закавказскими республиками.

Однако через какое-то время США со все большей заинтересованностью стали следить за развитием армяно-азербайджанского конфликта. При всей стратегической важности Закавказья, как такового, позиция Вашингтона складывалась под влиянием ряда факторов, а именно:

- определенных проармянских симпатий со стороны армянского лобби в США;
- обязательств перед Турцией как своим давним и важным союзником США в регионе;
- заинтересованности в нефтяных ресурсах Азербайджана.

Начав в конце 80-х годов с общего выражения поддержки права народов Советского Союза на самоопределение, которое можно было, в частности, интерпретировать и как выражение лояльности к ирредентистским устремлениям карабахских армян, США в последнее время определенно склоняются к пониманию невозможности цивилизованного разрешения конфликта на основе территориальных изменений (план Гобла).

По оценке американских специалистов, свою роль в эволюции американской позиции сыграли полученные через собственные (после открытия американского представительства в Баку) и независимые международные источники сведения, указывающие на наличие непримиримых настроений в Ереване и Степанакерте, а также активные наступательные операции сил Карабаха в зоне Лачинского коридора.

При анализе эволюции позиции США по армяно-азербайджанским от-

ношениям нельзя не учитывать традиционно значимую для американцев роль нефтяного фактора в их политике на Ближнем Востоке, а после распада СССР и на Каспии. В свое время (1994 г.) США подписали с Баку "контракт века", открывший компаниям США доступ к нефтяным запасам Каспийского моря и прилегающих к нему районов.

О значимости для Америки этого шага свидетельствует, например, заявление конгрессмена-республиканца, в свое время бывшего кандидатом в президенты США Р.Доула: "Война в Персидском заливе символизирует заботу американцев об обеспечении доступа к нефтяным и газовым ресурсам. Границы этой заботы простираются дальше на север, охватывая Кавказ, Сибирь и Казахстан".

Еще более откровенно обозначил намерения США ответственный чиновник госдепартамента США Г.Рейз: "Во избежание каких бы то ни было недоразумений заявляю: США будут защищать интересы своих фирм в Каспийском море".

В настоящее время в Вашингтоне новая администрация, но каких-то заметных перемен в стратегии США не заметно.

В качестве члена Минской группы ОБСЕ США были вовлечены в урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе больше, чем в любой конфликт на постсоветском пространстве.

Возникает естественный вопрос, каким миротворческим потенциалом располагают США в карабахском вопросе? Как они мыслят будущее урегулирование?

Как отмечается в публикации Института мира, прямое участие США в поисках решения карабахской проблемы "будет серьезным испытанием намерения и способности Соединенных Штатов внести позитивный вклад в разрешение подобных споров", в решение "ключевых международных вопросов нашего времени, затрагивающих проблемы войны и мира".

В определении миротворческого потенциала США в карабахском конфликте проявляются различные подходы, основанные на придании решающего значения либо геостратегическим началам в их внешней политике, его приверженности приоритету силы, либо экономическим началам в виде заинтересованности нефтяных компаний в азербайджанской и среднеазиатской нефти. В аналогичном ключе выстраивалась и американская оценка конфликтов в Грузии. После свержения радикального националиста Гамсахурдия и прихода к власти изощренного политика Э.Шеварднадзе страна начинает все более разворачиваться на Запад. Престиж Грузии поднялся в американском общественном мнении после прихода к власти в Тбилиси М.Сакашвили.

Aнализировать geopolитические интересы США в регионе Кавказа и Каспия нельзя, как уже отмечалось, без учета давних партнерских отношений США с Турцией и взаимоотношений США с другими сопредельными государствами (Россией, Ираном и т.д.).

Военно-политическое партнерство США с Турцией сформировалось в период холодной войны. В новой геополитической ситуации, сложившейся после раз渲ала Советского Союза, США открыто выступили в роли покровителя продвижения Турции на Кавказ, в том числе в развитии ее отношений с Азербайджаном.

Следует отметить, что Баку изначально сам инициировал свое сближение, как с Турцией, так и США используя их союзнические геостратегические интересы и нефтяной фактор. Президент Азербайджана Г.Алиев придавал своей нефтяной дипломатии решающее значение в получении политической и экономической поддержки со стороны Вашингтона.

Таким образом, интересы США в Закавказском регионе обусловлены:

- геостратегическим фактором, так как Закавказье – связующее звено между Турцией, Ираном и Россией, а Каспий со странами Средней Азии. Кроме того, Закавказье является периферией ближневосточного региона, тесно связанного с последним исторически и этнокультурно (ряд народов проживает в обоих регионах);
- экономическим фактором – нефтяными богатствами Азербайджана. Кроме того, есть альтернативная возможность, минуя Россию, создать дополнительные трансконтинентальные коммуникации восток-запад, юг-север.

Наиболее насущные интересы Вашингтона в Закавказье – укрепление экономического влияния, что, в конечном счете, имеет целью уменьшения политического влияния России в этом регионе и замедление интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Что касается приоритетных сфер двустороннего сотрудничества, то к ним следует отнести экономические контакты и участие Вашингтона в урегулировании региональных конфликтов и стремление навязать свое видение их, а точнее реализовать в этих конфликтах свои геополитические и геоэкономические интересы.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема возможного военного сотрудничества США с республиками Закавказья, учитывая то обстоятельство, что Турция – стратегический партнер США, и американские военные базы расположены на турецкой территории.

Развитие военного и военно-технического сотрудничества с Азербайджаном и Грузией может серьезно поменять geopolитическую ситуацию в регионе и осложнить ее за счет расширения американского военного инфраструктурного пространства на Кавказ.

Один из наиболее распространенных вариантов стратегии США предполагает постепенную интеграцию республик Закавказья в западные структуры безопасности с использованием механизмов НАТО. Первым шагом в этом направлении было бы включение этих республик в Североатлантический совет сотрудничества.

Привлекательность такого варианта интеграции стран Закавказья в западные структуры безопасности видится его закавказским приверженцам еще и в том, что в настоящее время НАТО начинает диверсифицировать свои функции.

Наряду с традиционными военно-политическими задачами органы НАТО пытаются внести вклад в решение проблем безопасности, экологии, координировать научно-промышленную политику стран-членов и т.д. Таким образом, появляется дополнительный стимул привязки к НАТО для постсоветских республик, а альянс же получает еще один важный рычаг воздействия на внешнюю политику и оборонную стратегию новых государств.

Вопрос о возрастающем участии НАТО в политических процессах на территории стран Закавказья имеет особое значение для Вашингтона, ибо он связан еще и с более общим вопросом о будущей роли НАТО и самих США.

Дети – граждане мира

Натиг Агамиров

Человечество совсем недавно перешагнуло через рубеж тысячелетий. И этот факт еще раз выяснил все многочисленные сложности проблемы социального перехода, в том числе перехода возрастного. Нельзя не указать, что для обозначения исторического поколения, как правило, применяется термин “дети”. В российской истории прошлого века последовательно сменяли друг друга “дети войны”, “дети оттепели”, “дети перестройки”.

Перелом западной истории в 60-х годах связан с поколением “детей-цветов”.

Но как назовут то поколение, которое вошло в активную общественную жизнь на рубеже веков?

Какие черты эпохи глобализации, инновационной революции это поколение воспримет как именно ему присущие характеристики?

Или это будет совсем другой опыт – отрицательный, связанный с рисками и вызовами наступившего века?

Тогда нельзя исключать, что появится очередное “потерянное поколение”.

Но, может быть, новое поколение по своим интеллектуальным, психическим и физическим возможностям превзойдет всех своих предшественников и способности “детей Индиго” перестанут нас удивлять?

Все это определяет особую, глобальную, ответственность взрослых за развитие нового поколения, за обеспечение прав детей, как одной из самых уязвимых, незащищенных частей человечества.

О том, что это именно так, говорят многочисленные факты нарушения прав детей в вооруженных конфликтах, сохраняемая дискриминация детей на рынках труда, ограничения к доступу в сфере образования и т.д.

Не менее важные проблемы возникают на стыке международного и семейного права.

Около десяти лет назад, согласно решению суда по детям г. Нантера (Франция), девочка Маша фактически была лишена возможности общаться со своей матерью Н.Захаровой. Девочка была передана в приемную французскую семью.

АГАМИРОВ Натиг Исмаилович – кандидат политических наук, нотариус г. Москвы, председатель Центрального Совета Независимого профессионального союза нотариусов России, советник юстиции I класса Российской Федерации.

Ключевые слова: детство, гражданство, инфатицид, права ребенка, Конвенция о правах ребенка, информационное насилие, детская дипломатия.

Сейчас внимание мировой общественности, прежде всего, граждан России и Франции приковано к делу маленькой Лизы Беленькой-Андре, вопрос о воспитании которой не смогли разрешить ее французский отец и российская мать.

И подобных случаев не так уж мало, но не все они становятся медийным достоянием.

Детство является одним из самых активно трансформирующихся элементов общества, на его изменения влияют множество факторов и условий.

Главными факторами, воздействующими на него в условиях глобализации, выступают развитие и внедрение идеи прав ребенка и изменение информационного пространства, влияющего на все сферы жизнедеятельности, формирующего новые жизненные стандарты и новые реальные и виртуальные сообщества.

Все это определяет важность обращения к проблеме защиты прав детей как одной из глобальных проблем, имеющей значение для решения комплекса политических, социальных и экономических вопросов, без которых невозможно добиться обеспечения устойчивого развития.

На положении детей оказывается и мировой финансово-экономический кризис. Он вынуждает правительства пересматривать бюджеты, сокращать расходы на те социальные и культурные программы, которые касаются детей. В кризис обостряются такие социальные болезни, как преступность. И детская преступность не может быть исключением.

Отвлекаясь от таких важных проблем, как проблема детства, на решение других сложных мировых проблем, международное сообщество невольно закладывает основы многих будущих сложностей.

Несмотря на все другие задачи, важно повысить объемы инвестиций в формирующийся человеческий капитал детей и молодежи, потому что такие инвестиции в прямом смысле являются инвестициями в будущее.

Детство “прошло” в своем развитии долгий путь, оно существенно изменило свой статус в обществе – от инфантицида (детоубийства) до сентиментального детоцентризма.

В традиционных представлениях о детстве формирование отношений между взрослыми и детьми начинается с преодоления детоубийства.

В древнем праве вследствие широкого объема родительской власти убийство родителями детей считалось менее наказуемым, чем простое убийство. До сих пор остается спорным вопрос о том, насколько широко был развит инфантицид в обществе. Также нет достаточных свидетельств, что подвергались ему преимущественно девочки.

Большинство исследователей считают, что мы располагаем лишь незначительной достоверной информацией по этому вопросу.

Греческий антрополог Т.Пициос доказывает, что спартанцы в древности не практиковали убийства новорожденных младенцев с явными пороками развития¹. С его точки зрения, практика инфантицида в Спарте известна нам по “редким, поздним и неточным” источникам.

Демографы, располагающие статистикой по естественной смертности в Средние века, уверены, что никакой необходимости в детоубийстве не было: младенцы и так умирали с пугающей частотой, и нет оснований считать, что в Древней Греции ситуация с охраной здоровья матерей и детей была принципиально лучше, чем, например, в Европе X–XVI вв.

Пока же археологи не имеют единой позиции по проблеме инфантицида, поскольку не располагают сколько-нибудь убедительными доказательства-

ми. Все это можно считать отголосками очень древних традиций, поскольку для эпохи Средневековья инфандриз не был типичным явлением. Но в правовом плане средневековое правосудие отличалось примитивной жестокостью в отношении детей, к которым в случае совершения ими правонарушений применялись пытки, заточение в тюрьму и даже смертная казнь. Такое положение сохранялось и в более позднее время.

После Первой мировой войны права ребенка рассматривались преимущественно через призму проблем эксплуатации детского труда, торговли детьми и детской проституции.

Эти вопросы волновали не только власти, но и мировую общественность. Неслучайно первая декларация о правах ребенка была принята в 1923 г. Советом неправительственной организации "Международный союз спасения детей". В 1924 г., после ее одобрения V Ассамблеей Лиги Наций, в которой функционировал Комитет детского благополучия, декларация получила название Женевской.

Дальнейшее развитие международного законодательства в области прав ребенка началось после Второй мировой войны. В Уставе ООН были сформулированы положения по правам человека.

Ст. 1 Устава утверждает, что уважение к правам человека является основным средством достижения целей Организации, а ст. 55 и 56 обязывают государства-члены ООН содействовать "всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод"².

В 1946 г. был образован *Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ)*.

ЮНИСЕФ помогает детям и женщинам, пострадавшим от войн, гражданских беспорядков и стихийных бедствий, поставляя продовольствие, лекарства и чистую воду в зоны чрезвычайных ситуаций.

Для решения проблем, возникающих в связи с военными действиями, ЮНИСЕФ организует оказание помощи детям по обеим сторонам конфликта.

Фонд выступил инициатором концепции "дети как зона мира" для обеспечения их защиты. ЮНИСЕФ привлекает звезд кино, шоу-бизнеса и спорта к участию в своих проектах. Одним из наиболее известных послов доброй воли ЮНИСЕФ была Одри Хепберн. Среди других выдающихся участников этой деятельности можно назвать Гарри Белафонте, Роджера Мура, Джейн Сеймур, Лив Ульман и Питера Устинова.

Важнейшую роль в утверждении прав ребенка сыграла *Всеобщая декларация прав человека*, принятая в 1948 г. В ней признается, что дети являются объектом особой защиты. Но декларация не была документом, специально относящимся к проблеме прав детей.

На основе понимания необходимости такого документа была разработана и в 1959 г. Генеральной Ассамблеей ООН принятая *Декларация прав ребенка*, ставшая первым нормативным актом по правам ребенка.

В Декларации были провозглашены социальные и правовые принципы, касающиеся защиты и благополучия детей, расширенные принципы, содержащиеся в Женевской декларации.

Были сформулированы десять положений (принципов), которые определили действия тех, кто отвечает за осуществление всей полноты прав детей.

Декларация провозгласила, что "человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет"³. В ней отмечалось, что "ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения"³.

Правда, создавая моральную основу обеспечения прав ребенка, Декларация не обеспечивала их правовых гарантий.

Мировые реалии свидетельствовали о необходимости на основе юридических норм закрепить меры и способы защиты прав детей.

В 1974 г. была принятая *Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов*, в 1986 г. – *Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей*, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном (принимающая семья – соотечественники) и международном (принимающая семья – иностранцы) уровнях.

20 ноября 1989 г. Генассамблея ООН приняла *Конвенцию о правах ребенка*, ставшую основным документом, рассматривающим права ребенка на уровне международного права⁴. Конвенция учитывает все необходимые нормы, касающиеся прав ребенка, дает их толкование. Основным принципом защиты прав детей, согласно Конвенции, выступает признание приоритета интересов детей. В ней содержится требование особой заботы общества о социально уязвимых группах детей: сиротах, инвалидах, беженцах и т.п.

Признавая ребенка самостоятельным субъектом права, Конвенция ставит перед государствами задачу подготовки ребенка к самостоятельной жизни, воспитания его в “духе мира, достоинства, терпимости, свободы равенства и солидарности”⁴.

В отличие от Декларации прав ребенка, Конвенция устанавливала минимальные моральные и правовые нормы, обязательные для соблюдения странами, ее ратифицировавшими.

Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 г. СССР присоединился к Конвенции по правам ребенка в 1990 г., а в 1992 г. Россия как его правопреемница представила доклад о реализации Конвенции, на основе которого Комитет ООН сформулиро-

вал свои замечания и рекомендации. Такое сотрудничество вошло в практику.

Правда, нельзя говорить о том, что в России нет нерешенных вопросов в области защиты прав ребенка. Присоединившиеся к Конвенции о правах ребенка государства берут на себя обязательства пересмотреть национальное законодательство для обеспечения его полного соответствия установлениям Конвенции с тем, чтобы нести ответственность за несоблюдение ее требований перед мировым сообществом. Для этого был сформирован Комитет по правам ребенка, который должен рассматривать доклады государств-участников Конвенции о мерах по выполнению ее установлений.

Каждые 5 лет Комитет на основании изучения таких докладов готовит замечания, предложения и рекомендации, адресованные государствам-участникам Конвенции. Невыполнение ими этих рекомендаций и замечаний может повлечь упоминание государства, которое не выполняет положений Конвенции, в резолюции Генассамблеи ООН.

А каждые два года Комитет представляет доклад о работе Генассамблеи.

В доклад включаются рекомендации, данные государствам после рассмотрения их докладов по выполнению положений Конвенции о правах ребенка. В случае если государство-участник Конвенции не выполнило в должной мере рекомендаций, сформулированных при рассмотрении доклада Комитетом, то Генеральная Ассамблея вправе принять такую резолюцию, согласно которой этому государству сложно будет рассчитывать на материальную и моральную помощь по улучшению положения детей со стороны других стран или международных организаций.

К 2002 г. Конвенцию ратифицировало 191 государство, что позволяет называть ее “Великой хартией вольности” для детей или “мировой конституцией” прав ребенка. Только США и Сомали не присоединились к Конвенции.

Многочисленные вооруженные конфликты затрагивают права детей.

Поэтому Генассамблея ООН 25 мая 2000 г. приняла два факультативных протокола к Конвенции о правах ребенка:

- *первый* – касающийся участия детей в вооруженных конфликтах,
- *второй* – касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии³.

В первом, в частности, отмечается, что государства-участники обеспечивали условия для того, чтобы военнослужащие их вооруженных сил, не достигшие 18-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях.

Одной из глобальных проблем в области защиты прав детей признается проблема жестокого обращения с детьми.

Под жестоким обращением понимаются все формы физического или психического насилия, причинение побоев или нанесение оскорблений, невнимательное, небрежное или жестокое обращение, эксплуатация, включая сексуальные посягательства на ребенка.

Это явление характерно не только для развивающихся стран, где детские проблемы вполне очевидны и лежат на поверхности: голод, войны, отсутствие нормального жилья, здравоохранения и т.п. – все, что несет угрозу жизни и здоровью ребенка. Данная проблема существует и в развитых, вполне благополучных странах.

Понятие "жестокое обращение с детьми" включает в себя любую форму плохого обращения, допускаемого родителями, опекунами, попечителями, педагогами, воспитателями и представителями органов правопорядка по отношению к ребенку.

Жестокое обращение с детьми формирует людей малообразованных, не умеющих трудиться, создавать семью, быть хорошими родителями, гражданами своей страны, ведет к воспроизведству насилия и жестокости в обществе.

Особое значение имеет система защиты прав детей, позволяющая отслеживать и контролировать такие варианты нарушения прав ребенка.

В этом смысле одной из наиболее показательных стран являются США. В США существует огромное количество законов, принятых в интересах детей.

Имеется закон, предусматривающий ответственность за неуплату алиментов, к соблюдению которого относятся очень серьезно.

В некоторых штатах действует закон, в соответствии с которым каждый работодатель обязан проверять соискателей вакансий на наличие родительских долгов.

Подобные системы по защите детей от жестокого обращения существуют и во многих других странах, например, в Германии, Великобритании, Франции, скандинавских странах.

В каждой стране есть свое законодательство и свои методы работы с нарушителями.

Имеются два общих момента, которые позволяют наладить эффективную защиту детей от жестокого обращения:

- *во-первых*, это система законов и положений об ответственности взрослых;
- *во-вторых* – социальные службы, отвечающие за практическую реализацию соответствующего законодательства.

В последнее время обозначился еще один вид насилия – информационное.

Действительно, сила воздействия негативной информации на конкретного ребенка зависит не только от его психофизических особенностей, но и от того, каким именно образом этот негатив представлен в информационном продукте. Введение ограничений на доступ детей к вредной для них информации обосновано или прямо рекомендовано целым рядом международно-правовых актов.

Например, ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка допускает при распространении информации установление законом ограничений, связанных с защитой нравственности.

Ст. 19 международного пакта "О гражданских и политических правах", провозглашая право каждого человека на свободное выражение мнения, тоже допускает необходимые ограничения законом данного права, если это необходимо для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности людей.

Детство как социальное образование является реальностью, локализованной во времени и пространстве, оно обладает специфическими характеристиками.

Мы можем говорить о культурно-историческом типе детства, например, о советском детстве или о детстве конца XX в.

В условиях глобальных трансформаций изменяется и измерение детства, на его оценку все больше влияет фактор вовлечения ребенка в глобальный контекст. Особенно четко это проявляется в период перехода от детства к взрослости. Вообще такой переход выступает в качестве универсального элемента развития любого общества, поэтому такой переход конструируется с помощью специальных ритуальных или биографических событий.

Известны как стандартизованный, так и индивидуализированный переходы от детства к взрослому периоду жизни.

Одной из важнейших характеристик стандартизированного перехода выступает обряд инициации. Но представляется возможным расширить понимание рамок этого обряда и выделить такую его форму, как вовлечение детей в не-детские проблемы. А международные проблемы традиционно принято счи-

тать совсем не относящимися к детским проблемам и заботам.

К самым ранним сведениям о массовом вовлечении детей в международную жизнь можно отнести события, связанные с Детским Крестовым походом в XIII в.

Детский крестовый поход был единственной крупной международной акцией прошлого, в которую оказались вовлечеными дети. В более позднее время в сформировавшейся Вестфальской системе международных отношений и ее преемниц действовали профессиональные дипломаты и политики. Роль детей в решении международных проблем была минимальной, хотя мы можем говорить о том, что они часто не просто были участниками вооруженных конфликтов, но и совершали подвиги на полях сражений. Дети были вовлечены и в революционные события конца XVII и XIX вв.

В XX в. вместе с взрослыми дети поддерживали различные формы антивоенного движения. Вопрос заключался в степени самостоятельности их участия, в возможности проявить какую-либо международную инициативу.

Возможно, именно поэтому столь велик был резонанс инициативы американской школьницы из штата Мэн Саманты Рид Смит. Ее всемирная известность началась с письма председателю Президиума Верховного Совета и генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.В.Андропову. По его приглашению Саманта с родителями приехала в СССР (июль 1983 г.). За две недели, которые семья Смит провела в Советском Союзе, Саманта как посол доброй воли посетила Москву, Ленинград и пионерский лагерь "Артек" в Крыму. СМИ Советского Союза, США, других стран мира следили за ее поездкой. Саманта погибла в авиакатастрофе в августе 1985 г. Гибель девочки многие в США связывали с деятельностью КГБ в СССР – наоборот – с ЦРУ.

После гибели Саманты Смит организация "Дети как миротворцы" предложила

организовать ответный визит в США советской школьницы.

Так, Катя Лычева была отобрана из нескольких тысяч кандидатур. С 21 марта по 4 апреля 1986 г. она вместе с американской школьницей Стар Роу совершила поездку по США с пропагандой мира. Она посетила несколько городов США и встретилась с президентом Р. Рейганом. Поездка широко освещалась советскими средствами массовой информации, и на непродолжительное время Катя стала довольно популярной в Советском Союзе, в особенностях среди школьников.

Естественно, после холодной войны возможности детской дипломатии существенно расширились. И это совпадает с тенденцией увеличения числа участников международных отношений за счет, в первую очередь, негосударственных акторов.

Примеров детской дипломатии достаточно много, поэтому имеет смысл остановиться лишь на некоторых фактах, которые показывают разные формы работы. Например, действуют программа “Академия детской диплома-

тии на пути к культуре мира” и международный образовательный проект “Детская дипломатия”.

Проект был организован для изучения международных отношений, ознакомления учащихся с работой дипломатов, развития навыков по ведению дипломатических переговоров, формирования активной жизненной позиции, воспитание толерантности к культуре, истории, и языку других народов.

К сожалению, пока в России плохо просматривается объединяющая всех участников детской дипломатии идея. Вероятно, это связано с тем, что у различных детских общественных групп имеются разные интересы. Вместе с тем, такое многообразие участников надо рассматривать не как препятствие на пути развития детской дипломатии, а, наоборот, как важное условие такого развития. У детей должны быть разные интересы и увлечения. И чем раньше они смогут найти тех, кто их разделяет в других странах, тем больше шансов передать опыт сотрудничества представителями “взрослого мира”.

Примечания

¹ Антропологи опровергли легенду о спартанских детоубийствах // Lenta.ru. 11.12.2007.

² www.un.org/russian/documen/basicdoc/charer.

³ www.un.org/russian/documen/declarat/childdec.htm.

⁴ www.un.org/russian/documen/convents/childcon.htm.

Роль Финляндии во Второй мировой войне*

Историко-пропагандистский аспект

Елена Сенявская

Любая война сопровождается комплексом пропагандистских акций с обеих сторон, которые не только отражают официальную точку зрения на мотивацию ведения боевых действий, подчеркивают справедливый характер ведения войны своей стороной, но и стараются опираться на психологию общества, на массовые настроения, в значительной мере влияя на них.

Xорошо известно пропагандистское обоснование начала “войны Продолжения”** со стороны Финляндии, отраженное, прежде всего, в приказе Главнокомандующего финской армией К.-Г.Маннергейма от 27 июня 1941 г. о начале военных действий вместе с германской армией против СССР. Главным лейтмотивом этого документа была реваншистская установка, на-

правленная на пересмотр итогов “Зимней” войны 1939–1940 гг.

Маннергейм называет СССР врагом и обвиняет в том, что он “с самого начала не считал мир постоянным”, что Финляндия являлась “объектом беззастенчивых угроз”, а целью СССР было “уничтожение наших жилищ, нашей веры и нашего Отечества, ... порабощение нашего народа”.

СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, Финляндия, пропаганда, взаимовосприятие, историческая память, реваншистские настроения.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

** Так в Финляндии называются боевые действия против СССР в 1941–1944 гг., которые рассматриваются как “продолжение” Зимней войны 1939–1940 гг.

"Заключенный мир, — провозглашает Маннергейм, — был лишь перемирием, которое теперь закончилось. ...Призываю Вас на священную войну с врагом нашей нации. ... Мы вместе с мощными военными силами Германии как братья по оружию с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее"¹.

В том же приказе содержится намек на это будущее — на Великую Финляндию вплоть до Уральских гор, хотя пока как объект притязаний выступает только Карелия.

"Следуйте за мной еще последний раз, — призывает Маннергейм, — теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет"¹.

А в июльском приказе он уже прямо заявляет: "Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий"¹.

Официальные установки финского руководства о справедливости их участия в войне полностью согласовывались с общественной атмосферой.

Вот как вспоминает бывший финский офицер И.Виролайнен о настроениях общественности Финляндии в связи с началом войны против СССР: "Возник некий большой национальный подъем и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость. Все забыли, что получить возмещение (за поражение в "Зимней" войне — Авт.) мы хотели от соседней сверхдержавы ... с помощью другой сверхдержавы. Это, конечно, было большой ошибкой..."

Нас история ничему не научила, если мы надеялись, что сможем изменить геополитическое положение Финляндии... Тогда успехи Германии настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Редко кто хотел даже слушать какие-либо доводы: Гитлер начал войну и уже этим был прав. Теперь сосед почувствует то же самое, что чувствовали мы осенью 1939 г. и зимой 1940 г. ...

В июне 1941 г. настроение в стране было настолько воодушевленным и бур-

ным, что каким бы ни было правительство, ему было бы очень трудно удержать страну от войны"¹.

В целом общественные настроения в Финляндии того времени можно определить как азарт и ослепление.

Естественно, что в советской пропаганде доминировали убедительные доводы справедливой оборонительной войны, так как в 1941 г. Финляндия в союзе с фашистской Германией выступила в роли прямого агрессора, претендующего на продвижение своих границ "на восток до Урала, на всю свою историческую территорию"¹.

Великой и Отечественной война 1941–1945 гг. была для советских солдат независимо от того, на каком фронте и против какого конкретного противника они сражались. Участники боевых действий с советской стороны имели достаточно оснований, чтобы видеть в финнах жестокого, коварного и опасного врага, преследующего агрессивные аннексионистские цели, попирающего нормы международного права и относящегося к "инородцам" как к "недочеловекам", о чем свидетельствовала проводимая им политика геноцида против русского населения в оккупированных областях². Поэтому многие ключевые оценки противника, звучавшие в советской пропаганде, полностью соответствовали настроениям сражающейся с ним армии.

Три года продолжались бои на Севере между советскими и финскими войсками — до сентября 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику — Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне-августе 1944 г., в результате которого они

вышли к государственной границе, а финское правительство обратилось к Советскому Союзу с предложением начать переговоры.

Радикальное изменение хода войны и очевидность ее перспектив к 1944 г. вынудили финнов к поиску такого мира, который бы не закончился для них национальной катастрофой и оккупацией.

Разумеется, выход Финляндии из войны сопровождался определенными пропагандистскими акциями с обеих сторон. Для Финляндии он был вынужденным, осуществленным в результате побед Красной Армии над Германией и ее союзниками, под угрозой бомбардировок финских городов и советского наступления на финскую территорию. Финнам пришлось принять ряд предварительных условий, в том числе о разрыве отношений с Германией, выводе или интернировании немецких войск, отводе финской армии к границам 1940 г. и ряд других.

Показательно, что мотивация вступления в войну и выхода из нее была практически противоположной.

В 1941 г. фельдмаршал Маннергейм вдохновлял финнов планами создания Великой Финляндии и клялся, что не вложит меч в ножны, пока не дойдет до Урала, а в сентябре 1944 г. оправдывался перед своим союзником А.Гитлером за то, что вынужден вывести "маленькую Финляндию" из войны: "...Я пришел к убеждению, что спасение моего народа обязывает меня найти путь быстрого выхода из войны. Общее неблагоприятное развитие военной обстановки все более ограничивает возможности Германии предоставлять нам в нужный момент своевременную и достаточную помощь..."

Мы, финны, уже даже физически неспособны продолжать войну... Предпринятое русскими в июне большое наступление опустошило все наши резервы. Мы не можем больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасно-

сти дальнейшее существование маленькой Финляндии... Если этот четырехмиллионный народ будет сломлен в войне, не вызывает сомнения, он обречен на вымирание. Не могу подвергнуть свой народ такой угрозе"³.

Угроза поражения и ее последствий для Финляндии явились важным мотивом и в официальной мотивации выхода страны из войны, адресованной населению, хотя в пропагандистских акциях акценты были явно переставлены.

Мотивируя выход из войны поражениями, с одной стороны, Германии и ее союзников на всех фронтах, а с другой – июньским прорывом своей обороны на Карельском перешейке, премьер-министр Финляндии Хакцелль в своей речи по радио 3 сентября 1944 г. по вопросу о перемирии между СССР и Финляндией подчеркнул, что "...она осталась одна против во много раз превосходящего в военной мощи врага. В течение трех лет мы честно несли бремя братства по оружию с Германией, поскольку доблестная военная борьба отвешала до определенного момента интересам обороны нашей страны"⁴.

Таким образом, именно изменение международной обстановки и положения на театре военных действий признавалось финским руководством как главная причина выхода из войны.

Вместе с тем, в эту мотивацию для "массового потребления" вносились и определенные корректизы. В частности, провозглашалось "большое стремление нашего народа к миру"⁵.

В своем приказе в связи с прекращением военных действий и готовности Финляндии начать мирные переговоры с СССР от 7 сентября 1944 г., Маннергейм заявляет, что "...народ Финляндии может сохранить свою независимость и обеспечить свое будущее только при том условии, что будет стремиться к искренним и доверительным отношениям с соседними странами"⁶.

В действительности, Финляндия в сентябре 1944 г. фактически приняла

ультиматум – либо согласиться на все советские требования, впрочем, весьма умеренные, хотя и включавшие территориальные уступки, либо столкнуться с неизбежной оккупацией страны.

Как вспоминал премьер-министр Финляндии Э.Линкомиес, "сразу было ясно, что уже нет другой возможности, как только согласиться с условиями, какими бы тяжелыми они не представлялись"¹.

В своей телеграмме от 18 сентября 1944 г. правительству Финляндии о советско-финляндских мирных переговорах в Москве финский министр иностранных дел К.Энкель сообщил позицию Молотова: "...Если мы не подпишем документы, то можем возвращаться. Непосредственным последствием этого будет оккупация всей страны. Возможностей для возражения не было"¹.

Таким образом, отказ Финляндии от неоднократных, начиная с 1942 г., советских предложений о выходе из войны в иной военно-политической ситуации и на самых благоприятных для нее условиях, осенью 1944 г. привел к фактическому принятию ультиматума под давлением военной силы. Попытки финской стороны завуалировать этот вынужденный характер перемирия выглядели весьма неубедительными хотя бы потому, что правительство Финляндии приняло все предварительные условия Советского руководства. Восстанавливалось действие Мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. с изменениями, вытекавшими из Соглашения о перемирии⁴.

Военные поражения Германии и ее сателлитов к лету 1944 г. вызвали "падение морального духа как на фронте, так и в тылу Финляндии"⁵, о чем свидетельствовали захваченные советской военной разведкой письма финских военнослужащих.

Такие выводы содержатся, например, в Информационном докладе начальника шта-

ба УК БТ МВ 32-й Армии Карельского фронта, подполковника Киселева за июль 1944 г., где целый раздел посвящен анализу "политико-морального состояния войск противника".

Вместе с тем, в том же документе отмечалось, что "хотя в финских войсках в последнее время и наблюдается значительное снижение политико-морального состояния, в результате чего увеличилось дезертирство и факты неподчинения приказаниям командиров, часть из солдатских писем, а также ряда показаний военнопленных говорят о том, что моральный дух финских войск еще не сломлен, многие продолжают верить в победу Финляндии. Сохранению боеготовности способствует также боязнь того, что русские, мол, варвары, которые стремятся к физическому уничтожению финского народа и его порабощению"⁵.

Во многом это состояние финских войск являлось результатом длительной и интенсивной антисоветской и антируссской пропаганды, внушения страха перед "варварами", опасения, что "...если Германия и Финляндия проиграют войну, финский народ ожидает физическое истребление".

Не случайно летом 1944 г. аналитические и разведывательные службы Советской Армии на всех уровнях приходили к выводу, что "в результате наступательных действий советских войск политико-моральное состояние финских войск значительно снизилось... Несмотря на это, боевой дух финских частей продолжает оставаться на достаточно высоком уровне, чтобы оказать упорное сопротивление наступлению наших частей"⁵.

Таким образом, принимая решение о перемирии с Финляндией на довольно мягких для нее условиях (как бы ни оценивали их сами финны), советское правительство избежало огромных жертв в случае продолжения войны с нею и необходимости оккупации этой страны.

В то же время проводилась определенная пропагандистская подготовка в связи с возможным вступлением советских войск на финскую территорию. Такое вступление предполагалось в случае необходимости “помочь” Финляндии интернировать находящиеся там немецкие войска.

Главной установкой при этом для советских солдат и офицеров было “...всегда помнить, что это не освобождение Украины и Белоруссии, где наши войска встречал наш освобожденный из-под ига советский народ, а это жители Финляндии, которая ведет против нас не первую войну”, быть бдительными, “держать себя с достоинством и честью, как воины армии-победительницы”, помнить, что “мы не оккупируем Финляндию, а уничтожаем немцев вместе с финской армией. А поскольку бьем немцев вместе – не допускать столкновений с финской армией, держать себя с достоинством, подчеркивать свое превосходство. Не допускать братания, покончить с добродушием”⁶.

Однако данный документ является лишь рукописным проектом директивы, которая официально не была утверждена и применена и отражает возможные, но так и не реализованные планы, которые, вместе с тем, характеризуют позицию армейских партийно-политических органов в контексте конкретной ситуации сентября 1944 г.

В воспоминаниях о Великой Отечественной часто встречаются попытки сравнить поведение финнов в период Зимней войны и в ходе боевых действий на Карельском фронте. Очень показательны в этом плане фронтовые записки Константина Симонова о наступлении советских войск на Карельском перешейке летом 1944 г.

Рассказывая о стремительном взятии Выборга (“В сороковом году, во время финской войны, на все это понадобилось три месяца боев с тяжелейшими жертвами, а теперь всего одиннадцать суток со

сравнительно небольшими потерями с нашей стороны...”), он отмечает: “Надо отдать должное финнам – они не переменились, остались такими же стойкими солдатами, какими были. Просто мы научились воевать”⁷.

И здесь же упоминает свои беседы с фронтовиками: “Один из офицеров говорит, что финны не привыкли воевать летом. Начинается спор про финнов – те они или не те, какие были тогда. Один говорит, что совсем не те, что были, другой – тоже участник финской войны – говорит, что те же самые, ничуть не хуже воюют, все дело не в них, а в нас. Наверное, правильно...”⁷.

Затем К.Симонов приводит мнение генерала Н.Г.Лященко, который “говорит про финнов, что вояки они, как и были, так и есть, храбрые. Но в этих боях выяснилось, что они исключительно чувствительны к обходам. Как проткнул, вышел им в тыл – теряются!”⁷.

Но даже эта, отмеченная многими “растерянность”, “с каждым днем все большая ошеломленность происходящим”⁷, охватившая финскую армию в период успешного советского наступления, не делала финнов менее серьезным противником.

По свидетельству Ю.П.Шарапова, в конце июля 1944 г., когда наши войска вышли к государственной границе и перешли ее, углубившись на финскую территорию до 25 км, они получили шифровку Генерального штаба с приказом немедленно возвращаться, так как уже начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Но пробиваться обратно им пришлось с упорными боями, так как финны не собирались их выпускать.

Сравнивая эту ситуацию с положением на других фронтах, ходом освободительной миссии и последующим насаждением социализма в странах Восточной Европы, Ю.П.Шарапов отмечает: “Мы, те, кто воевал на Севере, относились к этому по-другому. Как только пришла шифровка не

пускать нас в Финляндию, мы сразу поняли, что дело пахнет керосином, что нечего нам там делать, – потому что там была бы война до самого Хельсинки.

Уж если они в лесу воюют, и надо было стрелять в затылок, чтобы финн из-за этого валуна перестал стрелять, то можете представить, что было бы, когда бы мы шли дальше и прошли еще 240 км. Тут и Сталин, и его окружение понимали, что с кем с кем, а с финнами связываться не надо. Это не немцы, не румыны, не болгары и не поляки...”⁸.

О том, как воспринимали соглашение о перемирии с Финляндией советские военнослужащие, свидетельствуют донесения политотдела 19-й армии Карельского фронта от 25 и 28 сентября 1944 г., где приводятся многочисленные высказывания бойцов на эту тему.

Вот наиболее типичные: “Удары Красной Армии заставили финских “завоевателей” сложить оружие”, “Финны мечтали о “Великой Финляндии”, но они просчитались и получили по заслугам”, “Больше не захотят поживиться за счет русской земли”, “Для Финляндии это великодушное соглашение”, “Финны слишком медлят и с разоружением немецких войск провозятся долго”, “В список преступников надо первым внести Маннергейма, который в начале войны говорил, что не вложит мечта в ножны, пока не дойдет до Урала”⁶.

Анализируя их, политотдел сделал вывод, что “соглашение с Финляндией вызвало всеобщее одобрение личного состава и расценивается как еще одна большая победа мудрой Стalinской политики и показатель мощи Красной Армии”, что при проведении бесед и политинформаций, а также в частных беседах между собой советские военнослужащие “выражают правильное понимание текущих событий”⁶.

Противоречивость ситуации выхода Финляндии из войны, когда эта страна из противника превращалась в нейтральное для СССР государство (а в плане интернирования немецких войск – с элементами союзных от-

ношений), отразилась и в пропагандистском ее освещении, и в восприятии массового сознания.

На уровне общественных настроений финны оставались враждебны “Советам”, да и русским вообще, прежде всего вследствие многолетней и интенсивной пропагандистской обработки населения. И факт очередного поражения в войне далеко не сразу привел финское массовое сознание к пересмотру оценок в отношениях с восточным соседом если не в сторону дружелюбия, то хотя бы в сторону реалистичности. Тем более этого невозможно было достичь в период непосредственных боевых действий, даже под влиянием очевидного поражения. Такой “трезвый” и вынужденный поворот смогла сделать лишь финская элита.

Хотя, как впоследствии признавал в своих мемуарах К.Г.Маннергейм, к 1944 г. “народ Финляндии ... научился думать реалистически. На своем опыте он смог убедиться, что и наша страна была пешкой в политической игре великих государств и что ни одно великое государство не побрезгало использовать малую страну в своих интересах”³.

Ход и исход войны заставили финнов умерить амбиции и по иному взглянуть на свое место и роль в мировой geopolитике. Однако реваншистские настроения, в 1941 г. приведшие Финляндию к союзу с Гитлером, а позднее к вынужденному выходу из Второй мировой войны, сохранились в финском обществе в течение всех послевоенных десятилетий, несмотря на дружественные отношения с СССР на государственном уровне. Явно или косвенно этому явлению способствовала и пропаганда, в том числе в контексте литературы, искусства и кинематографа.

Драматический опыт военного противостояния СССР и Финляндии во Второй мировой войне весьма суще-

ственno повлиял на массовое сознание народов двух стран в контексте их взаимовосприятия. Однако в отношениях русских к финнам, – и это весьма интересный социально-психологический феномен, – никогда не было той массовой ненависти, которая характерна для отношения к немцам в период Второй мировой войны и еще многие годы после ее окончания.

Показательно, что из всех союзников Германии, граничивших с СССР, лишь Финляндия не подверглась советской оккупации и “советизации”, приобретя уникальный статус “нейтрально-дружественного” государства (в сфере советского влияния) на многие десятилетия холодной войны. И данный статус послевоенной Финляндии, который поддерживался советской пропагандой, оказал сильное воздействие на восприятие в СССР этой страны и ее народа в последующие годы.

Известно, что образ восприятия другой страны существует на нескольких уровнях: официально-пропагандистском, служебно-аналитическом, художественно-обобщенном, личностно-бытовом и др.

Пропаганда и средства массовой информации играют весьма существенную роль в формировании этого образа в исторической памяти. Основную информацию о Финляндии советский (а позднее российский) человек получал, главным образом, из учебников, прессы, телевидения, произведений искусства. При этом в послевоенном СССР в учебной литературе и в СМИ эпизоды военного противостояния с Финляндией занимали крайне незначительное место, а то и вовсе замалчивались в угоду политической конъюнктуре, а именно – официально дружественному отношению двух стран.

Для обыденного сознания людей основным источником более адекватной информации по этому вопросу остава-

лись воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий – субъектов индивидуальной и коллективной исторической памяти. К ним относились ветераны боевых действий в период Зимней войны и на Карельском фронте, а также жители приграничных территорий, подвергшихся финской оккупации. Именно от них до массового сознания доходили сведения об особой жестокости финнов по отношению к пленным и к гражданскому русскому населению оккупированных областей, об их оккупационной политике, носившей характер геноцида. То есть личностно-бытовой образ оказывался куда более адекватным для формирования исторической памяти о противнике из соседней страны, нежели официально-пропагандистский. Однако доступен он был весьма немногим: лишь незначительная часть людей, преимущественно живших в приграничных районах, была причастна к источникам непосредственной исторической памяти (современники и участники событий и общавшиеся с ними люди). Что касается художественно-обобщенного образа войн с Финляндией, то его в нашей стране фактически так и не было сформировано. Поэтому в советском массовом сознании на протяжении четырех послевоенных десятилетий доминировал официально-пропагандистский образ.

В период “перестройки” в контексте разоблачения “преступлений сталинского режима”, впервые в фокусе внимания историков и публицистов оказалась и “незнаменитая” советско-финляндская война 1939–1940 гг., при этом основной акцент в ее освещении был сделан на негативных для советской стороны аспектах этого события (якобы немотивированная агрессия великой державы против маленького соседа; неудачное ведение боевых дей-

ствий и неоправданно высокие потери советской стороны; репрессии против вернувшихся из финского плена красноармейцев; и т.д.).

Лишь в последние годы акценты в изучении и освещении этого события постепенно смещаются в сторону более объективных оценок, проникновения в сущность явления, а не сосредоточения на внешних его сторонах. Более полно и разносторонне освещается ход войны на Карельском фронте в 1941–1944 гг., роль Финляндии в блокаде Ленинграда и военные преступления финских оккупантов на территории Карелии. Однако и это раскрытие исторической правды не ведет к разжиганию антифинских настроений в российском обществе.

Иначе формировался образ России в послевоенном финском обществе. Об этом свидетельствует и сравнительный анализ “образа врага”, отраженного в финском и российском кинематографе о Второй мировой войне⁹. В Финляндии, несмотря на все договоры о дружбе и сотрудничестве, весьма сильны антирусские и реваншистские настроения, которые на протяжении многих десятилетий активно подогревались пропагандистскими средствами, в том числе и кинематографом.

Если в СССР образ Финляндии как противника изображался средствами киноискусства лишь в контексте военного противостояния (непосредственно в годы войны), причем это отношение не распространялось на финскую нацию, то в Финляндии образ России-врага культивировался все послевоенные десятилетия, при этом в качестве врага воспринималось не только соседнее государство (“исконный враг!”), но и весь русский народ – по своей “низкой природе”.

В сознании финнов средствами киноискусства закладывалась мысль о “естественных правах” на соседние

территории не только потому, что на некоторых из них проживают “родственные” угрофинские народы, прежде всего карелы, но и по причине “природного превосходства” цивилизованных, высокоразвитых финнов над “этими отсталыми, жалкими и презренными рюсси”. Даже в период официальной “крепкой советско-финляндской дружбы” в финской литературе и искусстве проскальзывали откровенные антируssкие настроения, а также сожаления о том, что экспансионистские планы по созданию Великой Финляндии провалились.

Финский социолог Йохан Бэкман, исследовавший общественные настроения в Финляндии, утверждает, что “у русских сформировался слишком положительный образ финнов и политики Финляндии. Во времена советской пропаганды Финляндия представлялась как доброжелательная страна. Но каждый, кто жил в Финляндии в 90-х годах, знает, что атмосфера в Финляндии антироссийская. Финские реваншистские настроения имеют скрытый характер, финны знают, что русским не стоит открыто угрожать”.

Однако “многие представители финской элиты ждут раз渲ала России и возвращения Финляндии Карельских территорий”, на которых планируется провести этнические чистки¹⁰.

В своем выступлении весной 2002 г. на военно-историческом собрании в Суоярви, посвященном годовщине окончания советско-финляндской войны 1939–1940 гг., Й.Бэкман заявил, что “МИД Финляндии начал огромную пропагандистскую кампанию по ускорению возвращения Карелии Финляндии”, а сотрудники его российского отдела пишут в своих отчетах о генетической неполноты русских¹¹.

Можно считать, что финский кинематограф внес весомый вклад в формирование финского этнического самосознания, в том числе в воспитание ненависти к русским и России, в насаждение реваншистских настроений и ан-

нексионистских установок. А кинематограф – лишь один из каналов подобной пропагандистской “работы” в Финляндии.

Историческая память о Второй мировой войне и участии в ней Финляндии на протяжении ряда десятилетий подвергается вполне сознательному искажению как в публичных оценках правящих кругов этой страны, так и в высказываниях многих представителей ее интеллектуальной элиты, что, безусловно, влияет на массовое сознание финского народа в целом. При этом характерно, что событиям 1939–1940 и 1941–1944 гг., в масштабах мировой войны игравшим малозначимую роль на второстепенном театре боевых действий, в Финляндии придается судьбоносное значение не только для национальной истории этой маленькой северной страны, но и для всей “западной цивилизации и демократии”, причем государство, воевавшее на стороне гитлеровской Германии и проигравшее войну, предстает едва ли не как победитель и “спаситель Европы от большевизма”.

Более того, неуклюже отрицается сам факт, что Финляндия во Второй мировой войне являлась союзницей фашистской Германии: она якобы была всего лишь “военной соратницей”. Однако подобная словесная эквилибристика может обмануть лишь тех, кто сам желает обмануться: совместный характер целей и действий, согласованность планов двух “соратников”, в том числе по послевоенному разделу СССР, широко известны.

Тем не менее, попытки “переписать историю”, вопреки очевидным фактам, продолжаются.

Так, 1 марта 2005 г. во время официального визита во Францию президент Финляндии Тарья Халонен выступила во Французском институте международных

отношений, где “познакомила слушателей с финским взглядом на Вторую мировую войну, в основе которого тезис о том, что для Финляндии мировая война означала отдельную войну против Советского Союза, в ходе которой финны сумели сохранить свою независимость и отстоять демократический политический строй”.

МИД России вынужден был прокомментировать это выступление руководителя соседней страны, отметив, что “эта трактовка истории получила распространение в Финляндии, особенно в последнее десятилетие”, но что “вряд ли есть основания вносить по всему миру коррективы в учебники истории, стирая упоминания о том, что в годы Второй мировой войны Финляндия была в числе союзников гитлеровской Германии, воевала на ее стороне и, соответственно, несет свою долю ответственности за эту войну”.

Для напоминания Президенту Финляндии об исторической правде МИД России предложил ей “открыть преамбулу Парижского мирного договора 1947 г., заключенного с Финляндией “Союзными и Содружественными Державами”¹². Вместе с тем, не только финские политики, но и ряд историков придерживаются этой скользкой позиции.

Однако в последние годы “неудобные” для финской стороны темы преступлений гитлеровского союзника все больше становятся достоянием как научного сообщества, так и общественности.

Среди них – не только крайняя жестокость и бесчеловечность обращения с советскими военнопленными, но и общая политика финского оккупационного режима на занятых советских территориях с откровенно расистскими установками в отношении русского населения и ориентация на его истребление. Сегодня опубликовано немало материалов с документальными свидетельствами жертв финских оккупантов, в том числе малолетних узников концентрационных лагерей¹³. Однако – в

отличие от правительства современной Германии – официальная позиция финской стороны состоит в том, чтобы не признавать эти действия своей армии и оккупационной администрации в качестве преступлений против человечности, а концлагеря в оценках финской историографии предстают едва ли не санаториями.

И вот, наконец, последние новости с “поля битвы” за историческую память.

“Граждане Финляндии – особенно старшего поколения – испытывают сейчас настоящий шок, – отмечает в “Независимом военном обозрении” Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН Ю.С.Дерябин – 28 из 37 финских профессоров-историков, опрошенных недавно крупнейшей газетой страны

“Хельсингин Саномат”, пришли к выводу, что война 1941–1944 гг. против Советского Союза, развязанная тогдашними правителями Суоми, отнюдь не была “войной – продолжением” (Зимней войны 1939–1940 годов) или “отдельной” (от Гитлера) войной, как до сих пор утверждало большинство финских историографов и политиков, в том числе нынешний президент республики Тарья Халонен¹⁴. И приводят прозвучавшие при опросе мнения: “На практике Финляндия была союзницей Германии” (профессор Туомас Хейккиля); “Общественность и политики не готовы рассматривать Вторую мировую войну такой, какой она была на самом деле” (профессор Перти Хаапала); “Общепринятая версия политической, бюрократической и деловой элиты поставлена под вопрос” (профессор Юха Силтала); “Говорить о войне продолжения – напрасное дело” (депутат парламента, бывший министр иностранных дел Эркки Туомиоия, социал-демократ)¹⁴.

И хотя позиции сторонников официальной версии о роли Финляндии во Второй мировой войне продолжают оставаться достаточно сильными, голоса тех, кто не боится исторической правды, звучат все более смело. В какой мере выводы специалистов смогут повлиять на историческую память граждан Финляндии о Второй мировой войне, формировавшуюся на протяжении многих десятилетий под мощным воздействием пропаганды, начиная со школьных учебников истории, станет известно позднее: процесс переосмысления прошлого в массовом общественном сознании требует значительного времени.

Примечания

¹ По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. С. 60, 70, 67–68, 261, 526–527, 532, 557.

² Документы об оккупационной политике финнов на захваченной ими советской территории и условиях содержания в концлагерях гражданского населения Карелии // По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Петрозаводск, 1995. С. 156–169, 184–186, 191–193, 198–199, 206–208, 242, 248, 250–251, 259, 264–266.

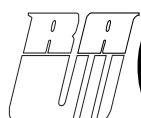
³ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 2000. С. 480–481, 482.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 215–220.

⁵ Информационный доклад о боевом использовании противником мотомехвойск и организаций противотанковой обороны перед фронтом 32-й армии за июль месяц 1944 г. // ЦАМО РФ. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 85–86.

⁶ Выводы Политотдела 19-й армии о партийно-политической работе в войсках в связи с предстоящим вступлением на вражескую территорию. Сентябрь 1944 г. // ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 58. Л. 306–307; Д51. Л. 174, 176, 174.

- ⁷ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 385, 389, 390.
- ⁸ Из интервью с Ю.П.Шараповым от 17 мая 1995 г. // Личный архив.
- ⁹ Сенявская Е.С. Русские и финны глазами друг друга: “образ врага” в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник РУДН. Серия “История России”. 2005. № 4. С. 13–19.
- ¹⁰ Бэкман Й. Финляндия без маски // <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000108/006/> 02051703.htm.
- ¹¹ Фарутин А. “Карельский вопрос” под прицелом новых “кукушек” // Независимая газета. 2003. 28 января.
- ¹² Заявление МИД РФ от 3 марта 2005 г. http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/EC2527949C2E95BDC3256FB9005F21FD.
- ¹³ Сулимин С. и др. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Л., 1945; По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Ин-т языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Научн. ред. В.Г.Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995.
- ¹⁴ Дерябин Ю.С. Давний миф наконец-то лопнул (Финские историки признали соучастие Хельсинки в гитлеровской агрессии против СССР) // Независимое военное обозрение. 2008. 21 ноября.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Кластеры в экономике*

Основы кластерной политики государства

Евгений Куценко

Развития кластеров является новым подходом к формированию инновационной экономики. Кластерная политика набирает популярность как за рубежом, так и в российских регионах.

Вместе с тем, среди значительной части экспертного сообщества распространено мнение о невозможности искусственного создания кластеров. До сих пор существует неразбериха по поводу специфики кластерной политики, ее места в ряду уже существующих инструментов экономической политики государства. В России пока что слабо известны и вследствие этого не находят применения наиболее действенные инструменты активации и развития кластеров. В статье с опорой на зарубежный опыт анализируются эти и другие проблемы теории и практики кластерной политики государства.

Можно ли создавать кластеры?

Практически сразу же после своего возникновения теория кластеров стала широко востребована в государственной политике. Постепенно вошел в оборот термин “кластерная политика”.

Под кластерной политикой государства в широком смысле понимается политика, направленная на развитие кластеров.

Наиболее полемичным вопросом в отношении формирования кластеров

КУЦЕНКО Евгений Сергеевич – аспирант кафедры Национальной и региональной экономики РЭА им. Г.В.Плеханова.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, инновационная политика, промышленная политика.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 10.

является вопрос о возможности искусственного их создания. Речь идет, в первую очередь, о государственном вмешательстве, корректирующем естественное течение процесса.

В экспертном сообществе распространена точка зрения, согласно которой образование кластеров является естественным процессом, и вмешательство государства бесполезно и даже вредно.

Единственное, что может и должно делать государство – это формировать благоприятные условия для самостоятельного возникновения кластеров.

С одной стороны примеров успешного создания кластера “с нуля”, действительно, крайне мало. Те же примеры, которые обычно приводят (например, *Research Triangle* в Северной Каролине) скорее доказывают неоднозначность государственного вмешательства, так как эти кластеры вызревали десятилетиями и поглотили беспрецедентное количество государственных средств.

С другой стороны, практика показывает, что государство вполне может быть конструктивным в сфере создания новых отраслей. Такие отрасли не столько появляются сами по себе, сколько являются плодом реализации масштабных инвестиционных проектов.

Говоря о насаждении можно вспомнить историю появления текстильной промышленности в Англии, изготовление зеркал во Франции и т.д.

Таких примеров огромное количество: начиная с позднего Средневековья шла активная борьба за специалистов в новых отраслях и за строго охраняемые промышленные секреты. Что касается воспитания, то хорошим примером является опыт Пруссии и позже Германии. Промышленное воспитание нации стало краеугольным камнем в немецкой экономической теории и практике, благодаря которой к началу ХХ в. Германия стала “индустриальным чемпионом” Европы, тесня по многим направлениям Англию.

Если же рассматривать так называемые творческие отрасли экономики*, то их существование и развитие требует нового уровня интеграции бизнеса, власти и науки и значительного (как по размерам, так и по срокам) государственного финансирования.

Опыт развития творческих отраслей в Англии позволяет прийти к заключению, что, во-первых, “это возможно только при условии, что развитие творческих индустрий является осознанным приоритетом политики городских властей. Во-вторых, для успешной реализации такого рода городских проектов требуется продуманная система поддержки, включающая льготную аренду, систему малых кредитов, венчурные инвестиционные фонды и т.д., а также постоянное консультирование небольших компаний по вопросам ведения бизнеса. И в третьих, важным элементом поддержки являются специальные агентства, которые служат посредниками между сообществом творческих предпринимателей и го-

* Данное понятие введено в законодательстве Великобритании. “Официальное определение творческих индустрий, принятное департаментом культуры, СМИ и спорта правительства Великобритании, звучит так: это “...деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которая может создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности”.

Департамент предлагает перечень конкретных видов деятельности, из которых складывается творческий сектор экономики: реклама, архитектура, художественный и антикварный рынок, ремесла, дизайн, мода, производство кино- и видеопродукции, программирование, в том числе создание развлекательных интерактивных программ и компьютерных игр, музыка, исполнительские искусства, издательское дело, теле-, радио- и интернет-вещание”¹.

родскими властями, поддерживая баланс в этой сложной и динамичной, но, в то же время, хрупкой системе”¹.

Вместе с тем, формирование отраслей, которые потенциально могут образовывать кластер, вовсе не означает фактическое его наличие. Помимо отраслевой составляющей (в которую включается в данном случае инфраструктура, ресурсы, рабочая сила и пр., все то, что обеспечивает функционирование отрасли) для формирования кластера необходимо наличие тесных инновационно ориентированных взаимодействий между его участниками.

Таким образом, создание кластера подразумевает формирование отраслей и развитие инновационно ориентированных взаимодействий между его участниками. В случае, когда отрасли уже присутствуют, целесообразно говорить об активации кластера, под которым понимается процесс устранения барьеров, затрудняющих использование существующего потенциала взаимосвязанного развития организаций. Для того, чтобы специфика кластерной политики стала более ясной, ее полезно сравнить с более традиционной промышленной политикой.

Промышленная и кластерная политика

Промышленная политика – это политика, ориентированная на развитие экономики через организацию ее структуры. Как правило, речь идет о создании новых отраслей и увеличении их доли в экономике. Другими словами, промышленная политика направлена на создание и развитие приоритетных хозяйственных агломераций. Тогда как кластерная политика ставит своей задачей развитие всех существующих хозяйственных агломераций до уровня кластеров.

Хозяйственные агломерации (или протокластеры) представляют собой совокупность физических лиц, связанных посредством одной или нескольких организаций, географически сконцентрированные и объединенные общей сферой деятельности. Доиндустриальными видами хозяйственной агломерации являются цех и концентрации кустарной промышленности. Индустриальными или промышленными хозяйственными агломерациями являются

ся, например, территориально-производственный комплекс, производственные или сборочные площадки транснациональных корпораций и пр. Кластер является постиндустриальной хозяйственной агломерацией, главной отличительной чертой которой является высокая инновационная активность составляющих его субъектов.

Хозяйственная агломерация может быть представлена как совокупность взаимосвязанных отраслей. Формирование кластера подразумевает, что такие связи станут более инновационными (то есть повыситься научоемкость промежуточного и конечного продукта, а также используемых основных средств), а число его субъектов расширится за счет научных и образовательных учреждений, организаций инновационной инфраструктуры, организаций по сотрудничеству и пр. Становление кластера характеризуется также возрастанием доли научоемких услуг в структуре общего выпуска хозяйственной агломерации.

Промышленная и кластерная политики как политики-субSTITUTы

Промышленная политика подразумевает выбор приоритетных отраслей для государственной поддержки. Клас-

терная политика, напротив, констатирует, что все существующие хозяйственные агломерации приоритетны².

Реальность состоит в том, что в любом регионе существует пространство для множества различных успешных кластеров, где каждый из них может играть свою уникальную роль³. Тем самым кластерная политика, апеллируя к сложившейся структуре экономики, способствует более полному раскрытию потенциала региона.

Узкоотраслевой подход промышленной политики несет в себе ряд существенных недостатков, прежде всего:

- лоббирование интересов отдельной отрасли или конкретной компании;
- “перетекание” выгод в одну из отраслей;
- деформация конкуренции.

В рамках промышленной политики, в первую очередь, используется такой инструментарий, как субсидии, налоговые льготы и прочие протекционистские меры для избирательной защиты от импорта с целью поддержания выбранных отраслей.

Традиционное отраслевое мышление либо затрудняет сотрудничество, противопоставляя фирмы друг другу, либо стимулирует их взаимодействие по линии отраслевого лоббирования. Кластерная политика смешает акцент с отдельных отраслей на группы взаимосвязанных отраслей, на широкое взаимодействие бизнеса, государства и науки. Расширение пространства взаимодействия позволяет акцентировать вни-

мание участников на новых возможностях, а не на прямой конкуренции. Вместе с тем, отраслевое лоббирование пресекается самими участниками кластера (со стороны поддерживающих и родственных отраслей).

Можно выделить следующие признаки кластерной политики, на практике отличающие ее от промышленной политики:

- наличие местных компаний (не просто планирование инвестиций, а состыковка планов фирм и власти). Должна быть предложена хотя бы приблизительная схема взаимодействия ключевых субъектов.
- существование направлений подключения к кластеру новых участников, прежде всего малого и среднего бизнеса, научных и образовательных учреждений.
- помимо власти и бизнеса обязательно должен быть сделан акцент на создание инновационной инфраструктуры: центров коллективного пользования оборудования, центров технологического трансфера, технопарков, бизнес-инкубаторов и пр.
- характерной чертой кластерных инициатив является акцент на развитие “мягкой” инфраструктуры, прежде всего, совместных научных и маркетинговых проектов. Промышленная политика, как правило, ориентируется на развитие физической инфраструктуры.

Промышленная и кластерная политики как политики-комплémentы

Промышленная политика может быть вполне современна и уместна, если используется на своем уровне (создание хозяйственных агломераций).

Грамотная промышленная политика создает предпосылки для формирования кластера. Понимание промышленной и кластерной политик как дополняющих друг друга особенно характерно в ситуации, когда хозяйствен-

ные агломерации (и, затем, кластеры) создаются целенаправленно за относительно короткий период.

Подобным образом была создана автомобильная промышленная агломерация в г. Гуанчжоу (провинция Гуандун, Китай).

Первоначально были основаны промышленные зоны, под которые формировались условия, необходимые для промыш-

ленного производства, прежде всего, инженерная инфраструктура, институты, человеческие ресурсы и качество жизни*.

В Гуанчжоу были решены проблемы, связанные с бесперебойным снабжением электротехникой и водой. Также к промышленным зонам были подведены автострады и построена ветка метро.

Благоприятные условия в промышленных зонах привлекают ключевые компании**. В г. Гуанчжоу такими фирмами стали компании *Toyota*, *Honda* и *Nissan*. Появление ключевых компаний привело к тому, что через несколько лет в провинции Гуандун разместились их японские поставщики.

Формирующиеся хозяйствственные агломерации привлекают банки, логистические компании, отечественных поставщиков оборудования и деталей.

После формирования хозяйственной агломерации наступает очередь кластерной политики, задача которой сделать локализованные организации инновационно активными.

В случае с автомобильной промышленностью провинции Гуандун, формирование кластера требует создания профильных вузов и НИИ, формирования инновационной инфраструктуры, увеличения количества местных фирм, предоставляющих научно-исследовательские услуги.

Если одной из важных задач промышленной политики является привлечение передового производства, то

кластерная политика направлена на привлечение высококвалифицированных кадров, которые могут наладить полный цикл создания продукта: от его разработки до производства. В конечном счете, желательным является формирование собственной научной и образовательной базы и появление сильных национальных компаний в данной отрасли (или в связанных отраслях).

Для этого муниципалитет Гуанджоу предпринимает следующее:

- увеличивает численность переводчиков с японского языка на китайский. Доступность переводчиков является важным фактором привлечения в Китай японских фирм, связанных с автомобильным бизнесом;
- китайские инженеры проходят стажировки в Японии, изучая схожие производственные процессы;
- китайские фирмы нанимают квалифицированных японских инженеров, работающих в японских фирмах в провинции Гуандун после того, как они достигают пенсионного возраста (60 лет);
- муниципалитет создал Промышленную Группу автомобилестроения Гуанчжоу (*Guanzhou Automobile Industry Group*), которая является одной из сторон в совместных предприятиях с японскими фирмами***.

Показательно, что задача повышения инновационной активности в указанном случае становилась все более актуальной пропорционально развитию хозяйственных агломераций. Дей-

* Под инженерной инфраструктурой понимают, прежде всего, водоснабжение и канализацию, электрификацию, коммуникации и транспорт. Развитие институциональных условий подразумевает deregulирование, введение службы одного окна, налоговые преференции, наличие и применение законодательства о банкротстве и защиты интеллектуальной собственности. Человеческие ресурсы составляет как неквалифицированная (и дешевая), так и квалифицированная рабочая сила. Качество жизни определяется жилищными условиями, образовательными условиями, обеспеченностью медицинскими услугами и развитием сферы развлечений.

** Ключевые фирмы (*anchor firms*) – это фирмы, стимулирующие появление других фирм и цепь отраслей.

*** Так, одно из совместных предприятий *Dongfeng Automobile* и *Honda* производит двигатели, другое такие модели, как *Accord*, *Odyssey* and *Fit*. Совместное предприятие *Dongfeng Automobile* и *Nissan* производит модель *Tiida*. Совместное предприятие *Dongfeng Automobile* и *Toyota* производит модель *Camry*.

ствительно, сложно говорить о инновационно ориентированных взаимодействиях, если каких-либо важных отраслей в регионе просто не существует. Также затрудняет формирование кластеров отсутствие базовых объектов инженерной инфраструктуры (дороги, дома, коммуникации). Эта проблема особенно характерна для России. Так, в некоторых случаях говорить о кластерной политике просто невозможно¹².

Например, в Калининградской области речь идет о создании практически с нуля многих отраслей (связанных с туризмом и с игровой зоной), поэтому главный акцент сделан на масштабных инфраструктурных проектах (как правило, с участием государства). Далее, предполагается, что наличие развитой инфраструктуры привлечет частные инвестиции. Видимо, именно на этапе возникновения частной инициативы актуальным станет вопрос формирования кластера (сопряжения бизнеса, науки и региональных властей).

Такие субъекты федерации, как Магаданская и Оренбургская области под кластерами понимают развитие добывающих отраслей (и отчасти развитие обрабатывающих отраслей). Строго говоря, добывающие сырьевые отрасли не составляют кластера. Однако специфика экономики данных регионов оправдывает рациональность указанной стратегии.

В Ненецком автономном округе вообще не приходится говорить о кла-

стерах (даже на базе добывающих отраслей), так как отсутствует транспортная инфраструктура. В настоящее время по уровню транспортной освоенности округ занимает одно из последних мест среди субъектов Российской Федерации. Похожие инфраструктурные проблемы наблюдаются и в республике Саха и Чукотском автономном округе.

По отношению к неразвитым регионам со слабыми хозяйственными агломерациями разумная промышленная политика может быть гораздо практичеснее, чем попытки воплотить несбыточные мечтания об инновационной экономике.

Как показывают проведенные исследования кластерных проектов по всему миру, успешными становятся кластерные проекты, которые опираются на сильные хозяйствственные агломерации⁴. Первым шагом в реализации кластерной политика должно стать выявление существующих хозяйственных агломераций и анализ потенциала их кластеризации⁵.

Подводя итоги, следует заметить, что общей целью как промышленной, так и кластерной политики является формирование и развитие кластеров. Но при возникновении противоречивых моментов именно кластерная политика должна быть приоритетной. В противном случае, сформированные хозяйствственные агломерации рискуют никогда не стать полноценными кластерами (например, АвтоВАЗ).

Место и роль государства в процессе активации и развития кластеров

Политизирование темы государственного участия в активации и развитии кластера неуместно.

Государство в принципе может быть эффективным (пример послевоенной Японии или Германии, пример участия США в сознательном констру-

ировании анклавов постиндустриального общества, китайский опыт формирования рыночной экономики).

Вместе с тем, свободные фирмы вовсе необязательно вступят в инновационно ориентированную конкурентную борьбу. Вполне вероятно образо-

вание трестов, синдикатов, картелей или закрытых сетей (блат, клан, клиента), которые будут ограничивать конкуренцию и извлекать монопольную ренту из существующего статус-кво.

Однако сам принцип естественности в отношении процесса развития кластеров представляется сомнительным.

Анализ истории формирования любого кластера (как и хозяйственной агломерации) не позволяет говорить о чисто естественном или искусственном процессе.

Формирование кластера – это сочетание эволюционного (инерции) и целенаправленного преобразующего действия⁶.

Если говорить о целенаправленном действии, заметим, что под ним редко когда подразумевается реализация одного плана. Формирование кластера – это достаточно длительный процесс*, предполагающий значительные усилия со стороны многих субъектов.

В этой связи, важным представляется не вопрос принципиального участия или не участия государства (и даже не масштаб такого участия), а те сферы, в которых государству целесообразно проявлять свою активность, и используемые инструменты управления.

Место государства в процессе активизации и развития кластеров заключается в том, что государство выступает как одна из трех равноправных сторон, каждая из которых осуществляет свои специфические функции.

Такой подход в зарубежной литературе называют концепцией “тройной спирали” (*Triple Helix*).

Смысль данного подхода в том, что инновационное развитие наиболее эффективно может быть обеспечено за счет совместной деятельности государства, бизнеса и научного сообщества.

На практике отношения при создании или использовании инноваций часто носят характер “двойной спирали”:

- государство – наука;
- бизнес – наука;
- государство – бизнес.

Интенсификация и усложнение инновационных процессов в обществе привели к тому, что двусторонние отношения теряют свою эффективность.

“Модель «тройной спирали», – пишут И.Дежина и В.Киселева, – организована в соответствии с принципами пересечения трех множеств отношений. В данной модели каждый из институтов обеспечивает систему производства знаний за счет создания гибридных институциональных форм, снижающих неопределенность”⁷.

В нашей стране устойчиво функционирует иерархическая система двусторонних отношений, когда наука и бизнес по отдельности ориентируются на государственную помощь, не взаимодействуя друг с другом. В этой связи одной из существенных проблем, затрудняющих формирование инновационной экономики в России, является слабость трехсторонних связей между основными субъектами инновационного процесса.

Роль государства в развитии кластера заключается в активном посредничестве и, как следствие, устраниении ряда провалов рынка.

Провалы рынка понимаются не в онтологическом плане (традиция А.Пигу), а как последствия существования трансакционных издержек, нечеткой спецификации прав собственности и наличия эффекта богатства. В идеальных условиях (экономика Робинзона Крузо), которые характеризуются отсутствием вышеперечисленных условий, субъекты рынка в процессе переговоров

* Знаменитая Силиконовая Долина с США начала формироваться с конца 40-х годов XX в.

достили бы оптимального (с точки зрения распределения ресурсов в обществе) состояния⁸. Первоначально в качестве факторов, препятствующих автоматическому достижению оптимальной структуры производства выделялись трансакционные издержки и нечеткая спецификация прав собственности. В дальнейшем была доказана аналогичная роль эффекта богатства⁹.

Как известно, провалы рынка связаны с несовпадением частных и общественных издержек и выгод.

По отношению к кластеру, можно говорить о слабой связанности (*networking failures*) субъектов кластера. Индивидуальные субъекты, взаимодействуя в кластере, создают положительные внешние экстерналии для других субъектов кластера. Однако в силу того, что данные положительные экстерналии не приносят им непосредственную выгоду (или эта выгода не осознается ими), то они “недопроизводят” связей с другими локализованными субъектами⁶.

Одной из причин слабой связанности являются высокие трансакционные издержки (то есть издержки взаимодействия).

Трансакционные издержки возникают из-за того, что человек не может быть абсолютно рационален (он не всеведущ, как это имплицитно заложено в идеальных построениях экономики).

Информация изначально распределяется неравномерно (так, работник лучше знает свои способности и свою мотивацию, чем работодатель, а продавец, как правило, лучше осведомлен о качестве товара, чем покупатель и т.д.).

Вследствие такой информационной асимметрии фирмы в кластере упускают множество возможностей по взаимовыгодному сотрудничеству. Стремясь к рациональности, хозяйствующий субъект использует и анализирует информацию. Это связано с издержками, которые (быть может лишь субъек-

тивно) могут превышать предполагаемые выгоды от сотрудничества.

Поэтому государство, исполняя роль посредника, помогает уменьшить информационную асимметрию (и снизить трансакционные издержки) за счет формирования площадок для взаимодействия, выступая в некоторых случаях гарантом исполнения обязательств, принимая на себя часть рисков, участвуя непосредственно в проектах, формулируя и уточняя правила игры и пр. Данные мероприятия позволяют организациям кластера (как коммерческим, так и некоммерческим) интенсифицировать взаимодействия друг с другом и более полно использовать потенциал положительных экстерналий.

Роль государственных органов в активизации и развитии кластера, особенно местных (региональных), является решающей.

В формировании автомобильного кластера в Гуанчжоу действия градоначальника, которого называют автомобильным мэром, признаются ключевыми в выборе японскими компаниями места своего расположения. Мэр лично проводил масштабную рекламную компанию провинции Гуандун среди японских инвесторов в Токио.

Можно указать также на г. Остин (шт. Техас), власти которого приняли решение переориентировать специализацию города на высокие технологии. В 1983 г. Остин принял новый курс, согласно которому стал позиционировать себя как пространство исследований и технологий. Решающим событием в развитии города стала победа в выборах, организованных корпорацией МСС для выбора своего местоположения. Помимо Остина были рассмотрены заявки 57 городов в 27 штатах.

Главным фактором победы Остина является тесное взаимодействие между бизнесом, государственными органами и университетом Техаса. В 2004 г. Остин был признан вторым среди самых высокотехнологичных регионов мира.

При этом роль государства, видимо, должна быть особенно велика в странах второго и третьего эшелонов развития капитализма, в которых государ-

ство традиционно является главным источником изменений. Но это совсем не означает вытеснение частной активности или ограничения конкуренции.

Примечания

- ¹ Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки. 2005. № 4(24).
- ² Портер М. Конкуренция. Пер. с англ. М.: Издательский дом “Вильямс”, 2005, С. 318.
- ³ Ketels C. The development of the cluster concept – present experiences and further developments. 2003 // <http://www.isc.hbs.edu/econ-clusters.htm>. Р. 4.
- ⁴ Solvell O., Lindqvist G., Ketels C. The Cluster Initiative Greenbook. 2003. www.cluster-research.org/greenbook.htm, Р.11.
- ⁵ Куценко Е.С. Кластеры в экономике: практика выявления. Обобщение зарубежного опыта // Обозреватель – Observer. 2009. № 10.
- ⁶ Solvell O. Clusters – Balancing Evolutionary and Constructive Forces. 2009 // <http://www.cluster-research.org/redbook.htm>. Р.63, 70.
- ⁷ Дежина И., Киселева В. “Тройная спираль” в инновационной системе России. 2007 // <http://institutiones.com/innovations/265-q-q-.html>
- ⁸ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД при участии издательства Gatallaxy, 1993. С. 87–141.
- ⁹ Скоробогатов А.С. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб.: ГУ–ВШЭ, 2006. С. 83–93 // <http://ie.boom.ru/skorobogatov/skorobogatov.htm>.

Подписка на 2010 г.

на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев

О “здоровом теле и духе” государства

Нетривиальная парадигма государственного
управления и права

Эльдар Касаев

Mens sana in corpore sano *

Новый политический сезон в России, как и предыдущий, проходит под знаком экономического кризиса. К сожалению, несмотря на многообещающее заявление министра финансов России А.Кудрина о том, что наше государство вышло из рецессии, начавшейся в третьем квартале 2008 г., реальных признаков оздоровления меньше, чем доказательств существования жизни на Марсе. Земля под ногами все еще горит: гибнут компании, рушатся банки, теряют работу специалисты.

Каким образом находить решения в условиях стресса?

Как не завязнуть в топкой пучине финансовых дрязг?

Какие шаги следует предпринять власть имущим, чтобы, говоря словами В.В.Маяковского, “выволочь республику из грязи”?

Ответам на эти и многие смежные вопросы посвящен труд доктора технических наук, профессора Сергея Курица и доктора юридических наук, профессора Валерия Воробьева под названием “Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права”¹.

Автором статьи предпринята попытка, основываясь на положениях данной монографии, проанализировать правовые и управленические проблемы сегодняшнего российского и зарубежного обществ.

КАСАЕВ Эльдар Османович – юрист-международник, соискатель кафедры международного права МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: право, государство, управление, болезнь, патология, диагноз, системный анализ.

* В здоровом теле – здоровый дух (лат.).

Научный прорыв

Немного перефразировав народную мудрость, можно с уверенностью сказать, что названное исследование по праву является другом “государя” (термин, используемый авторами книги). До сих пор в отечественной и зарубежной научной литературе не было сколько-нибудь представительного фундаментального труда, в котором бы на основе метода системного анализа была предпринята попытка проведения “диагностики патологий в управлении государством” с тем, чтобы, основываясь на данном методологическом инструменте, в будущем превентивно, а не *a-posteriori* (лат. – из последующего) предотвращать и разрешать имманентно присущие государствам различные проблемы, кризисы и конфликты – так называемые “болезни государства”.

В монографии, стоит, прежде всего, выделить два момента.

Во-первых, академизм труда, в котором были умело использованы материалы из различных областей знаний:

Главное – правильно поставить диагноз

Примечательно, что 6000-летняя история права и государства (здесь все-таки уместно поставить право перед государством, так как оно первично) не создала надежных средств не только для предупреждения различных проблем, кризисов и конфликтов в государствах, но и для устранения уже возникших. В этой связи уже давно наズрела острая необходимость, говоря языком медицины (который характерен для всей книги, что уже отчетливо видно из ее названия), в определении точного диагноза для будущего устранения различных патологий. Попытки различных ученых и мыслителей, среди которых особо выделяются Аристотель, Платон, Локк, Монтескье, найти панацею от этих “болезней”, лишь в

философии, социологии, права. Данное обстоятельство, помимо прочего, свидетельствует о грандиозности и уникальной научной значимости проведенного исследования. Применение междисциплинарного подхода к исследованию определенного предмета уже не раз доказывало свою фундаментальную гносеологическую ценность.

Во-вторых, глубокий (и нелегкий для восприятия) научный аппарат и терминологию, которые легли в основу издания.

К примеру, в научный оборот монография вводит такие непривычные даже для самого скрупулезного правоведа и государственного управленца термины, как “декомпозиция” (научный метод, позволяющий заменить решение крупной задачи решениями более мелких), “медиэргономика” (исследование и проектирование различных систем), “энтропия” (понятие, необходимое для определения меры необратимого рассеяния энергии).

какой-то мере касались данной проблемы.

Однако исследование отдельных задач права и государственного управления вне целостного представления о государстве неминуемо ведет в тупик. Об этом свидетельствует общепризнанная мировая оценка современного исторического этапа как кризиса общественных наук.

Каким же образом установить точный диагноз и провести эффективное и своевременное лечение?

Здесь на первый план выдвигается нормативистская модель (или “эталон”, как пишут авторы монографии), составляющая, наряду с системным анализом, а также анализом правовых основ государства, остов, на котором

держатся все полученные выводы. Другими словами, диагноз ставится путем сравнения “больных” частей системы управления с моделью здоровой системы или эталоном. Им в монографии названа система управления правового

социального государства, в которой в идеале устраниены патологии, и она обеспечивает разрешение диалектического противоречия трех принципов управления: эффективности, справедливости и верховенства права.

В глубь проблемы

Более предметно и детально раскрыть концепцию эталона государственного управления поможет подробная характеристика структуры работы, в которой следует выделить следующие компоненты:

- общую методологию анализа и принципы государственного управления;
- описание целевого блока конституций;
- раскрытие системных основ административного управления, то есть задач, функций и структуру, в рамках административного блока конституции;
- характеристику блока самоуправления конституции эталонного государства, включающего в себя, что важно, негосударственные институты и функции гражданского общества.

Для более четкого понимания концепции монографии целесообразно обратиться к ее тексту, который ведет читателя к пониманию органической взаимосвязи трех обозначенных ранее блоков государственной системы.

“Целевой блок” направляет обоим блокам императивные (обязательные для исполнения) решения (конституционные нормы права и вердикты по по-

воду получения реакций по обратным связям). Административный блок направляет решение в блок самоуправления, регламентирующие поведение граждан и жителей страны (законы, регламенты, инструкции)”, – пишут авторы.

Примечательно, что конституционно-правовая составляющая данного труда подкупает своим органичным переплетением не только с областью государственного управления, но и с другими смежными отраслями права.

Достаточно сказать, что помещенный в приложении к монографии “Глоссарий”, составленный авторами в помощь читателю при разборе замысловатых эмпирических конструкций, содержит, помимо прочего, и определения общих принципов международного права.

По мнению г-на Курица, “Болезни государства” являются, по сути, своеобразным “конспектом”, содержащим в самом общем виде лишь целевые направления и выводы, которые в перспективе должны быть апробированы другими учеными во множестве самостоятельных исследований в различных отраслях науки.

Споры и предложения

Данная книга не была бы новаторской и неординарной, если бы не вызывала жарких споров и острых дискуссий в профессиональной среде.

Одним из первых рецензентов стал доктор философских наук, профессор А.Шестопал, который оспорил пози-

цию авторского тандема вот по какому вопросу. Пытаясь вылечить тело государства от политических, экономических и социальных болезней, исследователи забыли о духе государства, а ведь именно в духовном осуждении и заключается, по меткому замечанию г-на

Шестопала, неминуемая гибель государства. Не это ли каждый сегодня ощущает на себе?

В наше смутное время, когда старый мир рушится, а новый таит в себе массу опасностей, когда бездуховность и безнравственность стали обычными явлениями, а мораль и справедливость отошли в разряд абстрактных понятий, когда, вспоминая О.Э.Мандельштама, "люди живут, под собою не чуя страны", возникает естественное желание утолить духовную жажду целебным эликсиром, который бы помог избежать сначала стагнации и загнивания, а затем отмирания и гибели всего государства.

Медицинская терминология в данном случае была намеренно использована, поскольку через все исследование Курица и Воробьева проходит специфическая лексика, вполне удачно "транспонированная" авторами в текст монографии. Данное обстоятельство, придав последней некую изюминку, позволило назвать труд исследователей

"лекарством" от государственных болезней.

Однако лекарственная терапия должна точно отвечать нуждам конкретного пациента и увеличивать ее следует поэтапно, чтобы снизить вероятность побочных эффектов и сделать лечение более приемлемым.

Что же делать, когда лекарство не помогает?

Один из способов болезненного врачевания "с побочными эффектами" без использования лекарств, предложил основной рецензент монографии доктор юридических наук, профессор М.Исаев. Развивая вслед за авторами крайне увлекательную тему болезней государства на различных стадиях его развития, он обратил особое внимание на то, что от их взора, помимо названных в книге, ускользнула еще одна серьезная патология – это патология самой власти. Ведь власть – это лекарство, дающее побочные эффекты, но выздоровление организма все же гарантировано, если нет передозировки.

Прокрустово ложе чиновничьей работы и соотношение понятий

Данный тезис порождает ряд ключевых вопросов.

Не являются ли пороки государства изначально встроенные в сам институт государственной власти?

На сколько важна постановка вопроса об эталонном государстве?

Что в действительности происходит с самим государством?

Процитировав теоретика права Б.Аккермана, постараемся убрать в ножны дамоклов меч резкой критики и всевозможных обвинений в многочисленных проблемах государства, в последнее время нависший над горячими головами российских и некоторых зарубежных государей. "Чиновник сегодня виноват во всех бедах, но ведь и он

сам – не более чем винтик государственной машины, чья свобода действий весьма и весьма ограничена".

Посредством сравнения государства с веберовским "идеальным типом", введенным авторами монографии в свое исследование, постараемся выявить некоторые дефекты государства. Так, "форма организации общества, которую принято называть государством, не является статичной, вечной, устойчивой и общезначимой".

Кроме того, теоретики зачастую не обращают внимание на то, что человеческие общества в процессе эволюции способны принимать бесчисленное множество форм, которые можно разграничить в зависимости от конкрет-

ного исторического периода. В свою очередь, государства начинают превращаться в корпорации, в основе деятельности которых положен принцип эффективности, представляющий собой минимизацию расходов на достижение конечного результата. Далее корпорации превращаются в квазигосударства.

Может быть таким образом происходят аномальная трансформация и глобальные метаморфозы в естестве власти и сущности государства? Однозначного ответа, увы, мы не находим в тексте неординарного “дуэта физика и лирика” (именно так назвал авторов монографии А.Дегтярев).

Президент Российского национального комитета по политическому анализу профессор А.Дегтярев в какой-то мере задал некоторые ориентиры для последующего поиска ответа на по-

ставленный выше вопрос. Каковы же они?

Прежде всего, это множество сложных и нерешенных авторами проблем, касающихся “не столько самой нормативно-прескриптивной, сколько дескриптивной и экспликативной сторон государственного управления”. Другими словами, речь идет о внутреннем механизме социально-политических исказений и искривлений.

Кроме того, следует особо выделить проблему соотношения “писаных и официальных норм” с “неписанными и неофициальными правилами”, учет влияния различных социокультурных стереотипов и обычая, неформальных правил игры в различных политических системах на управленческий процесс, “вертикальной иерархии” государственных институтов и “горизонтальной сетью” негосударственных акторов.

Коран – настольная книга нобелевского лауреата

Aвторы утверждают о том, что “при постановке вопроса о Творце, о Боге исследование немедленно лишается всякой научности”. Подобный тезис, вряд ли будет разделен представителями мусульманских государств, в которых наука всегда основывается на религии.

Огромные научные знания, заложенные в Коране, многие научные предсказания, содержащиеся в нем и которые наука периодически подтверждает, де-

лают его объектом пристального внимания части ученых.

Например, Кейт Мур, врач и ученый из Университета Торонто, сказал, что, если бы он прочитал Коран 20 лет назад, то получил бы Нобелевскую премию тогда, а не сейчас. Г-н Мур является автором учебника “Эмбриология человека с исламскими добавками”, в котором он использовал аяты, напрямую связанные с внутриутробным развитием человека.

Болезни России

Несмотря на то, что в “Болезнях государства” отсутствует патология современного российского государства, хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Во-первых, одна из хронических и прогрессирующих болезней российского государства – экономическая. Ни система управления, ни национальная

экономика не приведены к состоянию, обеспечивающему эффективную работу и устойчивое развитие страны. Это происходит потому, что все программы экономического развития России были и остаются бессубъектными.

Возьмите, к примеру, “Стратегию-2020” или “Четыре И” – ни в одном из документов не содержится не только пря-

мого, но и косвенного указания на конкретных субъектов планируемых реформ и преобразований.

Во-вторых, другая, не менее заразная болезнь нашей страны – это коррупция.

Рассказывая в одном из интервью о своих взглядах на это явление российской действительности, президент Д.А.Медведев сформулировал два своих тезиса следующим образом: первый – никакими законами коррупцию полностью не победить, второй – коррупция будет побеждена по мере увеличения благосостояния честных чиновников.

Однако достичь этого в обозримом будущем вряд ли удастся. Почему?

Дело в том, что в топком и вязком болоте этой болезни вязнут не только крупные чиновники, но и более мелкие “лица, принимающие решения” (термин из монографии) любого государства.

Проводя аналогию с известным в криминальных кругах понятием “воры в законе”, можно сказать, что отечественные “коррупционеры в законе”, и

поэтому им дозволено “красть” в той части, которая прописана (или подразумевается) в законе, пускай даже она незначительна. Ведь, как известно, *de minimis non curat lex* (закон не заботится о мелочах, лат.). Кто в таком случае позаботится?

В-третьих, еще одной тяжелой для наших государственности и общества болезнью является глубокий духовно-нравственный кризис. Вообще истории всех государств очень похожи на книги, которые отличаются по размеру, объему, содержанию и оформлению. Единственное, что их объединяет, – общий автор по имени судьба.

Видимо, у России и ее общества судьба такая: в настоящий момент переживать спад нематериальных ценностей. Однако можно с уверенностью сказать, что нет душевных неизлечимых болезней, ведь, как гласит мудрость, в здоровом теле – здоровый дух. О теле государства блестяще позабочились Сергей Куриц и Валерий Воробьев, а вот оздоровлением его души следует всерьез заняться всем нам.

Примечание

¹ Куриц С.Я., Воробьев В.П. Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права. М.: МГИМО-Университет. 2009. – 472 с.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или представляется на диске в программе Word вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть структурирован.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, учченую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присыпаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (ученого подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Обозреватель–Observer № 11, 2009

The opposition and government

A.Isakov, A.Oleynik

Based on substantial evidence, this article analyzes questions the legality of the existence of opposition in the state and its relationship with the existing authority.

Key words: opposition, power, states power, political parties, a multiparty system, extremist activities, terrorist activities.

About authors: ISAKOV Anatoly Isaakovich – Professor of Law University.
OLEYNIK Andrey Vitalievich – Associate Professor of the Law University.

What Law and Why is necessary for National Security

V.Trofimov

In connection with the working out the Federal Law on National Security the author formulates and proposes some concrete proposals directed, on his opinion, to the achievement of lawful mechanism of people's protection.

Key words: National Security, Law.

About author: TROFIMOV Vladimir – counsellor to the Committee for Deference and security of the Soviet of Federation.

The BRIC group in the Anglo-Saxon West's global governance's strategy

V.Pavlenko

The article deals with the main aspects of the BRIC group's development. Inspite of the usual point of view, the author considers this organization to be the part of the Anglo-Saxon "Global Center's" strategy. So China's part in this combination is assigned as the main.

While criticizing the contemporary "multipolar world's" conception, the author comes to the conclusion about the intercommunication's presence between the perspectives of the real multipolar order's achievement and the political, military and ideological consolidation of the Shanghai cooperation's organization.

Key words: The BRIC group, the Shanghai cooperation's organization, the Anglo-Saxon "Global Center", "the multipolar world", the global governance's strategy, the global institutes, "the Group of 20".

About author: PAVLENKO Vladimir – doctor of Politology.

Conventional arms control crisis

V.Goncharov

The article is devoted to the issue of the day – restoring viability of the CFE Treaty. The CFE is the only conventional arms control mechanism in Europe. The Russian Federation had to declare a moratorium on the Treaty after principal changes in the

politico-military situation in Europe and unwillingness of western countries to consider Russian interests. However, the dialogue on arms control issues in Europe is still carried on and Russian efforts are aimed at restoring the viability of the CFE.

Key words: CFE, Parallel action plan, package deal, provisional application, flank issue, substantial combat forces.

About author: GONCHAROV Vitaly is an expert of the Delegation of the Russian Federation on Military Security and Arms Control to the OSCE, attach  of Security and Disarmament Department of the MFA of the Russian Federation, MGIMO post-graduate.

Global crisis and USA – Europe relationship

V.Kotlyar

The author analyses the ongoing discussion in the U.S. and European expert communities on the impact of current financial and economic crisis on the relationship between the USA and its European allies. The USA, which will remain one of the most powerful states of the world, will, however, pay much more attention now to its relations with leading Asian states, while transatlantic relations will no longer serve as the basis for U.S. foreign policy, though they will still be of prior importance for Washington. There is trend in Europe now – not only in Germany and France, but also in Central and Eastern Europe – for somewhat more independent foreign policy. Yes it would be more correct to speak not of fundamental “perestroika” of European foreign policy, including vis-a-vis Russia, but rather of slowing down of its particularly negative trends (such as the establishment of the U.S. ABM bases in Europe or admission of the Ukraine and Georgia to NATO membership).

Key words: global financial and economic crisis; relations between the USA and its European allies; summit of the Shanghai Cooperation Organization (Ekaterinburg, 2009); F.-W.Steinmeier; A.Merkel; D.A.Medvedev; E.Morin; N.Sarkozy; Central and Eastern European states; “Eastern partnership”.

About author: KOTLYAR Vladimir – dr. hab. in International Law, Counselor at the Institute of Contemporary International Problems of the Diplomatic Academy, Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation.

Terrorism in Spain: an international aspect

A.Orlov

The article describes an international aspect of ETA and its political and public branches activity. The consolidation of an international front of support is one of the key elements of ETA's strategy to guarantee the “internationalization” of the basque conflict.

Key words: Nationalism, terrorism, human rights, national liberation, Spain, France, Basque Country, ETA, “Batasuna”, National Court.

About author: ORLOV Alexander – professor of the Moscow State Institute of International Relations (University).

“Black Hole” of Russian Economy or Where AutoVAZ is moving to?

A.Savitsky

In the article the author analyses the reasons of negative conditions of automobile market in Russia and noted that Russian Government measures for the protection of National automobile industry, mainly for AutoVAZ, did not theirs aims. To correct the situation he proposes not to support separate companies but to conduct a long-term course directed to the support and increase the paying capacity of people that is the investment to the innovation production.

Key words: Policy of economic support, AutoVAZ, defence of Autoprom, National Autondustry, Company capitalization.

About author: SAVITSKY Alexey – candidate for economic scieses, a member of the Council on Federal and Regional Programmes in the Soviet of Federation.

Corporate lobbying as an anti-risk activity

D.Belov

This article deals with a concept of lobbying and its role in corporation – government interactions. The author argues that different risks derive from these interactions and corporations tend to minimize them by any means available. Actually lobbying is one of the most important tools of risk-management which is used either to minimize potential risks or to maximize potential gains.

Key words: lobbying, political risk, corporations, decision-maker, uncertainty, GR.

About author: BELOV Dmitry – postgraduate in the Moscow State Institute of International Relations (University) at the MFA of Russia.

Geopolitical interests of USA in Transcaucasia their substantiation

A.Magomedov

In article “Geopolitical interests of USA in Transcaucasia their substantiation” is analyzed the purposes of foreign policy of the USA on the Caucasian direction. The author considers that these purposes should be considered though a prism of the general strategy of The USA on post-soviet territory which aspires to reduce political influence of Russia in this region.

Key words: Caucasus, USA, geopolitics, conflicts.

About author: MAGOMEDOV Ali – Diplomatic Academy of the MFA of Russia.

Children – citizens of the world

N.Agamirov

In clause, on the assumption of an urgency of a question on citizenship of children and about observance of their rights fixed in such documents as the Convention on the Rights of the Child (1989), the author aspires to show a special way of evolution of the attitude of adults to children to open specificity of the international legal system of

protection of children, and also to reveal new opportunities of the children's diplomacy, being one of most dynamically developing kinds of national diplomacies in the world.

Key words: the childhood, citizenship, the rights of the child, the Convention on the Rights of the Child, information violence, children's diplomacy.

About author: AGAMIROV Natig – Notary Public in the City of Moscow, Chairman of Central Council of Independent Union of Notaries in Russia, 1st rank Counselor in Justice of the Russian Federation, Professor of Russian Academy of Advocateship and Notariat, PhD in Political Science.

Participation of Finland in the Second World War

E.Senjavskaja

Article is devoted to participation of Finland in the fascist Germany's war against the USSR in 1941-1944. Already it deals with the illumination of those events in the Finnish and Soviet propagation of that time, and also with modern attempts of the Finnish political and intellectual elite to alter the Second World War's history.

Key words: The Second World War, the USSR, Finland, propagation, mutual perception, historical memory, revanchist moods.

About author: SENJAVSKAJA Elena – the doctor of historical sciences, the leader scientific sotrudnik Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences, the winner of the State award of the Russian Federation, dejstvitelnyj a member of Academy of military sciences.

Business clusters: principles of cluster policy

Kutsenko E.

The paper is devoted to the description of cluster policy basics. The meaning of cluster policy reveals in comparison with a traditional industrial policy. Cluster development is presented as simultaneously evolutionary and constructive process. The author analyses the place and the role of authorities in cluster activation and development.

Key words: Claster, Claster Policy, Innovation Policy, Industry Policy.

About author: KUTSENKO Evgeny – Postgraduate in Plekhanov Russian Academy of Economics.

About “Sound Body and Spirit” of State

E.Kasaev

After reading the outstanding book “Maladies of State. Diagnosing Pathologies of State Governance and Law”, written by Professors S.Kuritz and V.Vorobiev, the author expresses his own opinion about possible machinery of solution of many legal and management problems of state. The author analysis general “pathologies” for many countries and societies and points out individual “diseases” of Russia.

Key words: law, state, governance, maladies, pathologies, diagnosis, systems analysis.

About author: KASAEV Eldar – an International Lawyer, seeking the PhD at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200. Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093. Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 12.11.2009. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 175.